

ISSN 0042-8779

ИВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

9

2018

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

9/2018 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945 гг.)..... 3

СТАТЬИ

В.В. Фомин — «Фряги» русских памятников 12

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

П.А. Искендеров — Николай Генрихович Гартвиг 35

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

А.И. Тетуев — Российский федерализм: проблемы и эволюция 45

ПУБЛИКАЦИИ

Заявления бывших красных партизан Юга России в 1920-х — 1930-х гг. Публикацию подготовила **С.А. Хубулова** 54

СООБЩЕНИЯ

А.В. Маньков, Е.К. Минеева — Эсеры Среднего Поволжья в начале XX в. 67

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

К.Н. Исмаилов — Аграрные отношения и земельный вопрос в Азербайджанской Демократической Республике (1918—1920 гг.)	80
---	----

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Б.Д. Цыбенков — О времени заселения даурами территории Приамурья: новая интерпретация данных	92
---	----

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Е.В. Катывшевцева, К.-Х. Мин — Партийно-политическая учеба в 88-й стрелковой бригаде и Ким Ир Сен (1942—1945 гг.).....	101
---	-----

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

П.А. Искендеров — Экономические корни геополитики (на примере Балкан)	123
--	-----

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Л.Н. Лютов — Морально-политический аспект коллективизации (вторая половина 1920-х — 1930 г.)	132
---	-----

М.С. Фёдорова, Л.П. Холодова — Изменение архитектурного облика военных госпиталей в России с 1707 г.	142
---	-----

Ш.А. Магарамов, Н.А. Магомедов — Развитие морской торговли на Каспийском море в XVII в.	146
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

А.А. Иванов, А.А. Чемакин — Православное духовенство и русский национализм в начале XX в.	153
---	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ

С.Л. Бехтерев, Л.Н. Бехтерева — Первая публикация об Ижевско-Воткинском восстании 1918 г.	167
---	-----

Хроника Великой Победы (1941—1945 гг.)

Свидетельства противника (июнь-июль 1941 г.)

Аннотация. Документы, представленные в настоящей подборке, охватывают период с июня по июль 1941 г. и находятся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации. Первый документ — дневник унтер-офицера 2-й роты 36-го танкового полка Вермахта Альберта Шмидта — отражает события июня-июля 1941 года. Второй документ — выписка из информационного бюллетеня, направленного в 6-ю роту отряда Козия румынской армии.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, вторая мировая война, Германия, нацизм, Румыния, Совинформбюро, Министерство обороны Российской Федерации.

Abstract. The documents under examination are related to June-July of 1941. They are presented by Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. The first one — the diary of an under-officer of the 2nd roth of the 36th tank regiment of Wehrmacht Albert Schmidt, covering the events of June-July 1941. The second document is the newsletter, sent to the 6th roth of the «Koziya» detachment of the Romanian army.

Key words: USSR, Great Patriotic War, World War II, Germany, Nazism, Romania, Soviet Information Bureau, Ministry of Defense of Russian Federation.

Представление об ожесточенности боев на советско-германском фронте дают не только сводки Совинформбюро и доклады военачальников Красной армии, но и документы «со стороны» вермахта — в частности, дневниковые записи германских солдат и офицеров. Ниже приводится хранящийся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации фрагмент перевода на русский язык дневника унтер-офицера 2-й роты 36-го танкового полка Альберта Шмидта, охватывающий события июня-июля 1941 г.:

«21.6.41 г.

Инструктаж о противнике. Получены деньги. Занятие по технической службе. Русский солдат жесток. Попавшего в плен к русским ожидает жестокое обращение и смерть. Русские нам двойной враг. Во-первых, как

Публикацию подготовил П.А. Искендеров.

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2018, № 5—8.

коммунисты, во-вторых, как государство. Вооружение русских хорошее и сражаются они до последнего. Командование плохое.

22.6.41 г.

5.00 подъем. В 8.00 выступление. В 9 часов выступает пехота и образует передовой ударный кулак. Затем мы атакуем противника. Мы входим в состав 6-й армии, под командованием генерала фон Райхенау, а армия входит в группу фон Клейста. Время обеда. В 13.30 команда по машинам. Возможно попадем под обстрел противника. Мы стоим на дороге; я нахожусь в головной походной заставе. Около 20 неприятельских бомбардировщиков атакуют нас. Бомба за бомбой падают на нас, мы прячемся под танками. Убит один мотоциклист нашего взвода, осколок распорол ему спину. Мы продвинулись на несколько сот метров от дороги. Истребители обстреливают нас. Наши истребители не видно. Война с русскими будет тяжелой. И так началась война с Россией в Воскресенье. Сегодня в 3 часа утра 52 артбатареи открыли огонь. К вечеру артиллерия выдвинулась вперед. Стрелки должны сражаться за каждую пядь земли. Дорога впереди нас разрыта. Мы боремся против большевизма. В 22.00 мы слушаем радио. Затем мы идем спать в танки. Правый фланг совсем открытый. Артиллерия тоже начинает стрелять. Сможем ли мы спать спокойно?

23.6.41 г.

В течение всего утра мы подвергались налетам бомбардировщиков. Один бомбардировщик был сбит зенитной артиллерией и два нашими истребителями. На этом участке мы имеем очень мало своей авиации. Город впереди нас защищается упорно. Через Бут имеется только один мост. Русские систематически разрушают его. Русские бросают все новые силы против нас, а нас мало. Ожесточенный бой. В 11.30 приказ подготовиться. До сих пор мы были на немецкой территории, теперь мы переходим границу. Наша артиллерия поддерживает нас при переходе через мост. Бой начинается. 3-й взвод нашей роты выполняет особую задачу для пехоты. Через час мы двигаемся дальше. Наш майор приказал нам взять два ДОТа. Русские сражаются упорно, но им приходится отступать. После упорного боя ДОТы взяты. Русские имеют потери: два убитых, одного раненого и двух пленных. У нас потерь нет. Мы движемся через город. Этот город взят другими танками. Двигаемся дальше без остановок. 21.30 мы располагаемся на ночлег. Очень рано наверно будем двигаться дальше. Противник упорно обороняется, но он должен будет отступить. Днем очень жарко и пыльно. Ночью осаждают нас комары, трудно выдержать. Теперь идем спать в танк.

24.6.41 г.

Ночь прошла спокойно. В 4.30 мы должны быть готовы к выступлению. Появились наши истребители. Нам сегодня предстоит большой переход. Сегодня мы не находимся в головной походной заставе. Колонна останавливается. Артиллерия противника обстреливает нас. Мы движемся слева от дороги. С воем снаряды пролетают над нами. К нам подтягиваются стрелки — мотоциклисты и зенитная артиллерия. 7.50 мы продвинулись на три километра. Первая и четвертая роты введены в бой. Мы стоим перед большим селом и ожидаем приказа на атаку. Артиллерия обстреливает нас. Село частично горит. Вчера мы были час в противогазах. С 11.25 противник отступает. Мы опять находимся в головной роте. Второй взвод — головной. Ядро роты находится всегда при головном взводе. 14.05. Невыносимая жара и очень много пыли. Двигаемся дальше. Несколько

сот метров от перелеска рота принимает боевой порядок. Головной взвод еще на дороге. Я сворачиваю с дороги направо. Один танк расстрелян. Я пересекаю дорогу и двигаюсь слева вдоль дороги. В 100 метрах впереди меня, происходит ожесточенный бой танков. Нам приданы несколько 75 мм ПТ [противотанковых] орудий. Я проезжаю мимо начальника и танка 232, который поврежден и расстрелял все снаряды. Мы пришли вовремя. По приказу начальника по радио 3-й взвод должен атаковать дорогу и лес. Я прорываюсь и еду сам вдоль дороги. Я даю короткую очередь и двигаюсь быстро вперед. Дорогу преградили два танка, которые были подожжены моей командой. Поздно вечером закончился бой. Все описать я не могу, это было бы слишком много. Начальник и его наводчик убиты. Танк № 233 сгорел вместе с наводчиком. Мы имеем пять раненных. В общем мы потеряли 4 танка, три танка были опять восстановлены.

25.6.41 г.

К нам назначен новый начальник старший лейтенант ГОРРЕНШЮТЕР. Я теперь командир танка. Наступление продолжается. Через 7 км. сильный огонь противника со всех сторон. Я сворачиваю налево, а потом направо через дорогу и выезжаю в поле. Трудно приходится нам воевать. Рота еще не подошла. Я сам. Наконец подходит часть роты. Один взвод танков полностью уничтожен. Все потери еще не выяснены. Никто еще из нас не участвовал в таких боях, как здесь в России. Поле сражения имеет ужасный вид. Такое еще мы не переживали. 9.45. Наш новый начальник руководит хорошо. Он хвалит нас, поскольку мы это заслуживаем. Поскольку я могу себе представить, мы имеем двух убитых, двух тяжело раненных, а как обстоит с другими, я не знаю. Три танка целиком сгорели. Теперь нас также бомбит авиация. До сих пор еще здесь не было видно наших пикирующих бомбардировщиков, все мы должны сами делать.

11.7.41 г.

В 18.00 выступаем, осталось пройти 62 км. Шли всю ночь. Мы все ближе и ближе к цели (Киев). По обеим сторонам лежат сожженные орудия, машины и расстрелянные танки. Один танк наскочил на мину. В воздухе пахнет смертью!

12.7.41 г.

Скоро мы будем у цели. Русские поджигают собственные дома, чтобы мы не имели никакого пристанища, но этим они нам не мешают. Русские бомбардировщики и истребители летали везде, но нам вреда не наносят.

13.7.41 г.

Останемся ли мы здесь сегодня не знаю. Мы лежим под Киевом. 13 дивизия еще впереди нас. Ранним утром через нас туда пролетели 60 бомбардировщиков и 24 истребителя.

14 и 15.7.41 г.

Дни ужаса.

16.7.41 г.

0.30. Продвигаемся. В 1.30 отступаем на прежние позиции назад. Бомбардировщики и истребители противника наступают. Становится очень тяжело. К 8.00 готовимся к контратаке, остается последняя надежда, если теперь не удастся?...

Бог с нами! Бензин и боеприпасы на исходе. Мы прибыли к обозу. Снова направляемся к позициям, где атаковал противник. Достигли ис-

ходных позиций. Если бы хоть одну минуту можно было не думать о войне? Скоро контрнаступление, но нам безразлично. Пехота противника наступает. Наши пулеметы ведут огонь. Перед нами танки противника. Водитель Михаэль ранен. Противник атакует большими силами. Два наших взвода оставили важные позиции. Приказ — удерживать позиции. Был тяжелый день. Русские обстреливают нас из орудий, а пехота просачивается с противотанковыми пушками. Противник обошел нас справа. Наша пехота отбросила противника. Нам придали половину взвода 4-й роты, до этого мы имели 6 больших танков. Со всей силой противник пытался прорваться, но мы не сдавались. В действие вступила артиллерия противника. Не было смысла удерживать позиции.

Боеприпасы истощились. В 17 часов противник отошел назад и мы восстановили наши позиции. Мы получили свежие боеприпасы. Также прибыла полевая кухня. Прошел еще один тяжелый день. 4-я рота была отведена назад в дивизион, который находился позади, приблизительно на расстоянии 8 км. Мы с 6-ю танками остались в охране.

17.7.41 г.

Приготовились к выступлению. 5.30. Русские отступили перед отрядами СС. Мы нашли двух убитых у сгоревшего танка. Как выяснили у населения, один из экипажа этого танка был взят в плен русскими. В 16.00 снова готовы к наступлению. 3-й взвод в охране справа. Два танка вернулись из ремонта. До этого мы потеряли 11 чел. убитыми, 1 попал в плен и 24 раненых. Наступление отложено до завтрашнего утра. Под Киевом много русских дивизий. Первая дивизия СС перестроилась. Сегодня после обеда приблизительно 40 бомбардировщиков атаковали переднюю линию.

Убил 18 стрелков и получаю сегодня железный крест II класса.

18.7.41 г.

2.15 подъем. Мы двигаемся дальше по полям. В 8.00 начался бой. Много орудий, полевых пушек, противотанковых пушек — столько никогда не видел. Мы преодолели и расстреляли. Мой и другие танки русские забрасывают ручными гранатами. Мы ведем пулеметный огонь против...»

Центральный архив Министерства обороны,
ф. 229, оп. 161, д. 10, л. 1—7.

Среди трофейных документов, относящихся к первым дням сражений Великой Отечественной войны, представляют несомненный интерес донесения, подготовленные в армиях стран-сателлитов нацистской Германии. Особая роль в реализации плана гитлеровского командования «Барбаросса» отводилась румынским частям. Ниже приводится хранящаяся в Центральном архиве Министерства обороны России выписка из информационного бюллетеня, направленная в 6-ю роту отряда Козия румынской армии. Данная выписка рассылалась по всем частям и содержала информацию о наступлении войск Румынии в первые часы войны:

«1. В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. в 3.15 мин. наши войска пошли в наступление. В ответ на наше наступление советская артиллерия действовала очень слабо.

2. Очень слабо действовала и пехота. Мы имели небольшие потери. Немцы потеряли одного офицера и двух раненых солдат. Русские потеряли 3 капитана.

3. Юго-восточнее отряда Козия находятся русские части, прибывшие из Тираспольского гарнизона.

От авиации.

По полученным сведениям, на Болградском аэродроме находится много советских самолетов и истребителей. Небольшое количество истребителей находится в полете. В Комрате отмечены сильные советские противовоздушные силы, которые были уничтожены.

Много советских самолетов расположены на аэродромах в Кишинёве, Яломица, Комрат.

От пленных.

Один раненый русский пленный заявил, что до сего числа он не знал о действиях румынской армии. Далее он заявил, что население и армия не хотят воевать. По слухам, — что советские части подтягиваются к Днестру.

ВЫВОДЫ: Кажется, что противник был застигнут врасплох; слабое сопротивление было оказано со стороны советских частей. В восточной части р. Прут также было слабое сопротивление русских войск, видимо, там были арьергарды.

Наша румынская авиация ведет разведку в расположение войск противника.

От командования Дачия.

По имеющимся данным можно сделать вывод, что советские войска действуют обманным путем и хитростями, приведу пример с небольшим немецким соединением: немецкое соединение было встречено белыми флагами с целью их успешного продвижения, в результате этого русские войска встретили их оружейным огнем.

Есть немало случаев, когда свои наземные части обстреливали наши самолеты и нанесли серьезные потери авиации, не принимая во внимание то, что наши самолеты летали очень низко и были видны знаки на них. Такой случай имел место в районе Драгош.

Обращаю внимание на то, что будут приняты самые строгие меры к тем лицам, которые попытаются повторять вышеуказанные случаи.

На участке отряда Козия.

Ввиду сильного действия зениток противника, нужно остерегаться их. Кажется, что в ночное время противник подтягивает свои силы.

Нужно отметить хорошую маскировку противника...»

* * *

Chronicle of the Great Victory (1941–1945)

Testimonies from the enemy (June-July 1941)

The ferocity of the fighting on the Soviet-German front was demonstrated not only by Soviet Information Bureau reports and the reports of the commanders of the Red Army, but also by Wehrmacht documents — in particular, by the diary entries of German soldiers and officers. Below is a fragment of the Russian translation of the diary of an under-officer of the 2nd roth of the 36th tank regiment Albert Schmidt, covering the events of June-July 1941. The document is stored in the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation,

“21.6.41.

Briefing about the enemy. The money are distributed. A session on technical service. Russian soldiers are cruel. Once captured by the Russian soldier expects ill-treatment and death. Russian for us are a double enemy. First, as Communists, second, as a state. Russian weapons are good and they fight to the last. Command is bad.

22.6.41.

At 5:00 rise. At 8:00 marsh is starting. At 9 o'clock the infantry acts and forms an advanced shock fist. Then we attack the enemy. We are part of the 6th army, under the command of General von Reichenau, and the army is part of the von Kleist group. Lunch time. At 13:30 command for taking cars. We may be under enemy fire. We're standing on the road; I'm in the head Outpost. About 20 enemy bombers are attacking us. Bomb after bomb are falling on us, we are hiding under the tanks. One motorcyclist of our platoon is killed, a shard has cut his back. We moved a few hundred meters from the road. The fighters are firing at us. We can't see our fighters. The war with the Russians will be hard. And so began the war with Russia on Sunday. Today at 3:52 a.m., the artillery batteries opened fire. By evening, the artillery moved forward. The shooters must fight for every inch of the earth. The road ahead of us is eroded by rain. We fight against Bolshevism. At 22:00 we listen to the radio. Then we go to sleep in the tanks. The right flank is completely open. The artillery is also starting to shoot. Will we be able to sleep peacefully?

23.6.41.

Throughout the morning we were subjected to raids of bombers. One bomber was shot down by anti-aircraft artillery and two bombers by our fighters. In this area we have very little of our aircrafts. The city in front of us defends itself. There is only one bridge over the Bug River. The Russians are systematically destroying it. The Russians are throwing more and more troops against us, and we are few. Fierce fighting. At 11:30 order to prepare. So far we have been on German territory, now we are crossing the border. Our artillery supports us in

crossing the bridge. The fight begins. Third platoon of our roth performs a special task for the infantry. We're moving on in an hour. Our major ordered us to take two DOTs (long-term firing points). The Russian fights hard, but they have to retreat. After a hard fight DOTs are taken. The Russians have a loss of two killed, one wounded and two captured. We have no losses. We're moving through the city. This city is taken by other tanks. We move on without stopping. At 21:30 we settle down for the night. We will move on probably very early. The enemy defends hard, but he will have to retreat. The day was very hot and dusty. At night, we are besieged by mosquitoes, it is difficult to withstand. Now we are going to sleep in the tank.

24.6.41.

The night passed quietly. At 4:30 we have to be ready for the marsh. Our fighters have appeared. We have a long marsh ahead of us today. Today we are not in the head Outpost. The column stops. Enemy artillery is firing at us. We're moving to the left of the road. The howling of the shells flying over us. Missile motorcyclists and anti-aircraft artillery tighten us. At 7:50 we have advanced on three miles. The first and the fourth company entered the fray. We stand in front of a large village and wait for the order to attack. The artillery is firing at us. The village is partially on fire. Yesterday we were in gas masks for an hour. At 11:25 the enemy retreats. We are again in the head roth. The second platoon is the head one. The core of the roth is always in the head platoon. 14:05. Unbearable heat and a lot of dust. Move on. A few hundred meters from the woods the roth takes battle order. The head platoon is still on the road. I'm turning off the road to the right. One tank is shot. I cross the road and move to the left along the road. 100 meters ahead of me, there is a fierce battle of tanks. We are given a few 75 mm anti-tank guns. I drive past commander and tank № 232 which is damaged and shot all the shells. We're on time. According to the radio-order of the chief 3rd platoon has to attack the road and the forest. I break through and drive myself along the road. I give a short turn and move fast forward. The road was blocked by two tanks, which were set on fire by my team. Later in the evening the battle ended. I can't describe it, it would be too much. Commander and his gunner are dead. Tank № 233 was burned along with the gunner. We have five wounded. In general, we lost 4 tanks, three tanks were restored again.

25.6.41.

Senior lieutenant HORRENSHUETER is our new commander. I'm tank commander now. The attack continues. After 7 km — strong enemy fire from all sides. I turn left and then right across the road and drive out into the field. It's hard for us to fight. The roth hasn't come yet. I am alone. Finally a part of the roth comes. One platoon of tanks completely destroyed. All the losses have not yet been clarified. None of us have ever participated in such battles as here in Russia. The battlefield has a terrible look. We have never experienced this before. 9:45. Our new boss is good. He praises us because we deserve it. As I can imagine, we have two dead, two seriously wounded, and I do not know what is the situation with the others. Three tanks were completely burned down. Now we are also bombed by aircrafts. Until now, we have not seen our dive bombers here, we all have to do it ourselves.

11.7.41.

We act at 18:00, it remains to pass 62 km. We walked all the night. We are getting closer and closer to the goal (Kiev). Burned tools, machines and shot tanks are on both sides. One tank ran over a mine. The air smells of death!

12.7.41.

We'll be on target soon. The Russians are setting fire to their own homes so that we don't have any shelter, but they will not prevent us. Russian bombers and fighters were flying everywhere, but they do not harm us.

13.7.41.

I don't know if we'll stay here tonight. We are near Kiev. 13rd division is still ahead of us. Early in the morning, 60 bombers and 24 fighters flew through us.

14 and 15.7.41.

Days of horror.

16.7.41.

0.30. We are moving. At 1:30 we retreat to the previous position back. Bombers and enemy fighters are coming. It's getting really hard. We are preparing for the counterattack by 8:00, the last hope remains, if now not manages?...

God with us! Gasoline and ammunition are running out. We've arrived. Again, we head to the positions where the enemy attacked. We have reached the starting positions. If only one minute you could not think about the war? Soon the counter-offensive will be, but we don't care. The enemy infantry is coming. Our machine guns are firing. Before us enemy tanks. Driver Michael is injured. The enemy attacks with great forces. Two of our platoons left important positions. Orders are to hold position. A hard day. The Russians are firing guns at us, and the infantry is leaking out with anti-tank guns. The enemy went around us on the right. Our infantry threw the enemy. We were given half of the platoon of the 4th company, before that we had 6 large tanks. With all the force the enemy tried to break through, but we did not give up. The enemy artillery came into action. There was no point in holding positions.

Ammunition is depleted. At 17 o'clock the enemy stepped back and we restored our positions. We got fresh ammunition. The field kitchen also arrived. Another hard day has passed. 4th roth was laid back in the division, which was behind, at a distance of about 8 km with 6 tanks remained as defenders.

17.7.41.

We are ready for the March at 5:30 Russians retreated before the SS units. We found two dead near a burnt tank. Locals told us that one person of crew of this tank was taken as prisoner by Russians. At 16:00 we are again ready to attack. Third platoon is in the guard on the right. Two tanks returned from the repair. Prior to that, we lost 11 people killed, One was captured and 24 wounded. The attack has been postponed until tomorrow morning. There are many Russian divisions near Kiev. The first SS division was reformed. This afternoon, approximately 40 bombers attacked the front line.

I killed 18 shooters and today I get an iron cross of the II Class.

18.7.41.

The rise at 2:15. We're moving on through the fields. At 8:00 the battle began. Many guns, field guns, anti-tank guns – I never saw so much. We overcame and shot. Russians throw hand grenades on my tank and other ones. We are firing machine-gun fire against..."

Central Archive of the Ministry of Defense,
f. 229, op. 161, d. 10, l. 1–7.

Among the captured documents relating to the first days of the battles of the great Patriotic war, reports prepared in the armies of the satellite countries of Nazi Germany are of great interest. A special role in the

implementation of the plan of Hitler's command "Barbarossa" was given to the Romanian units. Below is stored in The Central archive of the Ministry of defense of Russia extract from the newsletter, sent to the 6th roth of the "Koziya" detachment of the Romanian army. This statement was sent to all detachments of the Romanian army and contained information about the offensive of the Romanian troops in the first hours of the war:

"1. During the night 21/22 June 1941 at 3.15 minutes, our troops went on the offensive. In response to our offensive, the Soviet artillery acted very poorly.

2. Infantry also dealt very poor. We had small losses. The Germans lost one officer and two wounded soldiers. Russians lost 3 captains.

3. To the Southeast of the "Koziya" detachment there are the Russian detachments came from the Tiraspol garrison.

From aviation.

According to the information received, there are many Soviet aircraft and fighters at Bolgrad airport. A small number of fighters stands in flight. In Comrat strong Soviet air forces were marked and then destroyed.

Many Soviet aircrafts are located at the airports in Chisinau, Yalomitsa, Comrat.

From prisoners.

One wounded Russian prisoner said that until this day he did not know about the actions of the Romanian army. He further stated that the population and the army did not want to fight. According to rumors, — that the Soviet detachments are pulled to the Dniester.

CONCLUSIONS: It seems that the enemy was caught off guard; weak resistance was provided by the Soviet units. In the Eastern part of the Prut River there was also a weak resistance of Russian troops, apparently, there were rearguards.

Romanian aviation has been conducting exploration in the location of enemy troops.

From the command of the Dacia.

According to the available data, it can be concluded that the Soviet troops are acting fraudulently and cunning. I will give an example with a small German compound: the German compound was met with white flags in order to successfully move them, as a result of this Russian troops met them with weapons fire.

There are many cases when our ground units fired at our aircraft and caused serious air casualties, without taking into account the fact that our planes were flying very low and signs were visible on them. This was the case in the Dragos region.

I draw attention to the current, that the most stringent measures will be taken against those persons who try to repeat the above-mentioned cases.

On the site of the "Koziya" detachment.

In view of the strong action of the enemy's anti-aircraft guns, you need to beware of them. It seems that at night the enemy pulls up their forces.

It should be noted a good disguise of the enemy..."

«Фряги» русских памятников

В.В. Фомин

Аннотация. В статье доказывается, что мнение, согласно которому под «фрягами» перечня Иафетова племени Повести временных лет понимают генуэзцев, ошибочно. Впервые проведенный анализ самого широкого круга памятников (Куликовского цикла, летописей, хронографов, хождений, сказаний, повестей) показывает, что термин «фряги» наполнялся конкретным содержанием лишь в случае его четкой географическо-этнической локализации, без которой он абсолютно безличен (как, например, и термин «немцы», который также прилагался к очень большой совокупности западноевропейских народов). Истинной является точка зрения, по которой «фряги» суть франки (французы). При этом «веньдици», стоящие в соседстве с «фрягами», — не венецианцы, как это также звучит в переводах нашей древнейшей летописи, а южнобалтийские славяне, именовавшиеся «вендами», «венедами».

Ключевые слова: «фряги», генуэзцы, венецианцы, итальянцы, «немцы», «латины», католики, Карл Великий, франки.

Abstract. The article proves that the opinion, according to which under “fryagi” of the Japheth’s tribe in the the Chronicle the Genoese are understood, is wrong. The first analysis of a wide range of monuments (the Kulikovo cycle, Chronicles, chronographs, stories and others) shows that the term “fryagi” was filled with specific content only in the case of its clear geographical and ethnic localization, without which it is absolutely impersonal (as, for example, the term “Nemtsi”, which was also attached to a very large population of Western European peoples). True is the point of view, according to which “fryagi” are the Franks (French). This “vindicci” standing at the door with “fryagi” not the Venetians, as well as in the translations of our ancient Chronicles, and South Baltic Slavs, named “Wendy”, “wends”.

Key words: “fryagi”, the Genoese’s, the Venetians, the Italians, “Nemtsi”, “Latina”, Catholic, Karl the Great, the Franks.

В Повести временных лет (ПВЛ) обеих редакций термин «фряги» встречается лишь один раз в этнографическом введении в перечне народов Иафетова племени: «Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, вольхва, римляне, немци, кор-

---

Фомин Вячеслав Васильевич — доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семёнова-Тян-Шанского. E-mail: vfominv@mail.ru.

Fomin Vjatcheslav V. — doctor of historical scienses, professor at the Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky. E-mail: vfominv@mail.ru.

лязи, веньдици, фрягове и прочии»¹. Затем он присутствует в большом числе памятников, но в отношении его значения выражены только мнения, не подкрепленные полноценным анализом. В.Н. Татищев первым указал, что «фрягами» русские «называли французов, а некогда италианцов», и что в 1204 г. «пришли французы и венециане к Царюграду. И взяв французы (фрязи) Царьград». В 1802 г. А.Л. Шлецер отмечал, что под «фрягами» Нестор понимал «франков или французов» и что последующие летописцы мешают под ним «вместе венециан и франков при завоевании Константинополя латинами»².

В 1825 и 1846 гг. М.П. Погодин, в 1851 г. С.М. Соловьёв проводили взгляд на «фрягов» «Афетова колена», который покоился на авторитете Н.М. Карамзина, заключающего на основании поздних свидетельств, что генуэзцы «всегда именуются в наших летописях фрягами». Развивая его мысль, Погодин писал, что «в 14 веке именно фрягами называли у нас генуэзцев, почему же Нестору в 12 не называть их так же?» Хотя тут же признавал, что «разуметь под фрягами Несторовыми генуэзцев есть догадка, не подкрепляемая близкими историческими свидетельствами»³. Но это обстоятельство нисколько не помешало «догадке» восторжествовать, и «фряги» ПВЛ в ее переводах стали звучать только как «генуэзцы».

В такой «догадке» усомнились совсем недавно. В 1997 г. чешские лингвисты поставили знак равенства между «фряжским» и «франкским», в 2000 г. языковед Т.Ф. Ефремова — между «фряжским» и «французским»⁴.

В 2004 г. А.С. Мыльников, выясняя значение «венедицев» «Слова о полку Игореве», увидел во «фрягах» «французов» и подчеркнул, что «в разное время содержание этого термина могло видоизменяться», завися от смыслового контекста его применения, и что «этноним “венеды”, подобно “фрягам”, в разные периоды мог приобретать *полисемантический характер*, становясь подвижным»⁵.

При толковании «фрягов» в качестве генуэзцев (шире, при определенной условности этого названия для эпохи Средневековья, италийцев) берутся в расчет прежде всего памятники Куликовского цикла: «Задонщина», «Летописная повесть о побоище на Дону», «Сказание о Мамаевом побоище».

Многие ученые считают, что «Задонщина» была создана в 1380-е гг., что Краткая редакция «Летописной повести о побоище на Дону» возникла близко к Куликовской битве, но не позже 1408—1409 гг. (времени составления свода Киприана), и входит в состав летописей, берущих начало от него (отразился в Троицкой и Симеоновской летописях, Рогожском летописце), Пространная — в конце 40-х гг. XV в. (в наиболее раннем виде представлена Новгородской четвертой и Софийской первой летописями, восходящими к общему источнику — Новгородско-Софийскому своду 30-х гг. XV в., а далее к его источнику — Владимирскому Полихрону 1423 г.). «Сказание о Мамаевом побоище» датируют рамками первой четверти XV — начала XVI века⁶.

В Пространной редакции «Задонщины» (списки конца XV—XVII в.) великий князь московский Дмитрий Иванович, перечисляя оружие своего войска, упоминает «сулицы немецкие, а кинжалы фряские», Мамай после разгрома бежит в Кафу, где «молвяше же ему фрязове: “Чему ты, поганый Мамай, посягаешь на Рускую землю?”»⁷ В «Ле-

тописной повести о побоище на Дону» (списки 40-х гг. XV — второй половины XVI в.) участниками нашествия на Русь выступают, кроме татар, «бесермены, и армены и фрязи, черкасы и ясы и буртасы»⁸. Под «фрязями» здесь, начиная с Карамзина, понимают «крымских генуэзцев». В 1980 и 1998 гг. В.А. Кучкин увидел в них, «скорее, венецианцев, колонией которых была Тана (Азов)»⁹ (но, как отмечал Ф.И. Успенский, «в половине XIV в. генуэзцы одолели венецианцев в Черноморье... В Азовском районе главным центром генуэзской торговли была Тана, в устье Дона, а в Крыму — Кафа». Господство генуэзцев на Азовском море подчеркивал и Г.Г. Литаврин: в сентябре 1350 г. они конфисковали вошедшие туда «без их позволения венецианские суда», а в мае 1352 г. Константинополь признал их исключительные права «на Азовское море — византийские суда могли плавать в Тану лишь с разрешения генуэзцев»¹⁰).

В Киприановской редакции «Сказания о Мамаевом побоище» речь идет о том, что Мамай «посла во многиа страны, наимаа фрязы, черкасы, ясы и инья к сим», что Дмитрий Иванович, идя на Куликовскую битву, взял с собой «десять мужей сурожан гостей, видения ради: аще что Бог случит, имут поведати в далных землях... знаеми всеми и в ордах, и в фрязах», в Забелинской списке «Сказания» — что монгольский предводитель нанял «бесермены и армены, фрязы, черкасы, ясы, буртасы», в Основной, Распространенной редакциях, редакциях Синописа и 1681 г. П. Кохановского (а это все списки второй четверти XVI — начала XVIII в.) утверждается, что жители Кафы — «фрязи» — убили его¹¹.

Приведенный материал показывает, что из произведений Куликовского цикла только «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище» позволяют безоговорочно понимать под «фрягами» («фрязями») генуэзцев (итальянцев), но лишь тогда, когда они прилагают этот термин к жителям генуэзской Кафы, то есть в случае его четкой географическо-этнической локализации, без которой он абсолютно безличен. Поэтому принимать его в качестве обозначения «генуэзцев» перечня «Афетова колена» ПВЛ весьма проблематично. В пользу такого вывода говорят многие памятники, в том числе XIV века.

В послании (23 июня 1378 г.) игуменам Сергию Радонежскому и Фёдору Симоновскому митрополит Киприан, жалуясь на изгнавшего его великого князя московского Дмитрия Ивановича, отвергает притязания ставленника князя архимандрита Митяя на митрополичий стол, говоря, что «ко Царюгороду еду боронитися Богом и святым патриархом и великим сбором; и тии на куны надеются и на фрязы, яз же на Бога и на свою правду» (А.С. Павлов пояснял в 1880 г., что «*фрязы* = франки = генуэзская монета») ¹².

Киприан словно предугадывает действия переяславского архимандрита Пимена, изложенные в «Повести о Митяе», дошедшей (в трех редакциях и в трех сокращенных вариантах второй из них) как в ряде летописей под 6885 г., так и вне их. Она была написана, по расчетам Г.М. Прохорова, осенью 1382 г. представителем канцелярии митрополита Киприана. Первая ее редакция читается в Троицкой и Симеоновской летописях, Рогожском летописце; вторая, появившаяся во второй половине XV столетия, — в Московском летописном своде конца XV в., так называемой Ростовской, Типографской и Вос-

кресенской летописях (сокращенные варианты находятся в Ермолинской, Уваровской, Львовской и других сводах); третья, самая поздняя, — в Никоновской.

Согласно Повести, Пимен в 1379 г., стремясь стать, после смерти Митяя при самом прибытии в Константинополь, главой русской митрополии, занял там «кабалою сребро в долг на имя князя великаго у фряз, у бесермен в росты... и раздаваша и сюду и сюду»¹³. Карамзин и митрополит Макарий, например, видели в данных «фрязах» итальянских купцов, М.Н. Тихомиров и Прохоров — конкретно генуэзцев¹⁴.

Последующие взаимоотношения Пимена с «фрягами» излагает «Хождение Пиминово в Царьград» (списки XVI—XVIII вв.), написанное сопровождавшим его в поездке в 1389 г. Игнатием Смольнянином и известное в двух редакциях — краткой и летописной (по оценке Н.И. Прокофьева, «краткая редакция сложилась в середине XV в., а летописная в середине XVI в.», но в их основе «лежали тексты более ранние, восходящие или к авторскому списку или близкому к нему»). Когда в мае русский корабль встал у Азова на якорь, «догшаше ны фрагове... от града пришедше, нашего святителя митрополита имше и сковаша... помале же уталены быша митрополитом и, доволну мзду взявше, вся ны отпустиша»¹⁵, то есть вернули деньги, занятые им для поставления в митрополиты (под «фрягами» Карамзин понимал генуэзцев, Прокофьев — либо венецианцев, либо турок, либо евреев¹⁶).

Вместе с тем автор «Хождения» рассказывает, что будущий император Мануил II Палеолог в 1390 г., пытаясь взять столицу, которую захватил его племянник Иоанн VII, «приводил двожды фрязскую рать ко Царюграду» (если Мануил опирался на колонию венецианцев на о. Лимносе в Эгейском море, то Иоанн VII — на генуэзцев Галаты, которые утвердились в этом квартале Константинополя, расположенном на противоположном берегу Золотого Рога, по договору 1267 г.). Затем Игнатий информирует, что на венчании Мануила II в феврале 1391 г. присутствовали «фрязове от Галаты, а инии цареградци, а инии зеновици, а инии венедики»¹⁷.

Таким образом, в первом случае «фрягами» названы венецианцы, во втором — генуэзцы колонии в Константинополе (Галата, во главе которой стоял подеста, назначаемый из Генуи, была превращена ими в мощную крепость и крупный порт, к середине XIV в. став как бы государством в государстве¹⁸). Причем эти генуэзцы-галатцы-«фрязи» отделены от прочих итальянцев, бывших вместе с ними на той же церемонии: от представителей как собственно Генуи («зеновици»), так и Венеции («венедики»).

От XIV в. дошли две грамоты, в которых наличествует, без уточнений, термин «фряжский» («фрязин»). В духовной грамоте (1339 г.) великий князь московский Иван Калита отписал третьему своему сыну Андрею, помимо прочего, «пояс золот фрязьский с женчугомъ с каменьемъ». Дмитрий Донской пожаловал Андрея Фрязина Печорой в кормление, «как было за его дядею за Матфеем за Фрязином... а вы, печеряне, слушайте его и чтите, а он вас блюдет, а ходит по пошлине, как было при моем дяде при князи великом при Семене, и при моем отци при князи при великом при Иване, так и при мне» (в Андрее Фрязине Карамзин видел, «вероятно, генуэзца») ¹⁹.

Термин «фрязы» в значении итальянцы вообще, венецианцы, генуэзцы, флорентийцы, болонцы, в частности, активно использовали авторы XV—XVII веков. Так, Хронографы редакции 1512 г. (или 1516—1522 гг.)²⁰ и Западно-Русской редакции, Никоновская летопись в статье «О серпъском Саве», идущей за рассказом «О взятии Царяграда от латын» в 1204 г. и включенной из сербского жития святого²¹, упоминают некоего «Фрязина», обладавшего г. Драч (Дураццо на адриатическом побережье Балканского полуострова, при разделе Византийской империи достался Венеции)²². В Рогожском и Владимирском летописцах, Московском летописном своде конца XV в., Симеоновской и других летописях под 1346 г. записано, что «бысть мор силен на бессермены и на татарове и на оръмены и на обезы и на жиды и на фрязы и на черкасы»²³ (по Карамзину, «фрязы» — «генуэзцы и венециане в Тавриде и в Азове», по Р.Г. Скрынникову — итальянцы генуэзских колоний в Крыму)²⁴.

Рогожский летописец, Симеоновская, Никоновская и другие летописи под 1366 г. (это событие случилось годом ранее) фиксируют нападение «на Александрию Египетскую» кипрского короля Петра I Лузиньяна, который «изби ту вся живущаа», в том числе «и фрязы» (венецианцев, имевших по договору 1208 г. с египетским султаном большие льготы в его владениях и живших с той поры в особом квартале Александрии)²⁵. «Хождение дьяка Александра в Царьград» (1390-е гг.) сообщает, что приходил Иоанн VII, сын и соправитель византийского императора Андроника IV, с турками к Царьграду, и выехал Мануил II «с греци и с фрязы, и прогонил туркы». Та же информация читается под 1395 г. в Софийской первой, Никаноровской, Воскресенской летописях, Московском летописном своде конца XV в., сокращенных летописных сводах 1493 и 1495 годов. Согласно Новгородской четвертой летописи и Новгородской летописи по списку Дубровского, появление в 1402 г. кометы предвещало самые серьезные потрясения: «...Въстанеть язык на язык и царство на царство... ово татарове, ове же туркове, инде же фрязове, а инде ляхове, а онамо немци, а овамо глаголемая литва»²⁶.

В «Хожении Зосимы в Царьград, Афон и Палестину», состоявшемся в 1419—1422 гг. (списки XV—XVIII вв.), отмечено пребывание «фрязов» в Царьграде и указано, что за Золотым Рогом «стоит фряжеской город Галата». Вместе с тем автор констатирует, не смешивая генуэзцев-«фрязов» Константинополя с представителем другой генуэзской колонии на о. Лимносе в Эгейском море, что там «седить капитан, сииречь князь, от Зеновы великиа». Хронографы редакции 1512 г. и Западно-Русской редакции, повествуя о времени правления византийского императора Мануила II (1391—1425), подчеркивают, что сын турецкого султана Баязида I Муса, боровшийся за престол, «сложися» с ним «и со фруги». Затем последний памятник, ведя речь о Иоанне VIII (1425—1448), указывает, что он «пойде в Рим» (на Ферраро-Флорентийский собор 1438—1439 гг., где решался вопрос о соединении восточной и западной ветвей христианства) и что «многи дни стязающесе правовернии с латиною и со фрязы и ничто не оупевше, разыдошася»²⁷.

В «Хождении во Флоренцию» (списки XVI—XVII вв.), первоначальная редакция которого была создана во время путешествия на

Флорентийский собор, в 1437—1440 гг., кем-то из свиты суздальского епископа Авраамия, русское посольство с митрополитом Исидором в 1438 г. прибыло «в Фряжскую землю» в г. Падую, затем в г. Феррару «в Фрязах» (автор употребляет в отношении Италии, поясняет Н.А.Казанова, «обычное для нее в древнерусской литературе обозначение») ²⁸. Симеону Суздальскому, входившему в состав того же посольства, принадлежит читаемая в части летописных сводов конца XV—XVI в. «Повесть о восьмом соборе» иерею (написана, возможно, в 1447 г.). В ней термин «фрязове» он прилагает к итальянцам в целом и к флорентийцам и венецианцам, в частности ²⁹. О Флоренции во «Фряжской земле» и о ее жителе «фрязине» ведет речь в своем «Хождении» (списки XVI—XIX вв.) на тот же собор член посольства суздальский епископ Авраамий ³⁰.

Воскресенская летопись под 1470 г. отмечает, что турки «взяли Египт у фряз» — венецианскую колонию Негропонт на о. Эвбея в Эгейском море. В Никаноровской летописи говорится, что в марте 1469 г. Иван III отправил в Рим посла Ивана Фрязина (итальянца Джьана Баттисту дела Вольпе) для решения вопроса о заключении брака с племянницей последнего императора Византии Софьей (тогда же упомянуто, что в Москву прибыл Карло Фрязин, брат Ивана). В сентябре 1471 г. в столицу «прииде из Венеции» Антон Фрязин (Антонио Джисларди), привезший от папы охранную грамоту, по которой «послом великого князя волно и ходити до Рима по всеи земли Латинской и Немецкой, и Фряжской», и венецианский посол Иван Тревезан (Джьан Баттиста Тревизан), который «первое притек Ивану Фрязину», ибо тот «тамошние земли рождение и знаем тамо» ³¹.

Близкие к этому известия читаются в Московском летописном своде конца XV в., Симеоновской, Софийской второй, Воскресенской летописях, Хронографе редакции 1512 г. и др., с прибавлением (не во всех), что в январе 1472 г. Иван III послал «по царевну Софию» Ивана Фрязина. Московский летописный свод конца XV в., свод 1497 г., Симеоновская, Воскресенская летописи подчеркивают, что в свите Софьи находились «фрязы» («римляне») и «греци» ³². Под 1474 г. Московский летописный свод конца XV в., свод 1497 г., Симеоновская летопись информируют, что в Москву прибыл Антон Фрязин с просьбой от венецианского дожа не задерживать посла Ивана Тревезана и отпустить его «к царю Ахмату Болшия Орда». Софийская вторая, Никоновская, Воскресенская летописи под 1478 г. называют «Фрязином» инженера и архитектора Аристотеля Фиорованти, прибывшего на русскую службу из Болоньи (но не из Венеции, как считают некоторые летописи) ³³.

В 1484 г., согласно Ермолинской, Софийской второй, Львовской летописей, сводам 1497 г. и 1518 г., Иван III «повеле фряз поимати и мастеров серебряных». В Софийской первой, Ермолинской, Никоновской, Воскресенской, Львовской летописях под 1490 г. констатируется, что в Москву из Рима пришел брат великой княгини Софьи Андрей, приведший с собой лекаря «Леона Жидовина из Венеции, и иных мастеров фряз, стенных, и полатных, и пушечных, и серебряных». В 1491 г., отмечает Вологодско-Пермская летопись, великий князь послал «Мануила Илариева сына Грека» да троих детей боярских «с мастера с фрязы серебря делати и меди» на Цилме, притоке

Печоры. Ряд летописей (Новгородская четвертая, Никоновская, Воскресенская, Львовская и др.) под 1495 г. (все произошло осенью предыдущего года) сообщают, что Иван III повелел «поймати» в Новгороде немецких купцов, в том числе и за то, что от них в Колывани «поругание было» русским послам, ходившим «в Рим и во Фрязскую землю и в Немецкую»³⁴.

«Повесть о взятии Царьграда турками», написанная по свежим воспоминаниям участником захвата столицы Византии в 1453 г., русским по происхождению Нестором-Искандером (с этим мнением согласны не все ученые), и читаемая, например, в Хронографе редакции 1512 г., в Никоновской летописи, термин «фряги» использует как к прошлым, так и к современным ей событиям. Начинается она с рассказа о том, как Константин I Великий, думая о создании города «в имя свое», «болма прилежаше мыслию на Трояду (Троя. — В.Ф.), идеже и всемирная победа бысть греком на фряги», основал Константинополь (О.В. Творогов поясняет, что «Троянская война... рассматривается здесь как борьба греков с “фрягами”, то есть с итальянцами. Возможно, троянцев отождествили с “фрягами” потому, что, согласно легендам, цари Рима ведут свой род от троянца Энея»).

После исторического экскурса автор, приступив к главной цели своего изложения, подробно описывает оборону города, в которой принимали участие «фрягове» (по Творогову, преимущественно генуэзцы), при этом отмечая тот факт, что император Константин XI Драгаш несколько раз обращался «в Аморею к братии своей (к деспотам Димитрию и отцу Софьи Фоме. — В.Ф.), и в Венецею и в Зиновию (Геную. — В.Ф.) о помощи». Но «братия его не успеха», а «фрягови не восхотеша помощи», после чего подчеркивает, что «един токмо зиновьянин князь, именем Зустуня (Джиованни Джустиниани, бывший губернатор генуэзской колонии Кафы. — В.Ф.), прииде царю на помощь» морем, «имеа с собою 600 храбрых»³⁵.

В Никоновской летописи («Иной перевод. Повесть вкратце о взятии Константина же града», следующая за повестью «О взятии Царьграда») и Хронографе Западно-Русской редакции (в нем под 1453 г. содержится сокращенный и переделанный вариант этой же Повести) говорится, что византийцы «к Латыньским областем прибегоша со слезами и рыданием пособия просяще» (в последнем на полях другой рукой приписано: «помочь про[с]или ри[мл]лян же»), что, по взятии города, «мнози же и венециане и генувитяне и инии италиане, рекше фрязове, овы убо усечени быша, овы же многим златом откупишася». «Повесть вкратце о взятии Константина же града», принадлежавшая Э. Сильвию, была переведена с латинского в 1520-х гг. Максимом Греком³⁶. Пояснение к «италиане», а это название жителей Апеннинского полуострова тогда только начало у нас входить в практический оборот, традиционным их обозначением — «рекше фрязове» — принадлежит либо ему, либо тому, кто в переработанном виде включил ее в Никоновскую летопись.

«История о Казанском царстве» отмечает присутствие в войске Ивана IV под Казанью в 1552 г. «фрягов», которые при осаде «учиниша стрелцом с четырех стран града башни 4, фряжским обычаем, с камнем и з землю, крепки и высоки». Никоновская и Александроневская летописи сообщают, что царь после взятия Полоцка дал 20

февраля 1563 г. отпускаемым 500 пленникам «грамоту пропускную от воинских людей» «государева войска», среди которых названы «фрязи». Род их занятий раскрывает «Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года»: «Да велел зделати размыслу и фрязом щиты, с которыми итти перед туры и туры за ними ставити»³⁷.

В клятвенной записи М.А. Плещеева 1532 г. Василию III сказано, что если кто начнет говорить «на государя моего» — соотечественник ли, «литвин ли, или татарин, или немчин, или фрязин, или иной кто... и мне ко государя своего лиходеем никак не приставати». В подобной записи Ивану IV князь И.И. Пронский в 1547 г. обязуется не иметь сношений с королями польским, венгерским, французским, ханом крымским и прочими, а также не ссылаться «ни с иными ни с кем фряжскими государи и с немецкими и с татарскими». В этих документах под «фрягами» имеются в виду итальянцы, как это прямо сказано в записях Ивану Грозному боярина И.П. Яковлева (1565) и князя М.И. Воротынского (1566): они клянутся не отъезжать «в Литву... и к папе римскому, и к цесарю, и х угорскому, и х королю датцкому, и х королю свейскому, и ко всем италийским королем и ко князем, поморским государем». К итальянцам же относятся слова описи Царского архива за 1575—1584 гг.: «Ящик 55. А в нем грамоты старые, фряжские, и греческие, и неметцкие»³⁸.

Через призму приведенных фактов (точнее, самой малой их части) ученые смотрели на «фрягов» наших памятников. Например, И.Е. Забелин резюмировал, что брак Ивана III с Софьей с еще большей силой водворил в Москве «фряжское влияние не только в политике, но главным образом в области разного рода художеств», и что «итальянские или фряжские» архитекторы и мастера конца XV — первой половины XVI в. принесли к нам «фряжские образцы» строительного дела (к которым, следует добавить, как ко всем прочим выходцам из Италии, прилагалась, в связи с их принадлежностью к «фрягам», общая на всех «фамилия»: Алевиз Фрязин Старый, Алевиз Фрязин Новый, Антон Фрязин, Аристотель Фрязин и пр.).

П.И. Мельников-Печерский, а в 1911 г. издатели Хронографа редакции 1512 г. уверяли, что «фрягами» называли итальянцев. На то же значение в первую очередь указывал М. Фасмер, говоря, что в русский язык термин перешел «через ср.-греч. ... из ср.-лат. francus». Тихомиров подчеркивал, что «фряги» — это итальянцы (изначально, черноморские генуэзцы), что во второй половине XV в. приток итальянцев в Москву усилился, причем «среди приезжих фрязинов начинают теперь преобладать венецианцы»³⁹. В 1949, 1959, 1962, 1963 гг. издатели Московского летописного свода конца XV в., Вологодско-Пермской, Никаноровской, сокращенных летописных сводов 1493 и 1495 гг., сводов 1497 и 1518 гг. объясняли, что «фряги» есть либо генуэзцы, частью жители Северной Италии, либо народ и жители Северной Италии, «частью генуэзцы» (а «фрязы» войска Мамаия в 1963 г. были представлены как «народ или племя Кавказское»⁴⁰).

В науке вместе с тем присутствует еще одно мнение по поводу значения термина «фряги». Погодин, говоря в 1825 и 1846 гг., что в XIV в. под ним понимали именно генуэзцев, «столь сильных исключительно тогда в Крыму», что при Иване III «фрягами назывались генуэзцы, и вообще итальянцы», заключил, что Нестор либо пони-

мал под ними генуэзцев, либо «не разумел ни генуэзцев, ни французов. Может быть, это было у него, по примеру византийцев... каким-либо общим названием, как и немцы, тут же упоминаемые» (то есть в перечне народов Иафетова племени).

При этом Погодин сослался на слова игумена Даниила, что в Иерусалиме при Гробе Господнем «кандило греческое стояло в головах... а фряжское висело вверху», на сообщение о взятии Константинополя в 1204 г. «фрягами (латинами, крестоносцами)», на завещание Ивана Калиты, в котором назван «пояс жемчужный фряжской», и на описание Флорентийского собора, в котором «под фрягами разумеются италиянцы или латины, вообще католики». И завершил свои размышления словами, что «фряжскими назывались у нас многие иностранные товары потому именно, может быть, что доставлялись сперва фрягами (генуэзцами), утвердившимися в Тавриде весьма рано». Мельников-Печерский упоминает иконы «фряжского письма», по его пояснению, «западное, европейское, живописное», говорит об «иконах фряжской работы» и о «фряжском обычае» (что прокомментировано в 1991 г. соответственно как принадлежавшие западноевропейской школе иконописи и как «иностраный, европейский») ⁴¹.

В 1935 г. Н.К. Гудзий утверждал, что под «фрягами» понимали «латинян». Фасмер указывал, что «из ср.-лат. *francus*» «через сербск.-цслав. *фруг* “*francus*” происходит др.-русс. *фрузи* мн. “латиняне”» и что «фружская церковь» есть католическая церковь. Италиянцы составляли, говорил в 1950-х гг. Тихомиров, заметную прослойку среди иностранцев в Москве в конце XV — начале XVI в., заметную прежде всего по значению, в связи с чем в конце XV в. «их именем обозначали всех иноземных мастеров». Поэтому «фряги», подытоживал ученый в данном случае, имело такое же общее значение, как и слово «немцы», то есть «“фряги” — это вообще иностранцы» ⁴².

В 1984 г. Ю.А. Лабынцев подчеркивал, что «фряги — в широком значении — иностранцы, в более узком — италиянцы». Тогда же Прокофьев, ведя речь «о франкской, фряжской, католической службе», пояснял и переводил, что «фряги — италиянцы, франки, вообще европейцы», «католики» ⁴³. В «Домострое», памятнике конца XV — середине XVI в., названы «фряжские вина», которые в 1991 г. были представлены как «франкские, то есть всякие заморские виноградные вина» (у Фасмера они — «французские»). По мнению В.П. Сомова 1996 г., «фряг» есть «старинное наименование италиянца; а также вообще чужестранца». В 2000 г. Т.Ф. Ефремова резюмировала, что «фряжский» имел еще одно значение — «чужеземный, иностранный» ⁴⁴.

Широкое значение термина «фряги» демонстрируют многие памятники, прежде всего указанные Погодиным. В популярном «Хожении» игумена Даниила (древнейший список восходит ко второй половине XV в.) полярно представлены «кандило гречское» и «фряжское», то есть лампада православных и лампада католиков (таким же противопоставлением наполнена информация, что пасхальную службу в том же храме Воскресения Господня в Иерусалиме вели «латиньстии попове» и «попове правовернии»), а также сказано, что в г. Самарии на месте усечения Иоанна Предтечи «есть ныне ту монастырь фряжский». Вместе с тем автор именуется «фрягами» вообще представителей Западной Европы: «фрязи» так опустошили город Каперна-

ум, что он сейчас совершенно пуст, город Акра «ныне же фрязи держат», место, на котором стоял дом Иосифа, «обручника Мариина», «фрязи обновили» (и тут же: «епископ латинский... владеет местом тем святым») и пр.⁴⁵.

Даниил посетил святые места либо в 1104—1106, либо в 1106—1108 гг., то есть после того, как в ходе Первого крестового похода в июле 1099 г. у мусульман был завоеван Иерусалим и создано Иерусалимское королевство (Акру крестоносцы взяли в марте 1104 г.)⁴⁶. Ф.И. Успенский и М.А. Заборов констатировали, что в этом походе участвовали рыцари Северной, Средней и Южной Франции, Лотарингии, Фландрии, Нормандии, Англии, Шотландии, то есть французы, немцы, англичане, шотландцы, а также нормандцы Южной Италии и Сицилии. Отмечали они и участие в событиях на Востоке непосредственно итальянцев — генуэзцев и пизанцев (причем последние укрепились в Яффе и Акре)⁴⁷.

Точно такую же картину использования термина «фряги» в смысле католики и западноевропейцы дает «Повесть о взятии Царьграда фрягами», старший список которой читается (в виде обычной годовой статьи) под 1204 г. в Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов (включена, после информации о том, что при императоре Алексее V Дуки Мурчугла «взят бысть Царьград от латинь месяца априля 12», в Летописец Еллинский и Римский, в котором имеет уже заголовок «О взятъи богохранимаго Костянтина-града от фряг»⁴⁸, в Софийскую первую, Воскресенскую, Никоновскую и другие летописи, причем из разных источников).

Специалисты часть до 1234 г. Синодального списка старшего извода, датируемого второй четвертью XIV в., относят либо к XIII столетию в целом, либо к его 30-м гг., либо к 50—60-м гг., либо ко второй половине, либо к его концу; два списка младшего извода — Комиссионный и Академический — приурочивают к середине XV века⁴⁹. Основная часть ученых считает Повесть по происхождению новгородской, написанной или очевидцем постигшей Византию катастрофы, в котором в основном видят Добрыню Ядрейковича, будущего новгородского архиепископа Антония, или с его слов вскоре по возвращении на родину из путешествия в Царьград между 1200 и 1204 годами⁵⁰.

Она рассказывает о взятии Константинополя 13 апреля 1204 г. войском, называемом исключительно «фрягами» (а также о действии этих «фряз» под стенами столицы Византии летом 1203 г.), во главе которого стояли «1 Маркос от Рима... а 2-и Кондоф Офланьдр; а 3 Дужь слепыи от Маркова острова Венедик», то есть Бонифаций, маркграф Монферратский, фландрский граф Балдуин и венецианский дож Дандоло. Повествование заканчивается словами, показывающими полнейшую равнозначность «фрягов» и «латин», о том, что 9 мая «поставища цесаря своего латина Кондо Фларенда... и власть себе разделиша: цесареви град, а Маркосу суд, а Дужеви десятина. И тако погыбе царство богохранимаго Костянтиняграда и земля Гръчская... еуже обладают фрязи»⁵¹.

Участниками Четвертого крестового похода, захватившими Царьград, являлись многие западноевропейцы: французы, венецианцы, итальянцы вообще, фламандцы, немцы, крестоносцы из германских земель и какие-то еще люди «из других стран»⁵². «Фрягами на Руси,

— подчеркивал Творогов, — именовали итальянцев, здесь это именование отнесено ко всем крестоносцам». Исходя из того, резюмировал автор в 1996 г., что ими предводительствовал итальянский князь Бонифаций Монферратский, Повесть и получила свое название⁵³ (но такому выводу противоречат «Хождение» Даниила и история Первого крестового похода, в котором не было ни одного предводителя-итальянца, а русский игумен передвигался по территории Иерусалимского королевства в годы правления «фряга»-француза Балдуина I). Заборов в 1956 г., касаясь повести «О взятии Царьграда от фряг», пояснил, что «фрягами на Руси называли венецианцев»⁵⁴ (хотя так в ней именуются все крестоносцы, лишь часть которых была связана с Венецией).

В «Анонимном хождении в Царьград» (конец XIII — начало XIV в.) крестоносцы также выступают под именем «фряги». Причем в одном случае автор противопоставляет православным одновременно «и фрязи и латыня», а в другом, отделяет «фрягов» от генуэзцев Галаты: к церкви Спаса «на праздник весь Царьград приходит и фрязове и вси из Галаты». Указывает он и на существование в конце Василькова великого торгового «церковь фрязскаа» и на великие «фрязские» монеты из чистого золота (имеются в виду, вероятно, флорины Флоренции, которые стали чеканиться «впервые, после длительного господства в Европе серебряной валюты» в 1252 г. и которые получили широчайшее распространение)⁵⁵. Ермолинская и Львовская летописи, кратко перелагая «Повесть о взятии Царьграда фрягами», используют только этот термин и в конце перечисляют «воеводы фрячские: Кондои Фларенд, емуже и царство поручиши, а другои Марко от Рима, града Берна, емуже суд; 3 дужь слепии». Степенная книга скупко информирует, что Царьград «взят бысть от фряз при царстве Алексине»⁵⁶.

Иначе обозначают виновников катастрофы 1204 г., например, Симеоновская летопись, Рогожский летописец, летопись Араамки: Константинополь взяли «немци», «венедици» и «фрязи»⁵⁷. В Хронографе Западно-Русской редакции сообщается, что «латина, римляне и венедицы и немцы и фрязове», захватив столицу Византии, поставили императором «римскаго воеводу Кондо Фларенда, фрязскаго же воеводу Марка градоблюстителю учиниша, венецыйскаго же воеводу Андрея Бернаида землехранителя положиша» (тут же запись на полях: «Взяша латини Царьград»). Далее хронист, как и автор Хронографа редакции 1512 г., отмечает, что Константинополь держат либо «фрязи», либо «латыни», и указывает, что Михаил III Палеолог «изгна латину из Царяграда» (этот никейский император в 1261 г., при поддержке генуэзцев, за что им затем была дарована свобода торговли в пределах всего государства, а венецианцы изгонялись с его рынков, освободил Константинополь и восстановил, хотя и в весьма ослабленном виде, Византийскую империю)⁵⁸.

В большинстве списков Никоновской летописи под 1204 г. говорится (в разных вариантах, заимствованных из Симеоновской летописи, Хронографов редакции 1512 г. и Западно-Русской редакции, летописи типа Ермолинской и др.), что Царьград захватили: а) «римляне», б) «немцы, и венедици и фрязи», в) «римляне, и венедици, и немцы и фрязи» (решив быть там всему «по римскому закону и обычаю»), г) «фрязи», д) «латыни», е) «римляне, и фрязи и венедици»

(«чин церковный по своему их римскому обычаю уставиша»), что крестоносцев возглавляли «воеводы римския, и фряжския и вене- дитския: Кондофларенд, и Марко и Андрей, нарицаемый Бернаид». Воспроизводя под 1271 г. информацию о Михаиле III Палеологе, летопись в статье под 1453 г., годом взятия Константинополя турками, напоминает, перечисляя византийских императоров, что в 1204 г. он был завоеван «латынами»⁵⁹.

Таким образом, в известиях, связанных с Четвертым крестовым походом, термин «фрязи» использовался нашими книжниками XIII—XVI вв. одновременно в трех значениях: частном — итальянцы и общих: географическом — западноевропейцы и вероисповедальном — католики. Причем из числа итальянцев в поздних памятниках исключаются венецианцы и римляне, упоминаемые особо. Первые — потому, что являлись самыми активными участниками захвата Константинополя (как заостряет внимание «Повесть о взятии Царьграда фрягами», именно дож «от Маркова острова Венедик» «много брании замышляше на град, и вси его послушаху, и корабли его велиици бяхуть, с них же град възяша»). Вторые — потому, что олицетворяли собой центр католического мира — Рим, также прямо причастный к гибели православной Византии в 1204 г. (североитальянский маркграф Бонифаций Монферратский, в 1201 г. избранный предводителем крестоносцев и благословленный на поход папой Иннокентием III, в начале 1203 г. всецело поддержал проект венецианцев о завоевании Константинополя, и между Венецией и крестоносцами был заключен соответствующий договор)⁶⁰.

В ряде летописей (Московском летописном своде конца XV в., Симеоновской, Воскресенской и др.) под 1437 г. содержится, с определенными разночтениями, рассказ «О Сидоре митрополите, как прииде из Царьграда на Москву», созданный, как полагают, позже других литературных произведений флорентийского цикла: в 60—70-х гг. XV в. и являющийся переработкой «Исидорова собора и хождение его» Симеона Суздальского. В нем конечный пункт на Западе, куда направлялся сторонник унии митрополит Исидор, выступает в качестве «Римстей земли» и «Латыньской земли». В августе 1438 г. Исидор прибывает «в область Римску, в град нарицаемыи Ферару».

Термин «фрязи» автор, состоявший в свите Исидора, использует не только в частном — итальянцы (хотя при этом отдельно упоминает «кофеан» — жителей генуэзской Кафы в Крыму), но и в общем значении — католики. Так, в кафедральной церкви Флоренции, «граде латынстем», куда в январе 1439 г. был перенесен собор, 6 июля, в день провозглашения унии, трубили «в трубы и в органы и гуслими и со всеми играми по фрязскому праву», молебен пели католики «по фрязски, а Сидор з греки своими по гречьскы», челом затем все били папе «по фрязскому праву». Рассказ завершается тем, что Исидор, по возвращении в Москву в апреле 1441 г., «пред собою повелеваше носить крыж латыньскы да три палицы сребрены про честь фрязкаго си права» и что Василий III «латынским ересным прелестьником нарече его»⁶¹.

Приложение термина «фряги» к западному, католическому, «немецкому» миру дополнительно видно из «Хождения» Зосимы, в котором указывается, что в Никосии на о. Кипре имеются церкви «фряж-

ские» и что там «сидеть рига (от латинского и старофранцузского *regent*: правитель. — *В.Ф.*) фряжьски, сиречь князь» (с 1192 по 1489 г. Кипром владела Лузиньянская династия, происходящая из Западной Франции); или из «Повести о взятии Царьграда турками», где в части, излагающей последнее «видение» пророка Даниила, говорится, что Византия возродится, и что ее царем станет человек, который ангельским оружием поразит «измаилты, и ефиопы, фругы, и татары, и всяк род»; или из Симеоновской, Никоновской и Воскресенской летописей, которые поясняют под 1473 г., что Иван Фрязин «звался Фрязином их веры»⁶².

Это видно также из того, что в сказании о начале книгопечатания в Москве, составленном в первой четверти XVII в., отмечается, что Иван Фёдоров и Пётр Мстиславец «искусни бяху и смыслени к такому хитрому делу... яко от самех фряг то учение прияста» (печатному делу их учил датчанин Г. Миссенгейм), что в 30-х гг. XVI в. один и тот же мастер из Италии именуется то Николаем Фрязином, то Николаем Немчином, что в «Росписном списке города Москвы 1638 года» зафиксирован «д[вор] немчина Максима Фрязова»⁶³, что в «Хождении» Василия Гагары, посетившего в 1634—1637 гг. святые места, говорится, что ряд святынь был «увезен в немцы, как был Иерусалим за немцами», что памятники XIV—XVI вв. «фрягами» называют представители францисканского ордена (А. Суханов, побывавший в самом начале 1650-х гг. в Царьграде, именует их «франками») ⁶⁴.

В Новгородской третьей летописи (70—90-е гг. XVII в.) под 1611 г. читается рассказ «О взятии Великаго Новаграда от немец, и о разорении его», где указывается, что пришел «князь немецкий» Я.П. Делагарди «из Немецкие земли... имея вои Фряские земли», которые затем именуется только «немцами»⁶⁵. Увязывание «воев» шведского военачальника Делагарди с «Фряской» землей вызвано еще и с тем, что по крови он был французом, и что таковыми являлись многие его подчиненные. В наказе стрелецкому полковнику С. Ружинскому (1689) об отправлении им должности городничего в Архангельске названы «фряские вина и всякие немецкие питья»⁶⁶.

Термин «фряги» русские книжники использовали параллельно применительно к событиям далекого прошлого (выше отмечалось, что «Повесть о взятии Царьграда турками» относит троянцев к «фрягам»). Летописец Еллинский и Римский, описывая осаду и взятие Иерусалима в 70 г. Титом (по позднейшей переделке соответствующей части «Иосиппон», текст которого является извлечением из книг Флавия, переведенным с латинского на древнееврейский в Южной Италии в середине X в.), называет его воинов «римлянами», «фрягами», «кафторижцами»⁶⁷ (от библейского кафторим, народа, вышедшего с Кафтора (Бытие 10:14; Втор. 2:23; 1 Пар. 1:12; Иер. 47:4; Ам. 9:7), возможно, о. Крита, то есть филистимляне, которые в древности часто воевали с евреями, брали Иерусалим, затем попали под протекторат Рима, а во время иудейского восстания 66—73 гг., в ходе которого был разрушен Иерусалим, поддержали римлян).

Хронографы редакции 1512 г. и Западно-Русской редакции, говоря, что в войске Тита находились «фрязи же и римляне», отмечают далее, что когда византийский император Лев III Исавр в 730 г. законодательно отменил культ икон, то «престарый Рим к фругом прило-

жися». В Хронографе Западно-Русской редакции эти слова имеют продолжение: «под немецкою властью быв со всею Италиею». В Летописце Еллинском и Римском, которым пользовались хронисты, вслед за византийской Хроникой Георгия Амартола (60-е гг. IX в., в X в. была доведена до 948 г., на славянский язык переведена, возможно, на Руси в первой половине XI в.) говорится, что римский папа Григорий II (715—731), не приняв иконоборческой реформы, «клятвь мирных под властью немецкою приим со всею *Италиею*»⁶⁸. Позже его преемники, обретя покровителя в лице франкского короля Карла Великого, произвели полное отпадение Рима от Византии (часть ее владений в Италии отложилась от Византии, в руках которой остались лишь Сицилия, Апулия и Калабрия), но при этом сами надолго попали в зависимость от франкских правителей.

Термин «фряги» присущ и полемической литературе. В «Слове об отпадении латин» (или «Исповедание вкратце»), относящемся ко второй половине XI в. и попавшему на Русь в XIV столетии из сербской рукописи, рассказывается, как римский папа Лев III (795—816) во время иконоборчества в Византии «от вьноутрьнеишее Фругие» призвал в Рим Карла Великого, «его же цара състави. От места же оного фрушкааго» («фряжскааго») пришли еретики Карла, которые начали в Риме развращать людей, глаголя, что «не от Отца Дух Святыи исходит, нь и от Сына». Тем самым представители франкской и германской церквей, «пришьдшей от Фругие» и навязывавшие «филиокве», отвращали людей от правой веры⁶⁹.

Это же сочинение в виде «Повести вкратце полезна о латынех, когда отлучишяся от грек и святыа Божиа церкви, яко изобретоша собе ереси, иже опресночная служити и хулу, иже на Святаго Духа» читается во второй редакции Летописца Еллинского и Римского, в которой Карл Великий охарактеризован еще и как «князь латинский». Она же под названием «Сказание о латынех, како отступиша от православных патриарх» содержится (в разных вариантах) в упоминаемых хронографах, Никоновской летописи. В нем Карл Великий выступает как «фружский» («фряжский») «князь» (с уточнением: «фрязове же своя князи наричють риги»), оказавший помощь римскому папе Льву III⁷⁰ (который затем коронует его в 800 г. и провозгласит римским императором). В источнике этого Сказания А.Н. Попов видел еще и «Хронику» Константина Манассия (создана в Византии в XII в., в XIV столетии переведена на болгарский язык⁷¹), в которой звучит, что «бе же фряжскому племению княз Кароул он, риги же своя князя фрязи нарицают»⁷².

В Никоновской летописи под 1443 г. помещено извлечение (сделанное из славянского перевода не ранее XIV в. и встречаемое во многих сборниках) из 40-го слова «Тактикона» византийского писателя XI в. Никона Черногорца, в котором «фряги», обличаемые в отступлении от истинной веры, выступают и как германцы, и как католики: «Сей род фряжский в божественных писании германи глаголются... Да якоже ныне предръжаша Рим фрязи, в Риме живуща, ереси, от различных ересей собравшеса» (в том же значении термин «фряги» используется в Новгородской Кормчей книге 80-х гг. XIII в., в которой читается перевод византийской статьи конца XI в. «О фрязех и о прочих латинах»). Во второй части византийского «Прения

Панагиота с Азимитом», написанном после 1274 г. (славянский перевод восходит к XIV в.), католики несколько раз называются «фрягами»⁷³.

Приведенного материала вполне достаточно, чтобы, во-первых, увидеть, что термин «фряги» никогда не означал «вообще иностранца» или «чужеземца». Имея общее значение, равное — в географическом и конфессиональном смысле — терминам «латины», «римляне», «немцы», он прилагался, с одной стороны, лишь к западноевропейцам-католикам (за исключением, видимо, славян-католиков), с другой, к их части — итальянцам вообще и, прежде всего, к генуэзцам и венецианцам (в первую очередь, к жителям их колоний в Азовско-Черноморском регионе и Средиземноморье) по причине их активной деятельности в международных отношениях и торговле, а также к римлянам, флорентийцам, болонцам. «Фрягами», вместе с тем, называли, по тому же факту принадлежности к «фряжскому» Западу, французов, датчан, членов францисканского ордена. Параллельно с этим, в качестве «Фряжской земли», а также применительно к современным русским книжникам событиям у них выступала Италия.

Огромную роль в распространении в славянском мире термина «фряги», возникшего в византийской среде от имени «франки» и изначально обозначавшего представителей Франкского королевства, постепенно вступавшего на Апеннинском полуострове в конфронтацию с Византийской империей, сыграли разделение и попытки объединения, по инициативе «фряжского» Рима и на его условиях, церквей, но более всего — Первый и Четвертый крестовые походы, участники которых — «фряги», включавшие в свой состав выходцев из многих народов, — не только серьезно угрожали Византии в 1097 г., но и захватили в 1204 г. этот центр православия, который хотя и возродился в 1261 г., однако его постепенное отступление от православия, по мере нарастания униатских настроений среди элиты, апогеем чего явилось подписание главами византийских государства и церкви Флорентийской унии в 1439 г., ознаменуется окончательной гибелью в 1453 г. от рук мусульман — турецкого султана Мехмеда II Фатиха (уже на рубеже XIII—XIV вв. неминуемое «скончание» Византии предрекало «Анонимное хождение в Царьград»⁷⁴).

«Фругией», в изложении истории взаимоотношений византийской и римской церковью VIII — начала IX в., приведших в 1054 г. к их разрыву и многовековому жесткому противостоянию, характеризуется Франкское государство Карла Великого. Сам он называется «фряжским князем», подвластные ему — «фрягами». Но, как подчеркивают наши хронографы и «Повесть вкратце полезна о латынех...», «престарый Рим к фругом приложися», то есть «приложися» к этому «фряжскому князю», принявшему в 800 г. в Риме титул римского императора, и что с ним туда, в прежнее наместничество Византийской империи, явились «от Фругиа» «еретице латиньстии», по вине которых произошло отпадение римлян (итальянцев) от византийской церкви.

В результате измены римлян (итальянцев) истинной вере они «превратились» во «фрягов» (тем самым пав до уровня язычников древнего Рима, которых русские книжники именовали «фрягами»), Италия — во «Фряжскую землю», внешнюю по отношению к внутренней (первоначальной) «Фругии», передавшей ей, в 774 г. включенной Карлом Великим (кроме южных и части центральных облас-

тей) во Франкское государство, свое имя. Со временем, когда этническое разнообразие Западной Европы для русских людей резко сузилось во многом до отношений лишь с немецкими государствами в Восточной Прибалтике (прежде всего «Немецким орденом в Ливонии») и немецким Ганзейским союзом, в связи с чем подавляющую часть западноевропейцев они начали именовать, с рубежа XII—XIII вв., «немцами» (абсолютно синонимичное «латинам», «римлянам», «католикам»), термин «фряги» все больше стал замыкаться на ее южных представителях — итальянцах, которые посредством своих азовско-черноморских и константинопольских колонистов вошли в русскую историю и активно действовали в ней до 1475 года.

Во-вторых, совокупность значительного числа разновременных и разнохарактерных памятников показывает, что привязка «фрягов» «Афетова колена» к гетуэцам безосновательна и является результатом отнюдь не анализа, а плодом умозаключения, полно выраженного нашим крупнейшим источниковедом — А.Г. Кузьминым. В 1993 г. он отметил, вместе с тем демонстрируя, как трудно избавиться от цепких ошибочных стереотипов, мешающих объективному восприятию прошлого, что «вендици» «иногда понимают как обозначение балтийских славян в немецкой литературе (“венеды”). Но в соседстве с гетуэцами должны идти адриатические “венеды” — венецианцы»⁷⁵.

Однако это всего лишь набор допусков, который тут же рассыпается, если читать, указывал А.С. Мыльников в 1990 и 2004 гг., слова «немцы, корлязи» (как предложил в 1950 г. Д.С. Лихачёв) без запятой: «немцы корлязи», то есть немцы, подчиненные Каролингам (собственно немцы), а во «фрягах» видеть французов. Тогда этнической общностью, располагавшейся между ними, могли быть только полабские и поморские славяне, именовавшиеся «вендами», «венедами» и в XI—XII вв. игравшие «немаловажную роль в политической истории Центральной Европы». При этом он подчеркнул, что о тех же «венедах» речь ведет автор «Слова о полку Игореве» («немцы и венедици») и что этнонима «венедицы» нет рядом с «немцами» «Слова о гибели Рускыя земли»⁷⁶ (дошло в двух списках XV и XVI вв., написание относят преимущественно к 1237—1240 и к 1238—1246 гг.)⁷⁷.

«Венедицев», воспринимаемых «Словом о полку Игореве» в силу давней и пока еще живой традиции, в качестве самостоятельной части западноевропейского мира, в «Слове о гибели Рускыя земли» нет потому, что полабские (балтийские) славяне к последним десятилетиям XII в. были захвачены в ходе мощного наступления, начатого еще Карлом Великим, «Священной Римской империей»: в 1170 г. князь самого могущественного союза племен ободритов Прибыслав объявил себя вассалом императора Фридриха I Барбароссы и получил титул мекленбургского герцога, в 1180 г. подчинились поморские князья и были провозглашены имперскими князьями с титулом герцогов Славии. Тем самым эти славяне вошли в состав подданных «немецкой» империи и закрылись общим для них всех названием «немцы» (и тут же стали подвергаться истреблению и насильственному онемечиванию, а их земли массово заселяться германцами).

Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что собственно гетуэцы и Генуя в наших источниках именуются «зеновици», «Зиновия», «Зенова». Причем это название веками было неиз-

менно (что может означать одно — русские изначально так и называли генуэзцев и Геную) и использовалось еще в конце XVII в.: «Женя» («Записка неизвестной особы о путешествии по Германии, Голландии и Италии») ⁷⁸. Вместе с тем надлежит отметить, что в науке даже не ставился закономерный вопрос: чем объясняется столь высокая известность генуэзцев, а с ними и венецианцев, что они были внесены в перечень европейских народов?

И это при том, что в Италии в период создания ПВЛ находились центры, которые превосходили Венецию и Геную по уровню развития и своей известностью в Европе, Азии и Африке. Так, Амальфи уже в IX в. превратился в крупнейший торговый город всей Италии, его купцы в X—XI вв. торговали с Сицилией, Испанией, Тунисом, Египтом, Балканским полуостровом, с восточными странами, а цветущие, по характеристике специалистов, амальфитанские колонии имелись в Дураццо, Константинополе, Антиохии, Иерусалиме, Александрии, Каире. Только со второй половины XI столетия он стал клониться к упадку, но самый тяжелый удар могуществу Амальфи был нанесен Пизой в морской войне 1135—1137 гг., после чего его место «в средиземной торговле перешло к Венеции».

На Тирренском берегу второе место в торговле после Амальфи в X—XI вв. принадлежало Салерно. Опережая Венецию, в конце X в. возвысились тирренские Генуя и Пиза (в силу чего только они среди итальянских городов приняли участие в Первом крестовом походе). Причем Пиза раньше Генуи вышла в море, ее корабли уже в IX в. появились в Адриатическом море и успешно сражались «с сарацинами у африканских берегов. О будущей сопернице источники хранят в тот период непроницаемое молчание. Генуя включилась в средиземноморскую игру только к XI в.». Но после того, как в 1284 г. пизанский флот был разгромлен генуэзцами, начался расцвет Генуи, единственным конкурентом которой становилась Венеция. К мнению Успенского о том, что в XII в. Венеция играла роль первой морской державы в Средиземноморье, стоит добавить, что самым важным центром торговли с Востоком на Адриатическом море — «родном» море Венеции, на господство над которым она затем претендовала, — был Бари, в какой-то мере соперничавший с Амальфи, и что история знаменитой впоследствии республики восходит к IX в., когда возник г. Риальто, «который лишь с XIII в. стал называться Венецией» ⁷⁹.

В русле данного разговора принципиальное значение имеет также тот факт, что «Иосиппон», созданный в середине X в. в Южной Италии, не знает ни Генуи, ни Риальто и упоминает лишь Венецианский залив («море Венетикия»). Ниже этот памятник, перечисляя славянские народы, указывает, что живут «они на берегу моря, от границы Булгар до Венетикии на море, и оттуда простираются до границы Саксонии, до великого моря». Соседствующая с Саксонией «Венетикия на море» — это не Венеция ⁸⁰, а Волин, город южнобалтийских славян-венедов (находился на острове, лежащем против устья Одры), который немцы называли Winetha, — Винета (традицию наименования Балтийского моря «Венедским», зафиксированную во II в. Птолемеем — Венедский залив — отразил в 1549 г. С. Герберштейн — Veneticum) ⁸¹.

В XI в. источники представляют Волин-Винету величайшим городом Европы, уступавшим только Константинополю. Так, германс-

кий хронист Адам Бременский характеризует его как «знаменительный» и поясняет, что «это, действительно, крупнейший из всех расположенных в пределах Европы городов, который населяют славяне вместе с другими народами» и что «приезжие саксы также получают возможность там жить на равных с прочими правах». Уже в IX в. Волин занимал 50 га (для сравнения: стены Генуи, воздвигнутые в 1154 г., опоясывали ровно такую же площадь), и число его жителей столетием позже составляло порядка 5—10 тыс. человек ⁸².

Важно, вместе с тем, вопрос, когда в ПВЛ был внесен перечень народов Иафетова племени. По мнению Б.А. Рыбакова, он, как и описание народов, живших вокруг Балтийского моря («ляхъве же, и пруси, чюдь преседять к морю Варяжьскому; по сему же морю седять варязи семо ко вьстоку до предела Симова, по тому же морю седять к западу до земле Агнянски и до Волошьски»), «составлено не ранее 1066—1077 гг.» Поскольку автор этой вставки «очень точно знал расположение норманских владений в Европе, установившееся после битвы при Гастингсе (в 1066 г. нормандский герцог Вильгельм Завоеватель разгромил английского короля Гаральда и захватил Англию. — В.Ф.) и завоевания Амальфи и Апулии (к 1077 г. нормандец Роберт Гвискар окончательно овладел всей Южной Италией. — В.Ф.), варяги-норманны “сидят к западу до Английской земли и до Итальянской”» ⁸³.

Но Южная Италия, попавшая под власть нормандцев, — это лишь часть Италии, причем самая отдаленная. К тому же на территории Апеннинского полуострова тогда же существовали владения других государств: «Священной Римской империи», Папской области. Не все так просто с летописной «землей Агнянской», которая, по логике Погодина, принятой последующими учеными, есть, «как то показывает самое имя», Англия ⁸⁴. Однако летописец последнюю именует «Вротанией», «Вретанией» (Британией). Сама же «земля Агнянская» находилась на Ютландском полуострове, на чем в XIX в. заострял внимание, например, Забелин, а «агнянами» ПВЛ называет не англичан, а датчан (так считали Соловьёв и Тихомиров ⁸⁵). Еще во времена английского короля Эдуарда Исповедника (1042—1066) названия «англы» и «даны» смешивались, считались чуть ли не тождественными, а «соседняя с Вагрией область Дании вплоть до конца X в. называется источниками землей англоу или Старой Англией» ⁸⁶. Вот эта «Англия» и есть «земля Агнянска» ПВЛ, сохранившаяся в названии нынешней провинции Angeln земли Шлезвиг-Гольштейн ФРГ.

Расположение «земли Агнянской» на Ютландском полуострове позволяет без проблем определить местонахождение «руси» и «варягов» «Афетова колена». На востоке от «англоу», в Вагрии, жили «вары», «варины», «вагры», которые и были собственно варягами. Затем варягами стали называть на Руси всю совокупность славянских и славяноязычных народов, проживавших на южном побережье Балтики от польского Поморья до Вагрии включительно, а еще позднее — многих из западноевропейцев ⁸⁷. На Южной же Балтике находилась и русь, на что указывает иудейская традиция X в. в лице еврейского хронографа «Иосиппон» и испанского иудея Ибрагима Ибн-Якуба.

«Иосиппон» помещает русов рядом с саксами и англами-датчанами «на великом море» (о соседстве «руси» и «агнян» говорит и перечень народов ПВЛ), а Ибрагим Ибн-Якуб, посетив в 960-х гг.

германские и славянские земли (в том числе полабских славян), зафиксировал, что на прусов производят «набеги русы на кораблях с запада», то есть с о. Рюген, который западноевропейские источники именуют Руйяна, Ругия, Рутения, Русия, а его жителей — руянами, ругами, рутенами, русью⁸⁸. Связь Рюрика и варягов (частью которых, согласно ПВЛ, являлась и русь: «идоша за море к варягом, к руси») с Южной Балтикой отмечали независимо друг от друга в 1544 и 1549 гг. немецкие авторы С. Мюнстер и Герберштейн, фиксируя при этом два имени одного и того же народа: «вагры» или «варяги» («Wagrii oder Waregi», «Vuagriis, seu Vuaregis») ⁸⁹.

Вставка «Афетово бо и то колено» в ПВЛ была сориентирована на сделанную ранее вставку об «Афетовой части» («В Афетове же части седять русь, чюдь и вси языци...»), которая, подчеркивал Кузьмин, была целиком заимствована из какого-то западного источника в конце X в., «когда составлялся первый исторический труд, рассказывающий о начале Руси»⁹⁰. На Русь он, вероятно, попал с помощью южных славян (болгар, сербов), исправивших «франков», с учетом сложившейся уже традиции их наименования, на «фрягов».

Произвольное закрепление понятий «веньдици, фрягове» за венецианцами и генуэзцами заставило ученых также произвольно увязывать «вольхва» с франками. Хотя изначально в них видели иную общность. Так, Татищев представил «вольхва, римляне» как «влохи и римляне», объясняя, что «волохами» называли «римлян, или итальянцев». Шлецер и Карамзин убеждали, соответственно, что «вольхва» есть итальянцы (за исключением «римлян и венециан, о которых говорится после в особенности») и что «именем Волошской земли... наши предки всегда означали Италию»⁹¹.

Эта точка зрения была поставлена под сомнение Ф. Кругом, Погодиным, П.И. Шафариком, и в науке получило распространение мнение, что волохами были франки (французы), а земля Волошская обозначала Францию⁹². Но для такого заключения нет никаких оснований, в связи с чем Лихачёв в 1950 г. заметил: «Кто такие эти “волохи”, остается неясным до сих пор»⁹³. Однако можно сказать, что правы были Татищев, Шлецер, Карамзин, и «вольхва» есть итальянцы, а «римляне» — население Папской области (была образована в 756 г. за счет захваченных византийских владений) со столицей в Риме.

Таким образом, интерпретация Повести временных лет не всегда безупречна, причиной чего является неглубокий источниковедческий анализ, тенденциозность и некритическое восприятие выводов предшественников, что отрицательно сказывается как на объективном понимании известий летописи, так и на реконструкции прошлого.

Примечания

1. Летопись по Лаврентьевскому списку (ЛЛ). СПб. 1897, с. 4; Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. II. М. 1962, стб. 4.
2. ТАТИЩЕВ В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Т. I. М. 2016, с. 407, прим. 22; т. III. М. 2016, с. 229—232; т. IV. М. 2017, с. 434—436, 542; т. VII. М. 2018, с. 170; ШЛЕЦЕР А.Л. Нестор. Ч. I. СПб. 1809, с. 100, 105.
3. КАРАМЗИН Н.М. История государства Российского. Т. V. М. 1993, прим. 61; ПОГОДИН М.П. О происхождении Руси. Историко-критическое рассуждение.

- М. 1825, с. 22—24; ЕГО ЖЕ. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 2. М. 1846, с. 15—18; СОЛОВЬЁВ С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 1—2. М. 1993, с. 86.
4. Словарь старославянского языка. Т. 4. СПб. 2006, с. 754; ЕФРЕМОВА Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 2. М. 2000, с. 922.
  5. МЫЛЬНИКОВ А.С. Кто такие *венедици* «Слова о полку Игореве». В кн.: Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб. 2004, с. 239, 242. Здесь и далее курсив в цитатах принадлежит авторам и издателям источников.
  6. История русской литературы X—XVII веков. М. 1980, с. 234—236, 254; ДМИТРИЕВ Л.А. Задонщина. В кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. Л. 1988, с. 346—347; Памятники Куликовского цикла. СПб. 1998, с. 28, 44—47, 63, 134, 223—225, 315, 343.
  7. Памятники Куликовского цикла, с. 100, 103, 115, 118, 128, 131.
  8. ПСРЛ. Т. XI. СПб. 1897, с. 46—47; т. XLIII. М. 2004, с. 131; Повести о Куликовской битве. М. 1959, с. 29; Памятники Куликовского цикла, с. 9, 30, 65.
  9. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., т. V, с. 37; КУЧКИН В.А. Победа на Куликовом поле. — Вопросы истории. 1980, № 8, с. 8; Памятники Куликовского цикла, с. 16, прим. 3.
  10. УСПЕНСКИЙ Ф.И. История Византийской империи. Т. 5. М. 2002, с. 481; История Византии. Т. 3. М. 1967, с. 156—157.
  11. Повести о Куликовской битве, с. 76, 153, 165, 202, 276, 326; Памятники Куликовского цикла, с. 187, 250, 337, 366; ПСРЛ, т. XI, с. 46—47, 54.
  12. Памятники древнерусского канонического права. Ч. I. (Памятники XI—XV в.). В кн.: Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб. 1880, стб. 186, прим. 6.
  13. ПРОХОРОВ Г.М. Летописная повесть о Митяе. В кн.: Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. XXX. Л. 1976, с. 238—254; ЕГО ЖЕ. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л. 1978, с. 125—129, 136—143, 147—150, 166—169, 221—223.
  14. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., т. V, с. 37; МАКАРИЙ (БУЛГАКОВ М.П.). История русской церкви. Кн. III. М. 1995, с. 52; ТИХОМИРОВ М.Н. Древняя Москва. XII—XV вв. В кн.: Средневековая Россия на международных путях. XIV—XV вв. М. 1992, с. 79—80; ПРОХОРОВ Г.М. Повесть о Митяе, с. 139.
  15. ПРОКОФЬЕВ Н.И. Хождение Игнатия Смольнянина. Археографическое вступление и текст. В кн.: Литература Древней Руси. Л. 1978, с. 123—124, 129—133, 137.
  16. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., т. V, с. 69; ПРОКОФЬЕВ Н.И. Русские хождения XII—XV вв. В кн.: Литература Древней Руси и XVIII в. М. 1970, с. 155.
  17. ПРОКОФЬЕВ Н.И. Хождение Игнатия Смольнянина, с. 142, 144; История Византии, т. 3, с. 89, 114, 157, 165—168, 429.
  18. История Византии, т. 3, с. 114—115.
  19. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л. 1950, с. 8—9; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук (ААЭ). Т. 1. СПб. 1836, с. 3; КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., т. V, с. 69, прим. 134.
  20. КЛОСС Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М. 1980, с. 157—168; ЕГО ЖЕ. Предисловие к изданию 2005 года. В кн.: ПСРЛ. Т. XXII. Ч. 1. М. 2005, с. V—VI.
  21. ПОПОВ А.Н. Обзор хронографов русской редакции. Вып. 1. М. 1866, с. 192—193; ТВОРОГОВ О.В. Древнерусские хронографы. Л. 1975, с. 38, 41, 184—186.
  22. ПСРЛ. Т. X. СПб. 1885, с. 45; т. XXII, ч. 1, с. 392; ч. 2. М. 2005, с. 184; УСПЕНСКИЙ Ф.И. История крестовых походов. СПб. 1901, с. 135; ЕГО ЖЕ. История Византийской империи, т. 5, с. 38.
  23. ПСРЛ. Т. VII. СПб. 1856, с. 210; т. X, с. 217; т. XVIII. СПб. 1913, с. 95; т. 15. М. 1965, стб. 57; т. 25. М.—Л. 1949, с. 175; т. 30. М. 1965, с. 108.
  24. КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., т. IV. М. 1992, прим. 357; СКРЫННИКОВ Р.Г. Куликовская битва. Проблема изучения. В кн.: Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М. 1983, с. 52.
  25. ПСРЛ, т. XI, с. 7; т. XVIII, с. 104—105; т. 15, стб. 81. УСПЕНСКИЙ Ф.И. История Византийской империи, т. 5, с. 487; ЕГО ЖЕ. История крестовых походов, с. 100—101, 103, 108—109, 112.

26. ПСРЛ. Т. IV. СПб. 1848, с. 105; т. V. СПб. 1851, с. 246; т. VIII. СПб. 1859, с. 65; т. 27. М.-Л. 1962, с. 88, 258, 336; т. 25, с. 222, 225; т. XLIII, с. 157, 162; ПРОКОФЬЕВ Н.И. Русские хождения XII—XV вв., с. 170—172.
27. Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину. В кн.: Книга хожений. Записки русских путешественников XI—XV вв. М. 1984, с. 124, 126, 406; ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, с. 428; ч. 2, с. 198—200; История Византии, т. 3, с. 179—181.
28. Хождение на Флорентийский собор. В кн.: Памятники литературы Древней Руси (ПЛДР). XIV — середина XV века. М. 1981, с. 478, 486, 488; ПРОКОФЬЕВ Н.И. Русские хождения XII—XV вв., с. 194—196; КАЗАКОВА Н.А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков (Из истории международных культурных связей России). Л. 1980, с. 20—22, 33, 43.
29. ПАВЛОВ А.С. Критические опыты по истории древней греко-русской полемики против латинян. СПб. 1878, с. 198—201, 203, 205—207; КАЗАКОВА Н.А. Ук. соч., с. 63—67.
30. Хождение Авраамия Суздальского. В кн.: Книга хожений, с. 152—153, 156; КАЗАКОВА Н.А. Ук. соч., с. 55—62.
31. ПСРЛ, т. VII, с. 251; т. 27, с. 126, 136; СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., кн. 3, т. 5—6. М. 1993, с. 60—62; История Византии, т. 3, с. 202; КАЗАКОВА Н.А. Ук. соч., с. 93.
32. ПСРЛ. Т. VI. СПб. 1853, с. 196—197; т. VIII, с. 168—169, 173, 175—176; т. XVIII, с. 219—220, 235—237, 241, 243, 245; т. XXII, ч. 1, с. 471, 484—485, 489; т. 25, с. 281, 292—293, 296, 298—300; т. 28. М.-Л. 1963, с. 132, 134—135.
33. ПСРЛ, т. VI, с. 214; т. VIII, с. 192; т. XII. СПб. 1901, с. 180; т. XVIII, с. 248—249; т. 25, с. 301—303; т. 28, с. 137—138; ХОРОШКЕВИЧ А.Л. Данные русских летописей об Аристотеле Фиорованти. — Вопросы истории. 1979, № 2, с. 202.
34. ПСРЛ, т. IV, с. 164; т. VI, с. 37, 235; т. VIII, с. 219, 228; т. XII, с. 222, 239; т. XX. Пол. 1. СПб. 1910, с. 350, 354, 361; т. XXIII. СПб. 1910, с. 183, 187; т. 26. М.-Л. 1959, с. 288; т. 28, с. 151, 317; СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., кн. 3, т. 5—6, с. 65.
35. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году. В кн.: ПЛДР. Вторая половина XV века. М. 1982, с. 216, 222, 226, 228, 232, 234, 250, 252, 254, 602—605; ПСРЛ, т. XII, с. 78, 83—87, 93—94; т. XXII, ч. 1, с. 443, 446—447, 449, 455—456; История Византии, т. 3, с. 189, 196.
36. ПСРЛ, т. XII, с. 98—100; т. XXII, ч. 2, с. 205—207, прим. а, с. 205; КЛОСС Б.М. Никоновский свод..., с. 5, 51, 99, 172.
37. ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 2. СПб. 1906, с. 364; т. XIX. СПб. 1903, стб. 114, 138—139; т. 29. М. 1965, с. 318; Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. В кн.: Русский дипломатарий. М. 2004, с. 135.
38. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М. 1813, с. 449, 455—456, 504, 534; ААЭ, т. 1, с. 340.
39. ЗАБЕЛИН И.Е. История города Москвы. Ч. 1. М. 1905, с. 86, 152, 156—157; МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ П.И. На горах. Кн. 1. М. 1987, с. 461, прим. 2; ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, с. 564; ФАСМЕР М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М. 1987, с. 208; ТИХОМИРОВ М.Н. Древняя Москва, с. 113, 116—117.
40. ПСРЛ, т. 25, с. 446; т. 26, с. 402; т. 27, с. 407; т. 28, с. 71, 81, 399.
41. ПОГОДИН М.П. О происхождении Руси, с. 22—24; ЕГО ЖЕ. Исследования..., т. 2, с. 16—18; МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ П.И. В лесах. Кн. 1. Воронеж. 1991, с. 310, с. 589—590, прим. к с. 310; ЕГО ЖЕ. На горах. Кн. 1, с. 74, с. 461, прим. 2; с. 578, прим. к с. 74.
42. ГУДЗИЙ Н.К. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. М. 1952, с. 200, прим. а; Русские повести XV—XVI веков, с. 390; ФАСМЕР М. Ук. соч., с. 208; ТИХОМИРОВ М.Н. Российское государство XV—XVII веков. М. 1973, с. 342—345.
43. Сказание известно о воображении книг печатного дела. В кн.: Русское историческое повествование XVI—XVII веков. М. 1984, с. 324, 340; Книга хожений, с. 211, 236, 239, 247, 250, 409, 441.
44. Домострой. М. 1991, с. 76—77, 303; ФАСМЕР М. Ук. соч., с. 208; СОМОВ В.П. Словарь редких и забытых слов. М. 1996, с. 595; ЕФРЕМОВА Т.Ф. Ук. соч., с. 922.
45. «Хождение» игумена Даниила. В кн.: ПЛДР. XII век. М. 1980, с. 34, 80, 82, 86, 96, 100, 102, 106, 110; КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., т. II—III. М. 1991, прим. 211.

46. Письменные памятники истории Древней Руси. М. 2003, с. 85.
47. УСПЕНСКИЙ Ф.И. История крестовых походов, с. 9, 16—27, 37—38, 41, 48; ЗАБОРОВ М.А. Крестовые походы. М. 1956, с. 68—79, 86, 103, 106, 108; ЕГО ЖЕ. Крестоносцы на Востоке. М. 1980, с. 53—58, 77, 108, 112—115; История Италии. Т. 1. М. 1970, с. 208.
48. Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст. СПб. 1999, с. 507—510.
49. КЛОСС Б.М. Летопись Новгородская первая. В кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI — первая половина XIV в.). М. 1987, с. 245—247.
50. ТВОРОГОВ О.В. Повесть о взятии Царьграда фрягами. В кн.: Словарь книжников..., с. 353.
51. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). М.—Л. 1950, с. 46—49, 240—246.
52. ЗАБОРОВ М.А. История крестовых походов в документах и материалах. М. 1977, с. 163, 178, 196, 200—201, 204, 220—221, 227—229, 250, 267; ЕГО ЖЕ. Крестовые походы, с. 193, 207.
53. ТВОРОГОВ О.В. Повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году. В кн.: «Изборник». (Сб. произведений литературы Древней Руси). М. 1969, с. 734; Литература Древней Руси: Библиографический словарь. М. 1996, с. 146; Летописец Еллинский и Римский. Т. 2. СПб. 2001, с. 115.
54. ЗАБОРОВ М.А. История крестовых походов..., с. 218, прим. 1.
55. Анонимное хождение в Царьград. В кн.: Книга хождений, с. 82—84, 86—88, 90, 396—397; История Италии, т. 1, с. 212—213.
56. ПСРЛ, т. XX, пол. 1, с. 143—144; т. XXI. Пол. 1. СПб. 1908, с. 250; т. XXIII, с. 59.
57. Там же, т. 15, стб. 24; т. XVI. СПб. 1889, стб. 47; т. XVIII, с. 39.
58. Там же, т. XXII, ч. 1, с. 389, 391—393, 401; ч. 2, с. 181, 183—186; ПОПОВ А.Н. Обзор хронографов..., с. 189; История Византии, т. 3, с. 69—70.
59. ПСРЛ, т. X, с. 37—41, 45—46, 150; т. XII, с. 82; КЛОСС Б.М. Никоновский свод..., с. 175—176.
60. НПЛ, с. 49, 245; УСПЕНСКИЙ Ф.И. История крестовых походов, с. 117—125, 130, 133, 135—136; ЗАБОРОВ М.А. Крестовые походы, с. 216—222, 229—237.
61. ПСРЛ, т. VIII, с. 100—106, 108—109; т. XVIII, с. 176—188; т. 25, с. 253—260; КАЗАКОВА Н.А. Ук. соч., с. 93—95.
62. Хождение Зосимы..., с. 134; Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году, с. 264; ПСРЛ, т. VIII, с. 176; т. XII, с. 151; т. XVIII, с. 244.
63. Сказание известно..., с. 100—101, 323; ЗАБЕЛИН И.Е. История города Москвы, с. 154; БЕЛЯЕВ И.С. Росписной список города Москвы 1638 года. М. 1911, с. 212.
64. Православный Палестинский сборник Т. XVI. Кн. 48. СПб. 1896, с. 4—6, 8, 13; Книга хождений, с. 129—130, 132, 175—176; Записки русских путешественников XVI—XVII вв., с. 15, 39, 72, 75, 100—101, 118—120, 126; ПСРЛ, т. XI, с. 104—107.
65. ПСРЛ. Т. III. СПб. 1841, с. 264—266; АЗБЕЛЕВ С.Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород. 1960, с. 43—44, 55, 57, 60—64, 67—68.
66. Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею. Т. 5. СПб. 1842, с. 309.
67. Летописец Еллинский и Римский, т. 1, с. 226, 228; т. 2, с. 52, 163—166.
68. ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, с. 246—247, 317; ч. 2, с. 63, 131; ИСТРИН В.М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. I. Пг. 1920, с. 472; ТВОРОГОВ О.В. Хроника Георгия Амартола. В кн.: Словарь книжников..., вып. 1, с. 467—469.
69. ПОПОВ А.Н. Историко-литературный обзор древнерусских сочинений против латинян. (XI—XV в.). М. 1875, с. 138—140, 145—148, 176—177; ПАВЛОВ А.С. Ук. соч., с. 78—80.
70. Летописец Еллинский и Римский, т. 1, с. 456, 458; т. 2, с. 102—103, 184—187; ПСРЛ, т. XII, с. 55; т. XXII, ч. 1, с. 324; ч. 2, с. 201; КЛОСС Б.М. Никоновский свод..., с. 172—173.
71. ТВОРОГОВ О.В. Древнерусские хронографы, с. 180—181.
72. ПОПОВ А.Н. Обзор хронографов..., с. 160.
73. ПСРЛ, т. XII, с. 44—44, 47—48; ПОПОВ А.Н. Историко-литературный обзор..., с. 56—59, 134, 175—176, 238—248, 254, 260, 265—266, 273—274, 276, 279—280, 283—286.
74. Анонимное хождение в Царьград, с. 85.

75. Повесть временных лет. М. 2014, с. 446.
76. Повесть временных лет. СПб. 1996, с. 384; МЫЛЬНИКОВ А.С. Рец. на кн.: Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе. М. 1988. — Советское славяноведение. 1990, № 5, с. 94; ЕГО ЖЕ. Кто такие *венедици* «Слова о полку Игореве», с. 239—241.
77. ДМИТРИЕВ Л.А. Слово о гибели Русской земли. В кн.: Словарь книжников..., вып. 1, с. 432—434.
78. Записки русских путешественников XVI—XVII вв., с. 179—180, 463—464, 468.
79. УСПЕНСКИЙ Ф.И. История крестовых походов, с. 124; История Италии, т. 1, с. 164—166, 203—204, 208—210, 248—249, 330.
80. ПЕТРУХИН В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI веков. Смоленск-М. 1995, с. 29.
81. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. I. М. 2009, с. 186; т. III. М. 2009, с. 172—173; ГЕРБЕРШТЕЙН С. Записки о Московии. М. 1988, с. 196.
82. АДАМ БРЕМЕНСКИЙ. Деяния архиепископов Гамбургской церкви. В кн.: АДАМ БРЕМЕНСКИЙ, ГЕЛЬМОЛЬД ИЗ БОСАУ, АРНОЛЬД ЛЮБЕКСКИЙ. Славянские хроники. Кн. II. М. 2011, с. 22; История Италии, т. 1, с. 209.
83. ЛЛ, с. 3—4; РЫБАКОВ Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII веков. М. 1993, с. 121—122; с. 122, прим. 22.
84. ПОГОДИН М.П. О происхождении Руси, с. 8; ЕГО ЖЕ. Исследования..., т. 2, с. 8.
85. ЛЛ, с. 3, 15; ЗАБЕЛИН И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М. 1876, с. 135—136, 142—143, 189, 193; СОЛОВЬЁВ С.М. Ук. соч., кн. 1, т. 1—2, с. 275, прим. 141 к т. 1; ТИХОМИРОВ М.Н. Русское летописание. М. 1979, с. 32—37, 39.
86. СУГОРСКИЙ И.Н. В туманах седой старины. К варяжскому вопросу. Англо-русская связь в давние века. СПб. 1907, с. 29; ПАУЛЬ А. К вопросу о названиях племен королевства ободритов. В кн.: Варяги и Русь. М. 2015, с. 178, 222—224; ЕГО ЖЕ. Балтийские славяне. От Рерика до Старигарда. М. 2016, с. 74—75.
87. КУЗЬМИН А.Г. История России с древнейших времен до 1618 г. Кн. 1. М. 2003, с. 88—89; ПАУЛЬ А. К вопросу о названиях..., с. 178—185, 217—218, 228—229.
88. Древняя Русь в свете зарубежных источников, т. III, с. 79, 171.
89. ЛЛ, с. 18; MÜNSTER S. Cosmographia. T. IV. Basel. 1628, S. 1420; ГЕРБЕРШТЕЙН С. Ук. соч., с. 60.
90. ЛЛ, с. 3; КУЗЬМИН А.Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань. 1969, с. 109—111; ЕГО ЖЕ. Начальные этапы древнерусского летописания. М. 1977, с. 301; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 1. М. 1986, с. 651—652; кн. 2. М. 1986, с. 26.
91. ТАТИЩЕВ В.Н. Ук. соч., т. IV, с. 132, 514—515, 542; т. VII, с. 90; ШЛЕЦЕР А.Л. Ук. соч., ч. I, с. 99—100, 104; КАРАМЗИН Н.М. Ук. соч., т. I. М. 1989, прим. 65, 103.
92. ЛЛ, с. 5; ПОГОДИН М.П. О происхождении Руси, с. 9—16, 21; ЕГО ЖЕ. Исследования..., т. 2, с. 8—15, 19; ШАФАРИК П.И. Славянские древности. Т. I. Кн. 2. М. 1837, с. 87, 99—103.
93. Повесть временных лет, с. 384. Ср.: СВЕРДЛОВ М.Б. Дополнения. Там же, с. 587, прим. 5.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201809Statyi01

ББК 63.3(47)53/УДК 94(497)«191»И861

Николай Генрихович Гартвиг

П.А. Искендеров

Аннотация. Публикация посвящена одному из виднейших российских дипломатов конца XIX — начала XX в. Н.Г. Гартвигу. Особое внимание автор уделяет его деятельности в качестве российского посланника в Сербии (1909—1914 гг.). Работа базируется на неопубликованных архивных документах.

Ключевые слова: Россия, Балканы, Сербия, Албания, Косово, Черногория, Османская империя, великие державы, международные отношения, дипломатия.

Abstract. The publication is devoted to famous Russian diplomat N.G. Hartwig. The author pays particular attention to his activities as Russia's Envoy to Serbia (1909—1914). The research is based on unpublished diplomatic documents.

Key words: Russia, the Balkans, Serbia, Albania, Kosovo, Montenegro, Ottoman Empire. Great Powers, international relations, diplomacy.

Выдающийся русский дипломат Николай Генрихович Гартвиг родился 16 декабря 1857 г. в грузинском городке Гори в обедневшей дворянской семье. Его отцом был обрусевший немец, переехавший на Кавказ из Средней Азии. Николай получил блестящее образование. Родители основной упор сделали на изучении иностранных языков: будущий дипломат еще в детстве говорил на немецком и французском, к которым позднее добавились болгарский, сербохорватский и персидский. Среди учебных дисциплин, помимо изучения языков, его особенно привлекали история и литература. Окончив с отличием классическую гимназию, он поступил на историко-филологический факультет Новороссийского императорского университета в Одессе, по окончании которого также получил диплом с отличием.

В 1874 г. Н.Г. Гартвиг защитил магистерскую диссертацию, посвященную Оноре Габриэлю Мирабо, а уже в следующем году, когда

Искендеров Пётр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, главный редактор журнала «Вопросы истории». E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

Iskenderov Petr A. — M.A., senior researcher at the Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of “Voprosy Istorii” history journal. E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

на Балканах запылял Великий восточный кризис, он поступил на службу в российское внешнеполитическое ведомство.

С этого момента Николай Генрихович неизменно находился в самом центре внешнеполитических катаклизмов, возникавших в различных стратегически важных для России районах мира. Проработав в должности российского атташе в Цетинье (Черногория), в 1878 г. молодой дипломат, находясь еще в ранге коллежского секретаря, получил назначение на пост вице-консула в болгарском Бургасе. В 1885 г., когда ситуация на Балканах относительно стабилизировалась (если не считать вспыхнувшей в том же году краткосрочной сербо-болгарской войны), Гартвига перевели в Первый (Азиатский) департамент Министерства иностранных дел. В этом подразделении, занимавшемся ключевыми проблемами тогдашней международной повестки дня — от Балкан до Дальнего Востока — он проработал на должности делопроизводителя до 1896 года. Он поддерживал активные контакты с представителями зарубежных стран, причем особым расположением пользовался среди болгар, с которыми позднее (уже в бытность работы посланником в Сербии) будет находиться в весьма натянутых отношениях. Среди его болгарских корреспондентов этого периода следует упомянуть, в первую очередь, председателя Народного собрания и министра финансов Болгарии Тодора Тодорова¹.

В 1897 г. руководство российского внешнеполитического ведомства послало дипломата генеральным консулом в Бейрут, однако в том же году предоставило ему ответственную работу все в том же Первом (Азиатском) департаменте.

В этом подразделении Министерства иностранных дел Гартвиг проработал почти десять лет — до 1906 г. — сначала в ранге вице-директора, а затем директора департамента. Он принимал активное участие в мирных переговорах с Японией, завершивших неудачную для России русско-японскую войну 1904—1905 гг., а после их завершения, в 1906 г., был назначен посланником России в Персии, ставшей к тому времени ареной ожесточенного противостояния России и Англии. Там он придерживался жесткой антибританской позиции и в период подготовки русско-английского соглашения 1907 г. о разграничении сфер влияния в Средней Азии, и даже после заключения самого соглашения. Подписанный в Санкт-Петербурге документ завершал процесс складывания Антанты и предусматривал, в частности, раздел Персии на три сферы влияния — русскую на севере, британскую на юге и нейтральную в центральных районах.

Поступательно продвигался Гартвиг и по ступенькам в табели о рангах. Уже в 1881 г. он стал коллежским асессором, в 1884 г. — надворным советником, в 1896 г. — действительным статским советником, а в 1900 г. ему было присвоено высокое звание гофмейстера императорского двора.

Однако вершиной дипломатической карьеры Николая Генриховича стала Сербия. Он получил назначение в Белград на должность чрезвычайного и полномочного представителя России 17 июня 1909 г., когда в Сербии еще не утихло возмущение по поводу аннексии монархией Габсбургов Боснии и Герцеговины в 1908 г. и дипломатической капитуляции в этом вопросе России. По весьма справедливой оценке советского и российского исследователя Ю.А. Писарева, «это

было высоко ответственное поручение. Посланник должен был восстановить доверие к России, подорванное политикой А.П. Извольского (бывший российский министр иностранных дел. — *П.И.*). В Сербии царили воинственные настроения среди офицерства, вызванные аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, и дело могло дойти до войны между дунайской монархией и Сербским королевством, в чем не была заинтересована Россия»².

«Среди дипломатов меня поразила какая-то взаимная подозрительность и отчужденность в особенности между австрийцами и русскими», — свидетельствовал посетивший прием в российском посольстве накануне приезда Гартвига секретарь посольства России в Афинах Ю.Я. Соловьёв: «Эта дипломатическая напряженность производила впечатление чего-то весьма нездорового»³.

Как свидетельствуют дипломатические документы, перед Гартвигом новый министр иностранных дел России С.Д. Сазонов поставил очень сложную (учитывая обстановку в балканском «пороховом погребе») двуединую задачу. С одной стороны, он должен был сдерживать антиавстрийские настроения среди руководства Сербии, а с другой — содействовать сближению этой страны с другими государствами региона под российскими, а соответственно, антиавстрийскими (а позднее антитурецкими) лозунгами. Данная задача осложнялась еще и тем ключевым обстоятельством, что «в отличие от Западной Европы процесс национального разграничения на Балканах так никогда и не был полностью завершен»⁴.

Позиция России определялась в том числе ее стремлением избежать крупного военного конфликта на Балканах, чреватого более серьезными последствиями для общей ситуации в Европе. Вряд ли будет преувеличением отметить, что «в основе российской политики лежало стремление не допустить чрезмерного укрепления какой-либо из великих держав в Средиземноморье, что могло пагубно сказаться на российских национальных интересах в этом регионе»⁵.

Гартвигу нельзя было отказать в усердии и настойчивости в решении вышеуказанной задачи. Не будет преувеличением отметить, что «за каких-нибудь пять лет своей деятельности в Сербии он стал самым влиятельным представителем дипломатического корпуса»⁶. Он поддерживал дружественные отношения с главами сербского правительства М. Миловановичем и Н. Пашичем, королем Петром I Карагеоргиевичем и его сыном, престолонаследником Александром. «При активном участии» Гартвига в 1911 г. проходил заключительный этап переговоров между Сербией и Болгарией о заключении военного союза⁷. Дипломат, «делавший, образно выражаясь, “погоду” на Балканах», — так характеризовал его отечественный специалист в области международных отношений М.Э. Айрапетян⁸.

Гартвигом обладал, по словам российского исследователя А.Л. Шемякина, «властным, волевым и воинственным характером, который, однако, мало соотносился в нем с наличием стратегического мышления, столь необходимого дипломатам такого ранга»⁹.

Последнее утверждение, впрочем, вряд ли можно считать справедливым. Гартвигу нельзя было отказать в последовательности рассуждений, в центре которых находились интересы не Сербии или балканских славян, а России. Так, докладывая министру иностран-

ных дел С.Д. Сазонову в 1913 г. о нарастании противоречий в рядах Балканского союза между Сербией, Болгарией и Грецией, он подчеркивал, что «союзный блок должен служить в будущем нашим, а не чужим интересам. Сохранение же союза возможно, когда два союзника в совокупности будут сильнее третьего»¹⁰. Более того, дипломат вполне искренне проводил параллели между сербскими и российскими интересами на Балканах. «Высказываясь по своему крайнему разумению за желательность удовлетворения жизненных вожелений Сербии, в целях ограждения ее политической и экономической независимости, я не могу отрешиться от мысли, что того же настоятельно требуют и первостепенные интересы России», — докладывал он министру Сазонову¹¹.

Вот как описал свои впечатления от первой встречи с Гартвигом направленный в сентябре 1911 г. в Белград под его начало в качестве поверенного в делах России в Сербии В.Н. Штрандтман: «Посланник немедленно меня принял в своем большом рабочем кабинете за письменным столом. Он грузно приподнялся, чтобы поздороваться со мной, и лицо его, обрамленное длинной бородой, не выражало ничего приветливого, а сравнительно маленькие глаза неискренне, как мне показалось, старались улыбнуться. Затем он меня представил своей жене Александре Павловне и дочери Людмиле Николаевне. Она мне сразу предложила с ними выпить чашку чая, от которой я не отказался. Понимая, что я должен быть в достаточной мере уставшим, и ограничившись поверхностными вопросами..., посланник мне посоветовал отправиться в гостиницу и отдохнуть. А завтра, сказал он, я Вас буду допрашивать...

Фигуру Гартвига я знал, встречая его в Министерстве иностранных дел в первые годы моей службы. По почти общему мнению, это был умный, властный и неприятный человек, с которым трудно было работать. Впрочем, близко знавший его сотрудник П.С. Боткин (известный российский специалист по международному праву, дипломат. — *П.И.*) считал его милым и симпатичным. Н.Г. Гартвиг занимал тогда место директора Первого Азиатского департамента Министерства иностранных дел, в ведение которого входили вопросы, касавшиеся всего Востока. Он был тонким знатоком всех многочисленных проблем, связанных с восточной политикой России. В частности, он был знаком со всеми главнейшими деятелями балканских государств, которые приезжали в С[анкт]-Петербург в поисках поддержки России в вопросах, касавшихся их национальных вожелений»¹².

По свидетельству переводчика российской миссии в Белграде И.Г. Мамулова, рабочий день представительства определялся «не всегда для работы удобными привычками» Гартвига: «Он выходил обыкновенно из своей спальни после 11 часов утра; завтракала семья после часа; затем посланник отдыхал приблизительно до 4—5 часов дня. Обедал в восемь, опять же недолго отдыхал и принимался за писание донесений, главным образом, телеграмм, между 10 и 11 вечера. В случаях срочности, он сплошь и рядом передавал телеграммы к шифрованью около 12 часов ночи, а то и позже»¹³.

Военный агент России в Сербии полковник Генерального Штаба В.А. Артамонов в беседе с прибывшим в Белград Штрандтманом дал довольно яркую характеристику Гартвику и его жене: «Его умственные способности и образование не подлежали ни малейшему сомнению, но характер его был более чем тяжелый. Артамонов сказал мне, что

мои предшественники Бибиков и Стремоухов не выдержали его давления. Авторитет Гартвига в глазах сербов — чрезвычайный, а иностранные представители ему завидовали и не могли с ним не считаться. Дипломатический корпус разделен на два лагеря, соответственно с группировкой держав в Европе. Это отражается не только на политике, но и на личных отношениях в обществе. Виной этому иностранцы считают Гартвига и сравнивают

положение в Белграде с жизнью в Бухаресте, Афинах и даже в Софии, где, несмотря на разницу политических тенденций, все иностранцы поддерживают между собой дружественные отношения. Желю посланника Александру Павловну он считал «львицей» — в отставке, но сохранившей свои зубы!»¹⁴

Гартвиг был дважды женат. Имя первой супруги достоверно не известно. От этого брака у дипломата осталась дочь Людмила, которую отец ласково называл Милей. Вот, как описывал ее Штрандман: «Дочь посланника от первого брака, Людмила Николаевна, очень некрасивая, показалась мне симпатичной, умной и несчастной. Ей было более 30 лет, и я вскоре понял, что ее положение между горячо любимым отцом и мачехой было очень незавидным»¹⁵.

Второй супругой Гартвига стала Александра Павловна Фонвизина, урожденная Карцова. Она родилась в 1863 г. в Варшаве. Александра Павловна была дочерью генерала от инфантерии, военного историка П.П. Карцова и внучкой адмирала П.К. Карцова¹⁶. Ее первым мужем был знаменитый русский писатель С.И. Фонвизин. Общих детей у Фонвизиной и Гартвига не было. Жена пережила Николая Генриховича на 30 лет, скончавшись в Белграде в 1944 году.

«Александру Павловну Гартвиг я лично не встречал, за исключением одного раза, а именно — на передвижной выставке картин в Петербурге, — свидетельствует Штрандман. — Тогда она была замужем за Фонвизиним. Мне ее показали как знаменитую русскую красавицу, общество которой очень ценил великий князь Николай Николаевич. Она была действительно красива, но с неприятным выражением глаз. В супруге посланника я с трудом мог ее узнать. Она мне показалась очень постаревшей и утратившей всю прежнюю привлекательность. Между тем ее голос, манера выражаться с резкими выкриками произвели на меня неприятное впечатление...»¹⁷

Глубокое «погружение» Гартвига в проникнутую русофильскими чувствами атмосферу Белграда и Сербии имело для самого дипломата и его деятельности свою оборотную сторону. Именно Гартвиг во время дипломатической службы в сербской столице внес существенный вклад в создание у сербского правительства весьма опасных для мира в Европе представлений о возможности реализации в ближайшем будущем всех внешнеполитических планов Сербии, включавших в себя образование единого югославянского государства, в которое войдет

освободившееся от австро-венгерского господства население югославянских областей монархии Габсбургов, и которое будет иметь выход к Адриатическому морю. На эту сторону его деятельности, вполне понятную в силу испытывавшихся дипломатом чувств искренней симпатии по отношению к сербам, но, тем не менее, создававшую определенные трудности для проведения российской дипломатией более взвешенной и осторожной политики (в первую очередь, в том, что касалось сербо-албанских и сербо-австрийских отношений), справедливо указывал в своих воспоминаниях занимавший в то время пост министра иностранных дел России Сазонов. Он подчеркивал, что существовавшие тогда в Сербии настроения патриотического подъема и ожидания близкого осуществления национальных идеалов были ему тем более понятны, что «тогдашний русский представитель в Белграде, Гартвиг, предпочитал выигрышную роль потакателя этих повышенных настроений белградских правительственных и общественных кругов, той, менее благодарной, но более соответствующей истинным интересам Сербии, которую он должен был играть, в качестве русского представителя, ближайшей обязанностью которого было, жертвуя личной популярностью, предостерегать правительство и народ от опасных увлечений. Гартвиг истолковывал в Белграде русскую политику по-своему и тем крайне затруднял мою задачу, пока, наконец, политическое напряжение не достигло, во всей Европе, такого состояния, что возможность серьезных европейских осложнений, из-за вопроса об Албанском побережье, становилась все вероятнее»¹⁸.

Реальные возможности Гартвига оказывать заметное влияние на политику сербского руководства определялись тем обстоятельством, что он, как уже говорилось, имел очень дружественные отношения с действующим председателем Совета министров Пашичем и многими ответственными работниками Министерства иностранных дел Сербии. Что же касается его политических симпатий и привязанностей во внешнеполитическом плане, которые накладывали определенный отпечаток на реализацию им общей стратегической линии российского Министерства иностранных дел, то они становятся понятными при изучении содержания его донесений и телеграмм, регулярно направлявшихся российским посланником в Санкт-Петербург.

На основании данных документов можно наглядно убедиться в безусловном доверии, которое испытывал Гартвиг как к самому главе сербского кабинета Пашичу и сообщаемым им сведениям, так и в целом к политике возглавляемого им правительства старорадикалов. Он высоко оценивал опыт в государственных делах и выдержанность председателя Совета министров, которые, по его мнению, гарантировали от каких-либо неосторожных и непродуманных шагов со стороны Сербии в албанском вопросе, а сам Пашич заслуживал исключительного доверия не только в своей собственной стране, но и в европейских столицах¹⁹. Характерным для Гартвига в этом плане явилось его частное письмо Сазонову от 14 января 1914 г., в котором он заверял министра иностранных дел, что Россия может не опасаться со стороны Сербии каких-либо непродуманных действий во внешнеполитическом плане, а в особенности в албанском вопросе, в котором, оказывается, «сербь очень осторожны и совсем подчиняются Вашим советам и указаниям»²⁰.

Подобное отношение к Пашичу и возглавляемой им партии резко контрастировало с негативными оценками, которые российский представитель давал другим политическим партиям Сербии, считая их неспособными к какой-либо серьезной государственной деятельности, и, в особенности, с его крайне критическим отношением к албанскому населению и Албанскому государству ²¹. Гартвиг называл албанские вооруженные отряды, действовавшие на территории Сербии, не иначе как «разбойничьими шайками», а самих албанцев — «диким восточным народом», который «не разбирается в дипломатической казуистике, а преклоняется лишь перед реальной силой». В связи с этим он отрицательно оценивал образование автономной Албании, которую рассматривал как государство, подаренное «дикому племени», руководствующемуся в своих действиях «разбойничьими инстинктами» ²².

Далекой от объективности была и оценка Гартвигом текущего состояния и перспектив развития сербо-болгарских отношений, вину за неблагоприятное развитие которых он целиком и полностью возлагал на болгарскую сторону в лице ее правительства (которое Гартвиг дословно именовал «софийские заправилы») и «шовинистской македонствующей печати», заверяя российское Министерство иностранных дел в том, что в правительственных, а также в широких политических, общественных и военных кругах Сербии практически сразу после заключения Бухарестского мирного договора (завершившего победную для сербов вторую Балканскую войну 1913 г. — *П.И.*) возобладали чувства глубокого сострадания и даже искренней симпатии к Болгарии и желание скорее установить между двумя государствами добрососедские отношения, в то время, как болгарское правительство стремилось к заключению противоестественного союза с «враждебной славянам Турцией» ²³.

Более того, российский посланник, комментируя итоги второй Балканской войны, прямо заявил, что «идея славянской солидарности, совершенно отсутствующая у болгар», «напротив проходит красной нитью через всю сербскую историю», оставляя в стороне даже такое сравнительно недавнее событие, как развязанная Белградом сербо-болгарская война 1885 года ²⁴.

Высказывавшиеся Гартвигом нелюбезные оценки перспектив дальнейшего развития Албании аргументировано оспаривались на страницах российской прессы. Один из ведущих знатоков албанских сюжетов тех лет — журналист газеты «Речь» В. Викторов — писал в декабре 1913 г. из Албании следующее: «Если коренная реформа социально-экономического строя Албании вырвет из рук беев их исключительные полномочия, если албанское крестьянство познакомится с прелестями работы не на беев, а на самих себя, если извне пришедшая революция модернизирует устои этой страны, то все те положительные качества, которые я видел у албанцев, быстро приведут их к полному национальному самоопределению и обеспечат за ними в будущем самостоятельное национальное существование» ²⁵.

Наконец, именно Гартвиг дал российскому правительству самые надежные гарантии финансовой ответственности сербской стороны в вопросе о предоставлении накануне первой мировой войны кредита «Сербскому офицерскому обществу», которое на деле оказалось несостоятельным в плане возврата денежных средств.

«Работать с Н.Г. Гартвигом становилось все труднее. Его властная природа, с одной стороны, а с другой, занятая им позиция относительно нашего Министерства иностранных дел гнетуще действовали на весь состав миссии. Я утешал себя надеждой, что мой перевод на другое место службы не за горами», — вспоминал о своей работе в дипломатическом представительстве в конце 1913 — первой половине 1914 гг. Штрандтман ²⁶.

Драматические события Июльского кризиса 1914 г., вызванного убийством в Сараево австрийского престолонаследника Франца-Фердинанда и ставшего прологом к началу первой мировой войны, не пощадили и Гартвига. Он отправился в посольство Австро-Венгрии в Белграде вечером 10 июля с тем, чтобы от имени российского правительства принести соболезнования вернувшемуся накануне в Белград посланнику монархии Габсбургов барону В. Гизлю фон Гизлингену и заодно попытаться рассеять обвинения в адрес Сербии и России, зазвучавшие в австрийской прессе в связи с убийством эрцгерцога. Однако его сердце не выдержало, и он скоропостижно скончался от инфаркта в здании миссии в возрасте 56 лет.

Как многоопытный дипломат и знаток Сербии и Балкан, Николай Генрихович хорошо понимал, к каким непредсказуемым и тяжелейшим последствиям и для Сербии, и для России могли привести (и в итоге привели) сараевские выстрелы боснийско-сербского националиста Гаврилы Принципа. Однако причины его смерти были чисто медицинские, лишь усиленные негативными эмоциями. Вот как описывал обстоятельства случившегося заместитель Гартвига Штрандтман со слов австрийского посланника: «Барон Гизль встретил нас в прихожей и, не поздоровавшись, сообщил, что посланник уже скончался, что предмет их разговора мне, конечно, был известен. Велся он в дружеских тонах и касался слухов относительно флага миссии и других неприятных толков. Гартвиг объяснил, что он сам в день похорон наследного эрцгерцога отдал приказания его приспустить... Затем беседа перешла на предстоявший ему отпуск, “в котором он, по собственному признанию, сильно нуждался, чувствуя боль и как бы пустоту в сердце — признак расширения!” На выраженное Гизлем удивление, почему он уже не уехал, Гартвиг возразил, что не мог этого сделать до дня рождения короля, которому его отсутствие (на придворном парадном обеде, намеченном на 12 июля. — *П.И.*), наверное, не понравилось бы. Смолкнув, он вдруг поник и, простонав два раза, поддерживаемый мною, свалился на пол. Пульса почти не было. Немедленно было послано за доктором. Было 9 часов 25 минут вечера. Таков был простой и, по видимому, вполне искренний рассказ барона Гизля, к которому он добавил, что только что почивший предложенного кофе не пил и только курил свои папиросы. При этом Гизль мне протянул портсигар посланника. В ту минуту я этим последним словам значения не придавал. Перед тем как войти в соседнюю комнату, Гизль с оттенком отчаяния в голосе заметил: “Какое несчастье, и надо же было ему случиться именно здесь”» ²⁷.

Штрандтман вспомнил также, что за завтраком в российской дипломатической миссии в тот же день утром Гартвига «мучили удушья, и дочь была вынуждена открыть все окна и двери на балкон» ²⁸.

В Сербии многие не поверили в естественную кончину Гартвига. В смерти российского дипломата «общественная молва усматривала дурное предзнаменование, что в значительной мере повышало и без того напряженное настроение политических и общественных кругов», — вспоминал Штрандтман ²⁹.

В сербском обществе распространились конспирологические теории об отравлении горячо любимого сербами дипломата австрийцами в качестве мести за Франца-Фердинанда. Однако они не получили никакого подтверждения. На следующий день после трагического происшествия придворный сербский доктор Симонович рассказал Штрандтману, что «им не было найдено никаких признаков яда, а кровяные сосуды покойного оказались в таком состоянии, что если бы он не умер вчера, то должен был бы умереть сегодня». «И, тем не менее, легенда об отравлении Н.Г. Гартвига, тогда создававшаяся, удержится навеки в веровании сербского народа», — писал Штрандтман ³⁰.

Учитывая значимость фигуры дипломата для Сербии, правительство страны обратилось к России с просьбой разрешить похоронить его на белградском кладбище и получило согласие Санкт-Петербурга. Штрандтман сообщал в своей телеграмме в Санкт-Петербург от 14 июля 1914 г. о «совершенно исключительном стечении народа в Белграде и прибытии многочисленных депутаций селяков-крестьян из провинции» ³¹.

Выходивший в России журнал «Искра» информировал из сербской столицы 19 июля 1914 г.: «В Белграде скончался русский посланник при сербском дворе, Н.Г. Гартвиг. В лице его русская дипломатия лишилась одного из выдающихся своих представителей. Н.Г. считался творцом балканского союза, разгромившего Турцию и решившего почти полностью вековой вопрос о владычестве Турции в Европе. Долгое пребывание Н.Г. Гартвига на посту директора Азиатского департамента, откуда выдавались стипендии славянам, учащимся в русских университетах, создало ему в славянских землях огромный круг его “воспитанников”, друзей и почитателей. Он всегда лично хлопотал об устройстве участи бедного студента. Популярность его среди славян была огромна, в особенности в Сербии. Покойный всегда называл Сербию русским авангардом на Ближнем Востоке и сумел заинтересовать Россию в процветании этого славянского королевства. Сербы за это платили ему искреннюю любовью и глубоким уважением. Безжалостная смерть унесла его в такую минуту, когда присутствие его на своем посту было нужнее, чем когда-либо. Поэтому понятна печаль Сербии, одевшейся теперь в глубокий траур по своему печальнику, неустанно ратовавшем за ее величие и свободное развитие...» ³²

Активная работа Гартвига на своем посту в Белграде и его личные особенности ведения дел имели еще одно примечательное следствие, с которым столкнулся его преемник Штрандтман, вынужденный в последние июльские дни 1914 г. в пожарном порядке готовить к перевозке архив российской дипломатической миссии. Вот, что он писал: «Одновременно с работою над шифрами я обдумывал план мобилизации императорской миссии и ее перенесения на новое место, которое окончательно еще определено не было. Часть политического архива, главным образом текущего с важнейшими документами и шифрами, которых было около 20 томов, укладывалась, равно как и архив консульский. Все остальное нужно было сжечь. Особенно

меня заботила библиотека покойного посланника, очень обширная. Он имел привычку закладывать в книги политического содержания относившиеся к тому или другому вопросу секретные телеграммы и письма в оригиналах или в копиях. Эту часть работы взяла на себя его дочь, но, конечно, ей удалось просмотреть лишь незначительное количество книг, ибо отправку архивного багажа нельзя было откладывать позднее срока вручения сербского ответа на ультиматум. В нашем распоряжении оставалось, следовательно, приблизительно 24 часа времени. Часть библиотеки, таким образом, не была проверена, и многие книги, за невозможностью их вывезти, попали позже в руки австро-венгерских войск, так же как и некоторая часть вложенных в них телеграмм и писем с секретными данными. Практического значения это не имело, за исключением “непроницаемости” наших шифров. Главную существенную часть архива и переписки покойного посланника удалось упаковать и одновременно с архивом миссии отправить на следующий день поездом в Ниш, куда было окончательно решено направить правительство и дипломатический корпус...»³³

Примечания

1. ЛАМЗДОРФ В.Н. Дневник. 1894—1896. М. 1991, с. 296.
2. ПИСАРЕВ Ю.А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М. 1985, с. 59.
3. СОЛОВЬЁВ Ю.Я. Двадцать пять лет моей дипломатической службы (1893—1917). М.—Л. 1928, с. 186.
4. Балканы в европейских политических проектах XIX—XXI вв. М. 2014, с. 4.
5. ЖЕРЛИЦЫНА Н.А. Российская позиция по отношению к колониальным захватам Франции в Магрибе в XIX — начале XX в. — Вопросы истории. 2017, № 4, с. 76.
6. ПИСАРЕВ Ю.А. Ук. соч., с. 57—58.
7. МОГИЛЕВИЧ А.А., АЙРАПЕТЯН М.Э. На путях к мировой войне 1914—1918 гг. Л. 1940, с. 102.
8. Там же, с. 166.
9. ШТРАНДТМАН В.Н. Балканские воспоминания. М. 2014, с. 7.
10. Цит по: МОГИЛЕВИЧ А.А., АЙРАПЕТЯН М.Э. Ук. соч., с. 166.
11. Там же, с. 168.
12. ШТРАНДТМАН В.Н. Ук. соч., с. 69.
13. Там же, с. 71.
14. Там же, с. 73.
15. Там же, с. 70—71.
16. ШЕВЦОВА Г.И. Россия и Сербия. Из истории российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны (гуманитарный аспект). М. 2010.
17. ШТРАНДТМАН В.Н. Ук. соч., с. 70.
18. САЗОНОВ С.Д. Воспоминания. М. 1991, с. 94—95.
19. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. Политархив, оп. 482, д. 2912, л. 13, 16.
20. Там же, д. 532, л. 21.
21. Там же, д. 2912, л. 24.
22. Там же, д. 530, л. 178, 188.
23. Там же, л. 134; д. 531, л. 252, 378; д. 532. л. 41—44, 69, 76.
24. Там же, д. 530, л. 134.
25. Речь. 12.12.1913.
26. ШТРАНДТМАН В.Н. Ук. соч., с. 222.
27. Там же, с. 252.
28. Там же, с. 251.
29. Там же, с. 257.
30. Там же, с. 253.
31. АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 4213, л. 21—22.
32. Искра. 6(13).07.1914, № 26.
33. ШТРАНДТМАН В.Н. Ук. соч., с. 277—278.

Российский федерализм: проблемы и эволюция

А.И. Тетуев

Аннотация. В публикации анализируются основные этапы становления и развития российского федерализма в условиях системной трансформации общества в конце XX века. Выявлены особенности новой модели российского федерализма. Показаны перспективы развития федеративных отношений в России и пути разрешения возникающих противоречий.

Ключевые слова: российский федерализм, договоры, конституция, субъекты, противоречия, разграничение, делегирование, федеральные округа.

Abstract. In the publication the main stages of the formation and development of the Russian federalism are analyzed in the context of a systemic transformation of society in the late twentieth century. The peculiarities of the new model of Russian federalism are revealed. The prospects for the development of federal relations in Russia and for resolving emerging contradictions are shown.

Key words: Russian federalism, agreements, constitution, subjects, counter-speech, delineation, delegation, federal districts.

Исследование российской модели федерализма и дальнейших путей его развития является актуальной проблемой и имеет важное научно-практическое значение. Опыт формирования федеративных и межнациональных отношений в Российской Федерации, накопленный в постсоветский период, имеет свои особенности. Важное значение приобретает конструктивное сотрудничество сторон, в первую очередь, на базе совокупного конституционного и нормативного законодательства. Оно достигается на основе обеспечения баланса интересов в целом, через создание совместными усилиями оптимальной модели

Тетуев Алим Инзрелович — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований — филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук». Нальчик. E-mail: alim-tetuev@mail.ru.

Tetuev Alim I. — doctor of historical sciences, associate professor, leading researcher at the Institute of Humanitarian Researches — Filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences». Nalchik. E-mail: alim-tetuev@mail.ru.

распределения предметов ведения и полномочий федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

По мнению М.В. Столярова, российский федерализм являет собой сегодня симбиоз территориальных и национальных интересов¹. Такой характер федерализма придает ему культурно-политическое многообразие в рамках интегрированного многонационального государства. Юридическую базу, правовой фундамент такого сотрудничества составляют не только Конституция Российской Федерации, но и конституции республик, а также уставы иных субъектов Федерации.

Возникшее в начале 1990-х гг. в России движение к подлинному федерализму, федерализации всего комплекса государственно-правовых отношений получило мощный импульс благодаря идее суверенизации и обеспечения равноправия народов и их государственных образований.

В целом поиск новой «модели» федерации, адекватной сложившейся ситуации, опирался на демократические способы решения общих проблем, на логику сохранения государственного единства Российской Федерации. Но нельзя не замечать и того, что движение к суверенитету, наряду с позитивными тенденциями (укрепление самостоятельности народов, децентрализация в разумных пределах функций государственной власти и управления, обусловленные территориальными масштабами России), с самого начала заключало в себе и отрицательные тенденции — стремление к политическому и экономическому обособлению, более или менее выраженному сепаратизму. Предупредить подобные тенденции можно было лишь выдвинув оптимальную форму государственного устройства России.

Такой формой явился Федеративный договор, подписанный 31 марта 1992 г. 87 субъектами Российской Федерации². Республики Татарстан и Чечено-Ингушетия в этой процедуре не участвовали. 10 апреля 1992 г. Федеративный договор был ратифицирован всеми сторонами. М. Пискотин отмечает: «Федеративный договор сыграл поистине историческую роль, найдя форму сохранения государственного единства России в условиях нарастания сепаратистских настроений в ряде регионов страны. Несомненно, он сыграл эту роль во многом потому, что был заключен быстро и вовремя. А темпы его подготовки не позволяли найти согласованные решения по всем возникающим при этом вопросам. Договор оказался достаточно общим, охватив лишь минимум вопросов. Многие оставались открытым и предполагало дальнейшее урегулирование»³.

Федеративный договор юридически закрепил реально существовавшую разнотипность субъектов Федерации. Их три: национально-государственные (суверенные республики в составе Российской Федерации), административно-территориальные (края, области, а также города Москва и Санкт-Петербург) и национально-территориальные (автономная область и автономные округа) образования. Все субъекты Федерации формально равноправны, имеют одни и те же права и полномочия, несут равные обязанности в социальной, экономической и культурной областях.

В то же время, исходя из сложившихся традиций, за республиками в составе Российской Федерации закреплен статус государства: они имеют свои конституции, принимают законы, в них избираются

законодательные органы (парламенты), верховные суды, а также, по усмотрению, президенты. Они имеют собственную национально-государственную символику.

С принятием Федеративного договора (договоров) Россия вступила в новый этап федеративных отношений. Ее федеративное устройство стало опираться на конституционно-договорную основу, что позволило наполнять его более конкретным содержанием.

Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. сохранила шесть категорий субъектов Федерации, унаследованных от советского периода: «Российская Федерация состоит из республик, краев и областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов — равноправных субъектов Российской Федерации»⁴. В настоящее время их 89 (21 республика, 6 краев, 49 областей, 2 города федерального значения, 1 автономная область и 10 автономных округов).

Еврейская автономная область потеряла свой особый характер, поскольку, по итогам переписи 1989 г., еврейское население составляло там лишь 4,15% населения, но в силу исторических причин сохранила за собой свое название⁵.

Что касается автономных округов, то они, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, являются равноправными по отношению к другим субъектами Федерации. Согласно пункту 1 статьи 5, они могут входить в состав края и области. Но следует отметить, что Конституция не определила формы отношений между автономным округом и краем или областью, в которые они входят. В Конституции делается ссылка на статус края, области и автономного округа и предусматривается возможность вмешательства на уровне федерального закона или одновременно федерального закона и договора между органами государственной власти автономного округа и, соответственно, органами государственной власти края или области⁶.

После принятия Конституции Российской Федерации 1993 г. Федеральным Собранием новые законы об автономных национальных округах не утверждались. Отношения между автономными округами, краями и областями, в которые они входят, оставались неопределенными⁷. Каждый субъект Российской Федерации, в соответствии с основами конституционного строя и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, определенными федеральным законом, имел право устанавливать систему своих органов власти. Любые особенности субъекта, в том числе и национальные, могли учитываться этими органами⁸.

Современная Россия является в своем роде уникальной федерацией, где в регионах действуют либо конституции ее субъектов, либо уставы, либо обычные законы, иногда явно противоречащие Конституции Российской Федерации. С точки зрения целесообразности, не стоит настаивать на изменении статуса отдельных суверенных субъектов. Надо учитывать, что большинство национальных республик приняли декларации о суверенитете, объявили себя суверенными, едиными, демократическими государствами в составе Российской Федерации (конституции республик Башкортостан, Дагестан, Тыва, Саха (Якутия), Ингушетия, Северная Осетия — Алания). Конституция Республики Карелия провозгласила экономический сувере-

нитет республики, что противоречит пунктам е, ж, з, и, о, р статьи 71 Конституции Российской Федерации⁹.

В республиканских конституциях имелись положения, допускающие изменение конституционного статуса республики, ее территории на основе референдума. Так, в Конституции Республики Бурятия такое решение считалось принятым, если за него проголосовало более половины граждан республики, в том числе более половины граждан бурятской национальности, принимавших участие в референдуме. Имелся и ряд других несоответствий между конституциями и правовыми актами Федерации и ее субъектов, которые, как полагали некоторые сторонники сильного Центра, создавали угрозу федеральной конституционной безопасности России и подрывали стабильность государства. В ряде конституций, например, Республики Тыва, имелось право на выход из состава Федерации. В конституциях Республик Бурятия, Дагестан, Карелия и Тыва, а также в уставах Иркутской, Амурской областей закреплялось право на изменение своего государственно-правового статуса на основе волеизъявления народа, хотя в федеральной Конституции право сецессии, то есть выхода из Федерации, отсутствует¹⁰.

Республика Татарстан своей Конституцией определила себя как субъект, ассоциированный с Российской Федерацией. В конституциях других субъектов устанавливалось, что их статус определяется, прежде всего, республиканской конституцией и лишь затем Конституцией Российской Федерации (республики Бурятия, Коми). А Устав Псковской области устанавливал порядок изменения своей границы с иностранным государством¹¹.

В отдельных субъектах Федерации закреплялось юридическое верховенство их конституций над Конституцией России (республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, Татарстан, Башкортостан, Тыва, Кабардино-Балкария). Аналогичные нормы содержались в уставах Ханты-Мансийского автономного округа и Иркутской области. В Конституции Республики Ингушетия констатировалось, что нормативно-правовые акты органов государственной власти и управления Российской Федерации правомерны на территории республики, если они не противоречат ее суверенным правам. Конституция Республики Дагестан в еще большей степени расширяла права республики в данной сфере: действие федеральных законов и других правовых актов Российской Федерации, противоречащих суверенным правам и интересам Республики Дагестан, могло быть приостановлено Республикой Дагестан на своей территории¹².

С формально-юридической точки зрения, согласно пункту 5 статьи 76 Конституции Российской Федерации, в случае противоречия между федеральным законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует федеральный закон. Но коллизионные споры оставались неразрешенными, поскольку, пока закон субъекта Федерации, противоречащий федеральному закону, не отменен, он многими воспринимается как просто спорный или даже как нормально действующий.

Подписание Федеративного договора и принятие Конституции Российской Федерации в условиях нарастания сепаратистских настроений в ряде регионов имело огромное значение для сохранения государственного единства России. К сожалению, не все субъекты Рос-

сийской Федерации поддержали Договор. Республики Татарстан и Чечня отказались его подписать и пошли на резкое ухудшение отношений с Центром. В частности, в Татарстане не была поддержана Конституция 1993 г., не проводились выборы в федеральный парламент. Итогом диалога между федеральным Центром и Республикой Татарстан стало подписание Договора «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан (15 февраля 1994 года). Договор был подписан под весьма сильным давлением федерального Центра, стремившегося в условиях обострения политической ситуации в стране, роста сепаратистских тенденций найти выход из сложившейся ситуации путем компромиссов с наиболее радикально настроенными лидерами республик¹³. Уступками политического характера со стороны федерального Центра следует считать подписанные им в 1994 г. договоры с Башкортостаном, Республикой Саха (Якутия) и некоторые другие.

К началу 1999 г. в Российской Федерации таких договоров было в общей сложности около пятидесяти, плюс сотни соглашений к ним¹⁴. Их анализ, с точки зрения конституционности, ставит целый ряд вопросов, касающихся как формы, так и содержания этих договоров. Практика показывает, что договоры по-разному определяют соотношение федерального закона и договора. Так, Договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Кабардино-Балкарской Республики» (подписан 1 июля 1994 г.) признает за республикой статус государства и поэтому приоритет отдается республиканскому законодательству и договору. В аналогичном договоре с Республикой Северная Осетия — Алания (подписан 23 марта 1994 г.) приоритетным является федеральное законодательство¹⁵.

Вместе с тем 8 положений Договора с Кабардино-Балкарской Республикой выходят за пределы федерального конституционного разграничения предметов ведения — перераспределение вопросов совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Так, в пункте х статьи 3 этого договора определено, что в число полномочий Кабардино-Балкарской Республики входит «ведение на территории республики чрезвычайного положения в соответствии с федеральным конституционным законом». Как отмечает В.Ф. Калина, договор подписывался в отсутствие федерального закона, поэтому подобная постановка вопроса ставит федеральные органы аргоги в положение, когда субъектами федерации диктуются условия государству в целом¹⁶. Указанный договор также переносит ряд предметов совместного ведения в компетенцию Кабардино-Балкарской республики. К их числу относятся установление системы органов государственной власти, защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности и правопорядка, осуществление мероприятий по обеспечению общественной безопасности. Некоторые предметы исключительного ведения Федерации, в соответствии с договором, отнесены к совместному ведению Российской Федерации. Это касается защиты государственной и территориальной целостности, налоговой, денежно-кредитной и ценовой политики.

Договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Северная Осетия — Алания» переносит 14 предметов совместного ведения в компетенцию республики ¹⁷.

Таким образом, к концу 1990-х гг. сохранялись факторы, ослаблявшие государственность и порождавшие межнациональную напряженность. Об этом свидетельствовали как сепаратистские, так и унитаристские тенденции, факты дискриминации и нарушений конституционных прав граждан по национальному признаку. Отсутствовали необходимые нормативно-правовые акты, призванные регулировать различные коллизионные стороны федеративных и национальных отношений. Все стороны понимали необходимость повышения авторитета федеральной власти и уровня исполнения федерального законодательства в регионах России, с одной стороны, и усиления ответственности федеральных органов власти за нарушение конституционно-правового статуса субъектов федерации — с другой.

С принятием Федерального закона от 24 июня 1999 г. «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов российской Федерации» была систематизирована и усовершенствована процедура договорного разграничения предметов ведения и полномочий. Согласно этому закону, новые договоры о разделении полномочий подлежали ратификации в парламенте, а существовавшие должны были быть приведены в соответствие с федеральным законодательством.

С вступлением в силу Федерального закона от 6 октября 1999 г. «О внесении изменений и положений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» он стал первичным инструментом правовой регламентации этой сферы отношений и значительное сузил поля договорного регулирования. Закон следует конституционным требованиям организации публичной власти в России, предполагающим неукоснительное соблюдение органами государственной власти и местного самоуправления ст. 71 Конституции Российской Федерации. Он устанавливает предметы исключительного ведения Российской Федерации, которые не могут быть переданы субъектам Российской Федерации или в сферу совместного ведения иначе, чем через внесение изменений в Конституцию страны ¹⁸.

Одним из важных шагов государственного строительства, укрепления федерализма, усиления вертикали власти стала административно-государственная реформа — создание системы федеральных округов и института полномочных представителей Президента Российской Федерации.

Организация подобного института в семи федеральных округах была учреждена Указом Президента России № 49 от 13 мая 2000 г. в целях «обеспечения реализации Президентом Российской Федерации своих конституционных полномочий, повышения эффективности деятельности федеральных органов государственной власти и совершенствования системы контроля за исполнением решений» ¹⁹.

Результаты договорной практики позволяют утверждать, что, если бы своевременно были приняты основы законодательства, разграничивающие полномочия и компетенцию федеральных органов власти и субъектов Российской Федерации в реализации совместных предметов ведения, отпала бы необходимость заключения договоров о разграничении полномочий (они были бы для всех субъектов Российской Федерации разграничены конституционно и законодательно). В настоящее время за договорным процессом осталось то, что нашло закрепление в Конституции Российской Федерации: передача осуществления части полномочий, уже установленных для соответствующего федерального органа исполнительной власти, во временное владение, пользование органа власти субъекта Российской Федерации; добровольная передача субъектом Российской Федерации предметов ведения из его исключительного ведения в совместное. Такого рода шаги могут быть обусловлены географической, экономической, национальной и прочей спецификой данного субъекта РФ.

Однако следует признать, что в ходе договорной «эпопеи» порой были подписаны не совсем продуманные соглашения, приведшие к неравенству в отношениях между субъектами Российской Федерации. Об этом говорит и тот факт, что к маю 2005 г. из 42 субъектов, имевших такие договоры, 28 их уже расторгли.

Как известно, в Конституции России (ст. 5, п. 4) отмечается равенство всех субъектов Российской Федерации в их взаимоотношениях с федеральным Центром. Но Конституция России также признает возможность взаимного делегирования полномочий на договорной основе, что ведет к превращению формального равенства субъектов Российской Федерации в фактическое их неравенство. То есть, имеют место противоречия в виде симметрии и асимметрии в развитии федеральных отношений. Формальное правовое равенство субъектов Российской Федерации сопряжено с различным по своей природе ресурсным потенциалом, бюджетно-финансовыми возможностями и задачами социально-экономического развития. Вариант асимметричности допускает существование нескольких типов субъектов Федерации с различным экономико-правовым статусом и особым, характерным для каждого отдельного региона, качественным и формальным уровнем взаимоотношений с Центром.

Таким образом, становление и развитие российского федерализма происходило при наличии определенных противоречий. Прежде всего — между стремлением народов к самоорганизации и объективными процессами интеграции российского общества. Именно с подписанием в марте 1992 г. Федеративного договора и его включением в Конституцию Российской Федерации удалось избежать центробежных тенденций.

Отмечая в целом позитивную роль формирования и развития вертикальных связей, необходимо отметить, что не административная централизация «по вертикали», а плотность и устойчивость экономических, социальных, культурных отношений, связывающих субъекты Федерации между собой, является наиболее надежной гарантией «неделимости» государства.

Важнейшей целью национальной политики России на современном этапе остается создание всем субъектам Федерации благоприят-

ных и гарантированных законом условий равноправного и свободного развития в составе многонационального государства. Строительство здания федерации должно основываться на тщательном научном анализе, изучении и обобщении существующих этнополитических проблем, дальнейшем развитии законодательной базы федерализма и совершенствовании практики развития федеративных отношений. Важным направлением остается поиск формулы полиэтнического согражданства, создание государственных и политических институтов, гарантирующих полноценное соразвитие этнических культур, социального организма, государства и личности. Необходимо выработать механизмы поддержания динамического баланса территориальных и национально-государственных принципов построения федеративного государства, личных и коллективных прав граждан и этнических сообществ. Все нации и этнические группы Российской Федерации являются коренными и государствообразующими народами. Констатация этого факта и должна стать основой упрочения федеративного государства, снижения напряженности в межэтнических отношениях, преодоления различного рода деструктивных «национальных идей», возникающих вследствие вялотекущих центробежных процессов.

Историческая особенность Российской Федерации как многонационального государства состоит в том, что за столетия совместного проживания народов свершились мощные процессы смешения наций. Произошла интенсивная взаимная миграция, в результате которой даже на территориях республик, получивших названия по имени своих титульных народов, исторически там проживавших, эти нации, как правило, давно не являются большинством. Только в 7 из 21 национальной республики коренные народы составляют на своих исторических территориях чуть менее или чуть более половины жителей. Поэтому принцип, провозглашенный в Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, согласно которому все народы являются государствообразующими, для России является единственно возможным и оптимальным.

Среди субъектов национальной политики равным среди равных должен выступать федеральный Центр, власть которого находится в пределах полномочий, переданных ему членами Федерации. Только такие ограничительные рамки способны предотвратить узурпацию Центром всей полноты полномочий в национальной политике, как это уже случалось ранее в советской истории федерализма. Элементы асимметрии в полномочиях субъектов Федерации при ее конституционно-договорном характере не противопоказаны демократически построенному федеративному государству, особенно в такой многонациональной стране, какой является Россия. Объем полномочий Центра должен определяться интересами всех входящих в Федерацию субъектов и по их совместному согласию. Должен быть закреплен не только минимум полномочий Центра, несоблюдение которых превращает Федерацию в конфедерацию, но и максимум, выход за пределы которого делает государство уже унитарным. Жизнеспособная Федерация призвана быть достаточно асимметричной и многовариантной, о чем свидетельствует опыт договорной системы и мировая практика федерализма.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Этнокультурные и этнополитические процессы на Северном Кавказе в период системной трансформации российского общества: особенности и основные тенденции» №16-01-00126.

1. СТОЛЯРОВ М.В. Россия в пути. Новая федерация и Западная Европа. Казань. 1998, с. 34.
2. БОЛТЕНКОВА Л.Ф. и др. Федеративный договор. Документы. Комментарии. М. 1994, с. 15.
3. СТОЛЯРОВ М.В. Ук. соч., с. 14.
4. Конституция Российской Федерации. М. 1993, с. 5.
5. Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи 1989 г. М. 1990, с. 44.
6. Конституция Российской Федерации, с. 23—24.
7. См.: Договор от 27 мая 1996 г. с Иркутской областью и Договор от 31 мая 1996 г. с Пермской областью.
8. Конституция Российской Федерации, ст. 77—78.
9. См.: Материалы парламентских слушаний «О практике разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации и перспективах российского федерализма». М. 1996, с. 5.
10. Там же, с. 7.
11. Там же, с. 12.
12. Там же, с. 14.
13. АЛЕКСЕЕВ С.В., КАЛАМАНОВ В.А., ЧЕРНЕНКО А.Г. Идеологические ориентиры России. М. 1999, с. 35.
14. ТОРОШЕНКО А.А. Конституционность договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации. В кн.: Федерализм в России. Казань. 2001, с. 96.
15. См.: Конституции, уставы и договоры субъектов РФ на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону. 1998, с. 255—260; МАРХГЕЙМ М.В. Конституционные основы Российского федерализма. Ростов-на-Дону. 2000, с. 24.
16. КАЛИНА В.Ф. Принципы федерализма на российской почве. — Социально-гуманитарные знания. 2000, № 1, с. 245.
17. См.: Конституции, уставы и договоры субъектов РФ на Северном Кавказе, с. 281—285.
18. АБДУЛАТИПОВ Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. М. 2000, с. 613—616.
19. ЕГО ЖЕ. Национальный вопрос и государственное устройство России. М. 2000, с. 640.

Заявления бывших красных партизан Юга России в 1920-х — 1930-х гг.

Аннотация. Подборка документов посвящена малоизученной в отечественной историографии проблеме адаптации бывших красных партизан Юга России в послевоенном обществе. Впервые введены в научный оборот документы из региональных архивов, которые представлены эго-документами (жалобами, заявлениями, просьбами) ветеранов гражданской войны, адресованными в Северо-Кавказскую комиссию по делам бывших красногвардейцев и красных партизан. Анализ этих документов дает возможность реконструировать основные тенденции социальной адаптации комбатантов, их умонастроения и повседневные проблемы.

Ключевые слова: комбатант, красный партизан, повседневные практики, мировоззрение, жизненные стратегии, недовольство, жалоба.

Abstract. The collection of documents is devoted to the problem of adaptation of the former red guerrillas of the South of Russia in post-war society which is little studied in domestic historiography. For the first time introduced into scientific circulation documents from regional archives, which are represented by ego-documents (complaints, statements, requests) from among veterans of the civil war and addressed to the North Caucasus Commission for the former red guards and red partisans. Analysis of these documents makes it possible to reconstruct the main trends of social adaptation of combatants, their mentality and everyday problems.

Key words: combatant, red guerrillas, everyday practices, Outlook, life strategies, discontent, complaint.

«Большое видится на расстоянии» — эти слова как нельзя лучше подходят к событиям 1917 г. и гражданской войны, которая охватила все регионы многонациональной России. Политические процессы начала XX в. стали той поворотной точкой, которая изменила траекторию хода истории не только России, но и всего мира.

Среди множества тем, которыми богата революционная проблематика, большой научный интерес вызывают вопросы участия населения в гражданской войне, особенно партизанское движение. Как в целом по событиям 1917 г., так и по истории партизанского движения имеется большое количество работ, хорошая источниковая база, созданная, в том числе, на основе воспоминаний участников событий.

Но как складывалась судьба солдат революции в условиях мирного времени, как проходила их адаптация, практически ничего не

известно. Специально проблемой бывших красных партизан стали заниматься лишь недавно.

Новый социальный слой в лице бывших красногвардейцев и красных партизан не всегда находил себя в нэповских реалиях. Их повседневная жизнь формировалась мучительно и противоречиво. Привыкшие воевать, они полагали, что заслуги обеспечат им восходящий карьерный рост и благополучие, а когда этого не произошло, многие растерялись. Еще большее недоумение и обиды вызывали репрессии и «чистки». Никто из фронтовиков не мог быть уверен в благополучном завершении проверок. В данной связи большой интерес представляет и такой нетрадиционный эго-источник как письма, жалобы, заявления бывших красных партизан, ищущих правду и заступничество в разных инстанциях. Письма-заявления ветеранов гражданской войны до сих пор не стали предметом исследования. Хотя отметим, что они дают отличный материал для анализа социального статуса фронтовика.

Цель публикации — на нетрадиционных архивных материалах (жалобах, заявления, просьбах), впервые вводимых в научный оборот, воссоздать картину жизни участников гражданской войны в послевоенных реалиях. Реконструкция событий послевоенного времени стала возможна, в том числе, благодаря эго-документам, позволяющим преодолеть негативную тенденцию к обезличиванию нашей истории, воссоздать мир человека той эпохи, выявить социально обусловленные параметры личности ¹.

Говоря об общей характеристике этого вида источников, следует отметить, что данный комплекс весьма сложен и состоит из разнообразных документов, различных по форме и содержанию ². Междисциплинарный анализ отложившегося эго-материала позволяет установить статусные признаки информатора: пол, возраст, культурный уровень, то есть произвести анализ социокультурных особенностей повседневной жизни автора, его внутреннего мира, мотивов написания писем ³.

Большая часть заявлений, жалоб и просьб составлена в произвольной форме от руки, реже — напечатана. Описывая свои проблемы, автор сопровождает просьбу напоминанием о собственных революционных заслугах, безосновательно забытых властью, за которую он сражался, теряя здоровье. В каждой жалобе наличествует эмоциональное отношение к тяжелой жизненной ситуации, в которой оказался бывший красный партизан. Это дает хороший материал для реконструкции социальной психологии комбатантов гражданской войны.

Публикуемая подборка документов выявлена в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО, ф. 912 — Начальник 18 кавалерийской дивизии Жлоба Дмитрий Петрович), Государственном архиве Ростовской области (ГА РО, фр. 2993 — Северо-Кавказская Краевая партизанская комиссия), Центральном государственном архиве РСО-Алания (фр. 44 — Комиссия по делам бывших красногвардейцев и бывших красных партизан Северной Осетии; фр. 60 — Комиссия по делам бывших красногвардейцев и красных партизан).

При комплектовании документов составитель придерживался основополагающих исторических принципов, что дало возможность

представить как продукт конкретно-исторической эпохи, так и реконструировать послевоенную повседневность через переживания, настроения участников гражданской войны.

Археографическая обработка осуществлена в соответствии с нормативными требованиями к изданию исторических документов: проведена валовая нумерация и присвоены индивидуальные редакционные заголовки. Редактирование документов не проводилось, что дало возможность точно передать присущие письму особенности. Орфографические ошибки устранены без оговорок.

Часть документов дается с некоторыми незначительными сокращениями — опущены малозначительные подробности. В текстах сохранены общепринятые сокращения и аббревиатура.

К каждому документу прилагается информация о месте хранения, подлинности, способе воспроизведения.

Публикацию подготовила **С.А. Хубулова**.

Примечания

Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект а/м 16-21-13001).

1. МОРОЗОВА О.М. Человек в условиях гражданской войны: антропология русского вооруженного конфликта. 1917—1920 гг. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Ростов-на-Дону. 2012; ЕЕ ЖЕ. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов гражданской войны. Ростов-на-Дону. 2010; СКОРИК А.П. О классификации и личностных характеристиках противоборствующих групп в гражданской войне на Верхнем Дону. В кн.: Великая Российская революция в судьбах народов Юга России. Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием), посвященной 100-летию революции 1917 года. 2017, с. 145—156; СКОРИК А.П., ТИКИДЖЬЯН Р.Г. Советское государство и казачество Юго-Востока России в 1920—1940-е годы XX века: актуальные проблемы историографии. В кн.: Историки, научные школы и исторические сообщества Юга Российской империи, СССР и постсоветского пространства сборник научных статей Международной научной конференции. 2012, с. 150—155; ГАГЛОЕВА Б.Б. Деятельность партизанских комиссий Южной Осетии в 1920—1930-е гг. В кн.: Разработка и решение актуальных научных проблем: вопросы теории и практики. Сб. научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Смоленск. 2017, с. 25—30.
2. СУРЖИКОВА Н.В. Россия 1917 года в эго-документах: к постановке проблемы. В кн.: Человек и общество в условиях войн и революций: материалы II Всероссийской научной конференции. Самара. 2015.
3. Об этом подробнее см.: КУТЫРЕВА Л.В. Жалобы как источник по истории крестьянства Урала (опыт контент-анализа). В кн.: Количественные методы в исследованиях по истории советского рабочего класса и крестьянства. Свердловск. 1991, с. 50—61; ЕЕ ЖЕ. Письмо-жалоба/просьба/оправдание как разновидность жанра «письма вождю» при Хрущёве и Брежневле. — Актуальные вопросы современной науки. 2010, № 14, с. 202—209; ДАРЕНСКАЯ И.В. «Письма вождю» в 1920—1930-е годы: особенности развития жанра. В кн.: Эпоха «Великого перелома» в истории культуры. Сб. научных статей. М. 2015, с. 376—383.

Хубулова Светлана Алексеевна — доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова». Владикавказ. E-mail: hubul@yandex.ru.

Khbulova Svetlana A. — doctor of historical sciences, professor of the North Ossetian State University named after Kosta Levanovich Khetagurov. Vladikavkaz. E-mail: hubul@yandex.ru.

№ 1. Заявление бывшего красного партизана С. Пеньшинова в Комиссию бывших красных партизан и красногвардейцев г. Владикавказ о предоставлении работы

21 февраля 1926 г.

г. Владикавказ

Еще при первоначальной подаче заявления и анкеты для взятия на учет как красного партизана, я просил Комиссию оказать мне материальную поддержку, а также в получении какой-либо канцелярской должности.

По последней должности я — начальник канцелярии, но уже три месяца нахожусь на учете на Бирже труда. Положение мое ужасное, не знаю, сколько еще продержусь. Жена тяжело заболела от голода.

Прошу еще раз Комиссию помочь с работой, по возможности выручить из беды.

Пеньшинов С.Л.

(подпись)

Рукопись. Подлинник. Автограф.
ЦГА РСО-А, фр. 60, оп. 1, д. 944, л. 1.

№ 2. Письмо бывшего красного партизана Ждана Председателю Северо-Кавказской краевой комиссии помощи бывшим красногвардейцам и красным партизанам о материальной помощи

10 января 1927 г.

г. Ростов-на-Дону

Дорогой Дмитрий Петрович!!!

Надеясь на Ваше великодушие, обращаюсь к Вам как к отцу родному и своему старому командиру. Конечно, я причиню Вам этим беспокойство, но положение, в котором я в настоящее время нахожусь, заставляет меня это сделать, так что прошу извинить меня и прочесть это письмо до конца, я буду краток.

Скажу просто без всяких прикрас — я сейчас голодаю и это, Дмитрий Петрович, тот старый партизан, которого Вы победоносно водили в бой на защиту прав трудящихся. Дорогой Дмитрий Петрович, Вы только один человек, который делал для меня добро. Вас я прошу помочь своему красному партизану ничего не имеющему, кроме 11 ран на теле.

Надеюсь, что советская власть, за которую я боролся, даст мне заработать хотя бы на кусок хлеба. И это сделает мой уважаемый командир тов. Жлоба

Уважающий Вас Ждан

(подпись)

Рукопись. Подлинник. Автограф.
ЦДНИРО, ф. 912, оп. 1, д. 4, л. 114.

№ 3. Жалоба бывших красных партизан г. Владикавказ на неправомерные действия местной Комиссии помощи бывшим красногвардейцам и красным партизанам

15 января 1927 г.

г. Владикавказ

тов. Жлоба! Привет из Владикавказ.

Приветствуем нашего Председателя Крайкома помощи красным партизанам тов. Жлобу. От бывших красных партизан города Владикавказ сообщаем Вам, тов. Жлоба, свои больные вопросы: 1. тов. Жлоба, по отъезде Вашего в город Ростов, мы ждали, чтоб нам поясни-

ли насчет Ваших циркуляров, но до сего времени мы ничего не видим и не слышим, а когда спрашиваем нашего председателя тов. Попова, где Ваши циркуляры, то нам отвечают: «А на што вам циркуляры, вам удостоверения дали, довольно этого». Этим нас и кормят.

Тов. Жлоба, Вы говорили, что все красные партизаны должны быть устроены на должности до 1 января 1927 года, но про нас, как красных партизан, забыли и думать, что мы есть на свете.

2. Затем, тов. Жлоба, Вы говорили нам, что должны по районным ККОВам (комитеты крестьянской общественной взаимопомощи. — С.Х.) вывешивать циркуляры, а их и до сих пор не видим, и нам говорят, на что они вам.

Тов. Жлоба, наверное, нас комиссия водит за нос, как водила девять месяцев, при сем припровождая Вам бумажку, каковых у нас здесь огромное количество. На нас здесь смотрят как на зверей, на лесных партизан; даже близко к заводу, к учреждению не подойти. Везде им подают такие резолюции.

3. Затем, тов. Жлоба, просят Вас Ваши дорогие товарищи, красные партизаны гор. Владикавказа, ответить на нашу жалобу по нашему адресу и мы будем давать вам сведения о работе нашей комиссии.

4. Затем, тов. Жлоба, просим Вас, чтобы выслали нам циркуляр красного партизана, какими мы правами и привилегиями должны пользоваться, а то на нас смотрят как на каких-то зверей.

5. Затем, тов. Жлоба, просим мы Вас убедительно выслать на наш адрес свой ответ, а не в комиссию, а то опять нам ничего не будет известно и спрячут под сукно, как циркуляры, которые Вы прислали нам ранее.

Партизаны Кончалъский и Бубнов

(подписи)

Рукопись. Подлинник. Автограф.
ЦДНИРО, ф. 912, оп. 1, д. 4, л. 125.

№ 4. Заявление отца бывшего красного партизана Пакула В.И. в Комиссию помощи красным партизанам об оказании помощи
30 марта 1927 г. *г. Владикавказ*

Прилагая при сем анкету (анкета не найдена. — С.Х.), заполненную на имя погибшего в гражданской войне сына моего Владимира Иосифовича Пакула — красного партизана, который действительно своими действиями и сочувствием Советской власти заслуживал это звание, прошу Комиссию по вспомоществованию пойти навстречу оставшимся родителям его, т.к. я отец его, имею от роду 61 год, нетрудоспособен по болезни глаз, и весьма продолжительное время нахожусь в крайне бедственном положении, а также при мне находится жена 42 года, сын 15 лет и дочь 8 лет, также все безработные.

В силу стечения упомянутых обстоятельств еще раз прошу комиссию войти в мое столь тяжелое положение и выделить мне, родителю погибшего красного партизана, какое-либо пособие, если оно законом положено, а также соответствующее удостоверение в том, что я действительно являюсь отцом погибшего в гражданской войне красного партизана с указанием преимуществ

Пакул И.Ф.

(подпись)

Рукопись. Подлинник. Автограф.
ЦГА РСФСР-А, ф. 44, оп. 1, д. 1706, л. 8.

№ 5. Жалоба бывшего красного партизана Панюшкина на притеснения начальства

1 сентября 1927 г.

г. Грозный

Товарищ Дмитрий Жлоба!!!

Я Вас прошу, как отца родного, я у Вас служил с 19 по 22 год, и уволился по болезни. Дорогой папаша, вспомните те дни, как мы бились и проливали кровь свою, а в данное время я поступил в городе Грозном в городскую пожарную охрану. Меня здесь, дорогой командир, мой начальник Фомин, ему от роду 23 года, преследует, а я старый партизан, и он меня обижает по-всякому. Я ходил жаловаться, где на меня не обращают внимание. Он, что ни слово то и говорит: «Ты не партизан, а также и ваши командиры дураки». Вот, дорогой папаша, я Вас папашей называю, обратите на это внимание, как на старого партизана. Неужели я этого заслужил, мне сильно обидно, дорогой товарищ.

Мне обидно до смерти моей. Прошу обратить внимание на мои жалобы к Вам, дорогой папа.

Панюшкин

(подпись)

Дорогой папа! Прости, что письмо доплатное

Машинопись. Подлинник. Автограф.

ЦДНИРО, ф. 912, оп. 1, д. 4, л. 366.

№ 6. Жалоба Г. Брага о незаконном исключении из списков красных партизан

1 февраля 1928 г.

г. Владикавказ

Дорогой тов. Жлоба!

Я, бывший красногвардеец гражданской войны, с 1917 г. воевал против белобандитов.

Участвовал в отряде железнодорожного батальона бойцом по разоружению офицерской сотни. Осенью 1918 г. участвовал в августовских боях, в 1919 г. защищал город от банд Шкуро, которым мы были вытеснены и отступали в г. Тифлис. В это время я был бойцом бронепоезда и в отсутствии командира взял на себя командование. В общем, все время активно защищал республику от врагов.

В настоящее время Комиссия исключила меня из рядов красногвардейцев в связи с тем, что я служил кузнецом в грузинской армии. Но мы же работали по поручению Краевого подпольного комитета РКП(б), дабы подготовить восстание и разложить армию. Работали не по своему желанию. А потому считаю незаслуженным мое исключение и прошу восстановить в рядах красногвардейцев.

Брага Г.Д.

(подпись)

Рукопись. Подлинник. Автограф.

ЦГА РСО-А, фр. 60, оп. 1, д. 786, л. 91.

№ 7. Заявление Д.Д. Такоева в Христиановский сельский совет о восстановлении в избирательных правах

19 декабря 1928 г.

с. Христиановское Северо-Осетинская АО

Лучше мне пулю в лоб или живым похоронить меня в холодную землю, чем нести на себе такой низкий и вместе с тем грязный по-

зор, как лишить меня гражданского права человека, по-моему, это не человек, а живой мертвец.

Я привожу Вам много примеров о своих революционных подвигах...

Я конокрадом и спекулянтом никогда не был и не буду, и такими грязными делами никогда не занимался. Активнейшее участие принимал во всех собраниях в пользу Советской Власти, помогая в лес доставкой провизии и т.д. — керменистам нашего села.

Удивляюсь прямо-таки, у меня невольно слезы градом льются, что жена у меня с природы батрачка, которая мне принесла трех детей: девочку и двух мальчишек, и ее лишили гражданского права. Она русская — Мария Лукьяновна, урожденная Д. Корева, не имеет ни отца, ни матери, брат ее — комиссар-партиец, был убит под Царицыным.

В 1918 году, когда убитый тов. Буачидзе (так в тексте. — С.Х.), был председателем Горской республики, а тов. Василий Кесаев — председателем Совнархоза, я добровольно первый подписал и отказался от лесопилки в пользу Советской Власти.

Власть поработала на бывшей моей лесопилке два года, а в 1922 году ее сдали мне в аренду, ибо таковая пришла в негодность..., вот я в голодном году на ремонт лесопилки истратил все свои ничтожные зерна кукурузы. С 1 декабря 1926 года по 1 июля 1929 года пилил для нужд Дигорского канала.

На основании всего вышеизложенного я очень и очень прошу обратить внимание на мою просьбу, как не бывшего арендатора или спекулянта, и восстановить меня с женою на прежних гражданских правах, причем пока меня не восстановите, я свой позор доведу до высшей власти до Москвы, в противном случае это пятно может остаться на моих детях, которые могут погибнуть.

А ведь Великий наш Вождь Ленин сказал так: дети есть наш фундамент, наша опора и наше богатство.

К сему подписуюсь

(подпись)

Рукопись. Подлинник. Автограф.

ЦГА РСО-А, фр. 42, оп. 2, д. 6, л. 113—114.

№ 8. Жалоба Санямяна Г.Ш. в Комиссию помощи бывшим красногвардейцам и бывшим красным партизанам на отказ признания его красным партизаном

27 августа 1930 г.

г. Таганрог

Прошу Председателя рассмотреть мою жалобу вторично. Почему мне отказано красным партизаном? Начиная с 1918 года и кончая 1921 г. моя жизнь находилась в смертельной опасности, весь 1918 год я находился в самообороне и был агентом-добровольцем при военно-революционном комитете в отделе снабжения Красной армии...

В 1920 г. по приходе Красной армии в гор. Баку я приступил добровольцем в Красную армию в санитарный отряд. Наш отряд был отправлен в город Гянджу, где произошли бои с деникинским офицерством и с местными бандами. Я не жалел свою жизнь для советской власти, шел в огонь как санитар, спасал раненых и больных крас-

ноармейцев. Эти тревожные моменты, когда был санитаром Красной армии и находился в боях, могут удостоверить (перечислены фамилии. — С.Х.).

Демобилизован был в 1921 году. Я каждую минуту ждал смерти, но я ее ничуть не боялся и не пожалел мою жизнь перед Октябрьской революцией.

Товарищи комиссия, насколько я себя считаю защитником Октябрьской революции, если найдете нужным, то прошу зачислить меня в число красных партизан.

Санямян Г.Ш.

Машинопись. Подлинник. Автограф.

ЦДНИРО, ф. 912, оп. 1, д. 6, л. 15.

№ 9. Письмо бывших красных партизан боевому командиру Д.П. Жлобе с просьбой о выдаче им документов

17 марта 1931 г.

г. Ростов

Многоуважаемый Дмитрий Петрович!

Мы, нижепоименованные бойцы Вашего партизанского отряда (Стальной дивизии), обращаемся к Вам с настоящим письмом, как к бывшему нашему и любимому командиру, с просьбой о выдаче нам справок как бойцам-революционерам, вставшим на защиту прав трудящихся в ряды рабоче-крестьянской Красной армии (гвардии).

Учитываем всю важность документов, каковые являются для нас как воспоминания, а также удостоверяющими нас, совершенных нами дел под Вашим руководством в деле освобождения трудящихся масс от гнета капитализма.

В настоящее время происходит переучет красных партизан, а из нас большинство не имеет документов как добровольцев, вступивших в ряды красных отрядов в 1918 году. С 1918 года по настоящее время многие утеряли их в период жарких боев, переправ через разные реки и т.д. Другие товарищи лишились документов в период борьбы с бандитизмом на Кубани.

Боясь волокиты в инстанционных комиссиях в деле получения книжек красных партизан, решили обратиться с просьбой к Вам помочь нам, выдав справки и ускорить получение книжек.

Все мы партизаны — как один колхозники, до сего времени крепкие духом и отвагой, всегда по первому зову нашей партии и соввласти готовы выступить на защиту нашего социалистического советского государства.

Многих из нас Вы помните и знаете в лицо, многие из нас были с Вами от начала до конца. Мы все, указанные в этом письме, знаем друг друга, ибо мы все были вместе, почему и решили уполномочить двух из нас (тт. Гончарова и Шевченко) с настоящим письмом послать к Вам, надеясь, что Вы, Дмитрий Петрович, не откажете нам в нашей просьбе.

С колхозным приветом уважающие Вас бойцы (подписи)

Рукопись. Подлинник. Автограф.

ЦДНИРО, ф. 912, оп. 1, д. 12, л. 140.

№ 10. Письмо красного партизана Ваньшова начальнику Плавстроя (Управление мелиорации Прикубанских и Приазовских плавней. — С.Х.) Д.П. Жлобе о помощи в восстановлении в рядах красных партизан

20 июля 1931 г.

г. Новороссийск

Долго разыскивал Вас путем спроса товарищей по фронту, но не мог добиться точного адреса, но наконец-то, просматривая журнал и прочитывая достижения Ваши в Плавстрое, я сам нашел Вас и Ваш точный адрес. И вот теперь решил побеспокоить своей просьбой, которую, надеюсь, Вы мне не откажете.

Дело вот в чем, тов. Жлоба. Первым долгом хочу напомнить о себе, кто я и почему Вы должны знать меня, для того, чтобы знать, кому и какую помощь следует оказывать.

Я — Ваньшов Григорий Матвеевич, бывший начальник хозяйственной части полка 4-го Таманского. В 1918 году зимой наш полк был переименован в полк им. тов. Жлобы в селении Улан-Эрге, когда мы со своими остатками войск отступали по направлению гор. Астрахани, а Вы в это время шли с Царицинского фронта и по пути у Ашкуля в селении Улан-Эрге взяли нас под свое командование и меня оставили в 1-м Вашего имени полку на должности начальника хозчасти, где я, правда, пробыл мало ввиду эпидемических заболеваний, благодаря чему и был отправлен в гор. Астрахань.

Но потом уже по ликвидации фронтов, мне с Вами же приходилось работать на Кубани по ликвидации контрреволюции, а затем уже быть на ответственных постах при ревкоме ст. Усть-Лабинской, затем в волисполкоме и райисполкоме, в последнее время — в гор. Анапе на должности секретаря народного суда, помимо этого занимал ряд ответственных работ в виде нагрузки, что удостоверяется имеющимися на руках документами.

В 1925 г., если Вы помните, когда Вы ехали в Ростов в СКВО, а я в то время был в Краснодаре по реабилитации себя по чистке соваппаратов — меня вычистили в то время благодаря личным взаимоотношениям.

И когда я Вам на станции Краснодар рассказал о случившемся, Вы сами оказали мне великую помощь в апеллировании вычистки меня из соваппаратов и членов Союза, благодаря чему я и продолжал оставаться на ответственных постах в совучреждениях, меня в то время в окончательном виде восстановили во всех правах.

Но в данное время со мной сделали хуже, мало того, с 1928 года повели опять-таки благодаря личным взаимоотношениям поход против меня, но даже сделали контрреволюционером, что меня и других товарищей по фронту и службе немало удивило, мне в данное время приписали ст. 58/10 УК и осудили заочно по линии ОГПУ на 3 года высылки в гор. Архангельск.

Этот срок меня несколько не страшит и не пугает, ибо меня как Вам известно, во время гражданской войны пугали белые офицеры, полковники, и благодаря нашему мужеству, храбрости и сознательности, они нас не напугали, мы все же водворили ВЛАСТЬ СОВЕТОВ И МИРНУЮ ЖИЗНЬ ПРОЛЕТАРИАТА (выделено автором. — С.Х.).

Вам известно, какие мы лишения и невзгоды переносили во время гражданской войны, и что нам стоило за наши завоевания, а я тем более был под селением Петровским за гор. Ставрополем ранен и перенес болезни еще во время перехода астраханских песков.

И несмотря на свою усталость, ранение, нервное состояние, я ни минуты не отдыхал, стал сейчас же работать в ревкоме, и теперь мне за это все как видите **ВЕЛИКОЕ СОВЕТСКОЕ СПАСИБО** (выделено автором. — С.Х.), выразившееся в высылке в течение 3-х лет в Северный край, а до **СПАСИБО** нечего сказать.

И вот просиживая в Новороссийском домзаке свой срок, я и тут не колеблясь в своей сознательности, продолжал работать не за страх, а за совесть, за что получил от администрации Домзака благодарность и отрез на брюки.

Я предугадываю, что Вы зададитесь вопросом, а почему я, если невиновен, то почему не обжалую, но должен сказать Вам, что моих жалоб в Москве, в Ростове и в прокуратуре, наверное, десятков пять.

И представьте себе, все, видимо, канули в воду. Я до сего времени остаюсь без ответа, благодаря чему продолжаю отбывать свой незаслуженный срок. Обращался с просьбой и к командующему войсками СКВО тов. Белову, это бывший мой командир полка, но ввиду того, что он выехал на высшие курсы, ответить без него никто не может, да и к тому же пакета никто не мог вскрыть, поскольку он именной.

Теперь обращаюсь к Вам, просил бы, если будете в Москве или в Ростове, если не сочтете за труд сказать за меня в п.п.ОГПУ и напомнить им мои жалобы, я хочу получить тот или иной результат на свои просьбы.

Не хочу думать, что в нашей действительности все жалобы и просьбы клались под сукно, ибо будучи сам в административном аппарате на ответственных должностях и получая ряд жалоб и просьб, в течение 3-х дней разбирал и давал результаты, а теперь ввиду того, что мною лично поданы около 50 жалоб, а ответа ни одного не получил, то полагаю, что это объясняется тем, что у руководителей центральной власти имеется в данное время более ответственная и серьезная работа, нежели рассмотрение всех поступающих жалоб и заявлений. Но между тем все же думаю, что жалобы мои дошли по прямому назначению, и скоро или поздно, а ответ я должен буду получить, и лишь тогда, когда мне срок кончится, но все же надежду питаю, хотя после концов срока.

Тов. Жлоба, мне не страшна моя отсидка в Домзаке, мне только обидно, что я сию неповинно виноватым, и что все мои завоевания пошли насмарку, весь мой членский стаж союзный полетел верх тор-машками.

А за что? За то, что я записался добровольно в Дальневосточную армию ввиду возникновения там событий, т.е. на КВЖД, и за то, что был добровольцем в 1918 году в годы гражданской войны, однако представители местной власти здорово смотрят за своими бывшими партизанами и красными командирами, гонят их всюду и всех в Северный край, ибо опасность миновала и миновала надобность в наших фронтовиках, хотелось бы с Вами поделиться вообще о многом.

Всего на бумаге не напишешь, а если опишешь, то только утомишь Ваше внимание, а поэтому решил ограничиться этим и просить Вас, чтобы мне оказали всевозможное от Вас и помогли мне в том, чтобы я был опять честным и преданным гражданином СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ и продолжал работать на пользу строительства в нашей молодой стране.

Все необходимые документы для того, чтобы помочь мне в реабилитации, находятся при мне и по Вашему первому приказанию могу срочно Вам в копии их выслать. Обо мне можете спросить наших командиров: Воронова, Батлукова, Белова и ряд других товарищей и сослуживцев 9-й армии. В просьбе моей прошу не отказать.

К сему Ваньшов.

(подпись)

Рукопись. Подлинник. Автограф.
ЦДНИРО, ф. 912, оп. 1, д. 9, л. 19.

№ 11. Жалоба уполномоченного бывших красных партизан с. Ногир Северо-Осетинской Автономной Области Сланова Шакро на волокиту окружной комиссии помощи бывшим красным партизанам
12 декабря 1931 г. *с. Ногир*

Граждане сел. Ногир в количестве 78 человек утверждены и занесены в список красных партизан Южно-Осетинским Бюро красных партизан от 5.09.1931 г. Этот же список в целом утвержден ЦИКом Юго-Осетии.

Утверждение списка в Южной Осетии произошло потому, что все те, которые вошли в список, участвовали в боях в Южной Осетии против грузинских меньшевиков. Список красных партизан был переслан с Юга в Северо-Осетинское Бюро красных партизан, последним был получен список 17.09.1931 г., который должен был выдать всем этим товарищам книжки, но до сих пор список маринуется в Бюро.

До сегодняшнего дня эти товарищи не могут добиться толку, определенного ответа им не дают. Обращаются в Облисполком, но там кроме волокиты ничего не добьются. Один направляет к другому, другой — к третьему, и в результате все же ничего не выходит. Одним словом, с 17.09.1931 г. не находим конца этому делу, потому вынуждены обратиться к Вам за помощью в надежде, что Вы положите конец этому безобразию — такой бесконечной волоките. Под конец мы требуем от Бюро красных партизан Северной Осетии сказать нам определенно — признает ли утвержденный список ЦИКом Юго-Осетии действительным или нет, тогда бы мы могли приняли другие меры и перестали обращаться к нему.

Мы надеемся, что комиссия красных партизан сделает соответствующее распоряжение по этому вопросу.

Уполномоченный 78 человек красных партизан
Сланов Шакро

(подпись)

Машинопись. Копия. Автограф.
ГА РО, фр. 2993, оп. 1, д. 242, л. 6.

№ 12. Жалоба В.С. Антипанова в Северо-Кавказскую краевую Комиссию о несоблюдении законности в ходе «чистки» бывших красных партизан 7 февраля 1932 г. *г. Орджоникидзе*

В начале 1918 г., когда лишь загоралась заря пролетарской революционного движения, я не щадя своей молодой жизни, пошел добровольцем в ряды организующихся тогда партизанских отрядов, где сознательно и упорно боролся за интересы трудовых масс, перенося на этом пути все невзгоды и лишения.

В этот период времени, а именно 1918—1922 гг., мои родители как имеющие сына в партизанских отрядах, подверглись гонению и притеснению со стороны белых, небольшое их имущество было конфисковано, и они остались с семейством в 5 душ без крова. После чего они не вынесли гонений и умерли и только лишь потому, что их сын находился в рядах партизанских отрядов.

Со смертью родителей остались братья малолетнего возраста в количестве 5 человек, из которых трое умерли, а двое пошли на воспитание в детский дом, а также и в настоящее время еще самостоятельно прожить не могут без постороннего покровительства. Взять же их к себе я не в состоянии был, т.к. с 1918 г. по 1922 г. находился в рядах армии, впоследствии демобилизовался из Особого отдела Северо-Кавказского Краевого ВЧК.

В Особом отделе работал по борьбе с бандитами, участвовал в схватке против банды Синельникова, при налете на ст. Старощербиновскую. И вот я подал в Окружную комиссию по чистке красных партизан Алагиро-Ардонского округа заявление, анкету и документы о прохождении чистки. Это было в 1931 году.

В феврале 1931 г. я был вызван Окружной комиссией, где перед аудиторией в 500 человек я сделал доклад о своих партизанских движениях и ряд копий документов подшил также к материалам.

И вопреки всей моей действительности ко мне настолько отнеслись скептически, что не приняли даже моих доказательств документальных, несмотря на то, что ряд выступающих говорили «за».

И в своем решении комиссия постановила не признать ни партизаном, ни красногвардейцем. Между тем характерно то обстоятельство, что о решении комиссии я узнал в декабре 1931 г., и то уже в областной комиссии.

Поэтому я вынужден реагировать на явно несправедливое решение окружной и областной комиссий о непризнании моих заслуг перед советской страной. А потому прошу комиссию по чистке затребовать всю мою переписку из Алагиро-Ардонской комиссии и пересмотреть ее решение.

Антипанов

(подпись)

Рукопись. Подлинник. Автограф.
ГА РО, фр. 2993, оп. 1, д. 242, л. 9.

№13. Письмо В. Доровольского бывшему командиру Д.П. Жлобе о бедственном своем положении 14 июня 1932 г. *г. Белая Глина*

Находясь в болезненном состоянии и чувствуя себя с каждым часом, минутой и днем хуже, ибо болезнь моя мешает мне продолжать жить, в дальнейшем мой путь жизни закончится.

Галлюцинации, тоска, отказ от пищи, припадки судорожно-эпилептического характера, склонность к самоубийству, также целому ряду других заболеваний, которые меня лишают в дальнейшем продолжить работать для принесения пользы рабочего класса. Прослужа в Красной армии, т.е. Красного Балтийского фронта 7 лет, добровольно, получил специальность машиниста, но, к сожалению, ни к чему. Теперь, т.е. в настоящее время, всеми заброшен. На меня никто не обращает внимания.

Теперь разрешите задать несколько вопросов. Куда мне идти, у кого просить на проезд материальной помощи. Если все говорят, что у нас нет средств. Но я отлично знаю, что Вы мне ответ дадите..., но я скажу, что Ваш ответ, дорогие товарищи, будет для меня неофициальным.

Лишь потому что я уже убедился на фактах и газетой нашей союзной прессы СССР. Можете теперь догадаться почему это случилось.

Я Вам могу описать в кратком шрифте свое социальное положение т.е. как я очутился в такой нищете. Я прошу Вас прочесть данный клочок бумаги, обратить на меня Ваше внимание, и сказать мне кто сколько из вас может. Для меня более будет существенно как братская солидарность, которая должна остаться у меня в мозгах. Я напоминаю себе собаку, которая лишилась ума. Я партизан, т.е. ветеран Красной армии, я имею полное право требовать все, что для меня нужно, и что для меня необходимо. Но мне не дают это сделать. Затыкают рот мокрой тряпкой. Чем больше прав, тем больше зла.

С коммунистическим приветом,
инвалид гражданской войны,
красный партизан
В. Доровольский

Машинопись. Подлинник. Без подписи.
ЦДНИРО, ф. 912, оп. 1, д. 12, л. 7.

Эсеры Среднего Поволжья в начале XX в.

А.В. Маньков, Е.К. Минеева

Аннотация. В период с конца 90-х гг. XIX в. по 1906 г. в Российской империи появились первые политические партии или структуры партийного типа. В основном это были организации леворадикального толка. Особенно бурно российская многопартийность формировалась накануне и в ходе революции 1905—1907 годов. К 1906 г. в стране было уже более 50 общероссийских партии. Одной из самых влиятельных в начале XX в. являлась партия социалистов-революционеров (эсеров). В 2017 г. исполнилось 115 лет со дня официального объявления об образовании этой партии. Новый уровень научного анализа, характерный для работ постсоветского периода отечественной истории, показывает, что идеи эсеров оказались очень популярны во многих слоях российского общества первой четверти прошлого столетия. К лету 1917 г. партия социалистов-революционеров (ПСР) стала самой многочисленной в России — в 436 эсеровских организациях насчитывалось около 1 млн человек. Не остались в стороне от общенациональных процессов и средневожские губернии, где уже в 1902—1904 гг. активно формировались эсеровские кружки, группы и комитеты, ставшие впоследствии основой для создания Поволжской областной партийной организации. В публикации анализируются особенности процесса создания организаций эсеров в губерниях Среднего Поволжья в первые годы XX века.

Ключевые слова: неонародники, партия социалистов-революционеров (эсеров), Среднее Поволжье, Поволжский областной комитет ПСР.

Abstract. In the period from the late 90s. XIX century to 1906 the first political parties or party-type structures appeared in Russia. Basically, these were left-radical organizations. Especially violently, the Russian multi-party system was formed the day before and during the revolution of 1905—1907. By 1906 there were already more than 50 all-Russian parties in the country. One of the most influential in the first years of the XX century was the party of Socialist-Revolutionaries (АКР). In 2017, 115 years have passed since the official announcement of the formation of this party. A new level of historical analysis, characteristic of the post-Soviet period of Russian history, shows that the ideas of the Social Revolutionaries were very popular in many sections of Russian society of the beginning of the last century. By 1917 the party became the most numerous in the country — in 436 Socialist organizations

---

Маньков Андрей Васильевич — старший преподаватель Военной академии связи им. С.М. Будённого. Санкт-Петербург. E-mail: 63donetsk@mail.ru; *Минеева Елена Константиновна* — доктор исторических наук, профессор Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Чебоксары. E-mail: mineevaek21@mail.ru.

Mankov Andrey V. — senior lecturer at the Military Academy of the Signal Corps named after S.M. Budenny. Saint-Petersburg. E-mail: 63donetsk@mail.ru; *Mineeva Elena K.* — doctor of historical sciences, professor at the Chuvash State University named after I.N. Ulyanov. Cheboksary. E-mail: mineevaek21@mail.ru.

---

there were about 1 million people. Did not stay aside from the nationwide processes and the middle Volga province, where already in 1902—1904 gg. The Socialist Revolutionary circles, groups and committees were actively created, which later became the basis for the creation of the Volga Regional Party Organization. The article analyzes the peculiarities of the process of creating Social Revolutionary organizations in the provinces of the Middle Volga region at the beginning of the 20th century.

Key words: neopopulists, party of socialists-revolutionaries (SRs), Middle Volga region, Volga Region Party organization.

Начало процессу генезиса эсеров было положено в конце XIX века ¹. Он осуществлялся на основе богатых традиций российского революционного движения и неонароднической идеологии. В последние годы увидело свет несколько крупных монографий по исследованию как проблемы создания партии, так и ее деятельности. Одна из них, в частности, посвящена истории Боевой организации партии (БО ПСР) и является предметом исследования Р.А. Городницкого ². Многие важные факты из истории центральных органов партии в начальный период их функционирования раскрывает в своих воспоминаниях идейный лидер эсеров В.М. Чернов ³. В различных регионах страны проводятся диссертационные исследования, результаты которых отражаются в ведущих научных изданиях. В одном из них, например, показаны особенности формирования партии эсеров, выявленные А.И. Ерёминым ⁴. В то же время воссоздание целостной картины истории эсеров невозможно без обращения к деятельности местных организаций партии. Этот сегмент исторического знания активно заполняется региональными авторами, в том числе поволжскими. Важнейшие сведения о провинциальных организациях ПСР содержатся, в частности, в трудах известного самарского ученого М.И. Леонова, которые получили общероссийскую известность ⁵. С политикой эсеров связаны исследования таких специалистов, как Д.С. Точёный и Н.Г. Точёная, В.И. Панова и Ф.Ш. Толочко, которые в прошедшие годы изучали специфику деятельности организаций ПСР в Среднем Поволжье ⁶. Авторы данной публикации также находятся в векторе изучения проблемы ⁷.

Один из инициаторов создания партии Чернов в своих мемуарах свидетельствовал, что «Поволжье всегда играло в жизни партии социалистов-революционеров основную роль» ⁸. Леонов подчеркивал, что на II партийный съезд этому району было выделено в полтора раза больше мест, чем следующему за ним Центральному региону ⁹. На эту же особенность указывал известный французский историк Н. Верт, который писал, что «позиции эсеров были особенно прочными в регионах Поволжья, где живы были еще воспоминания о Пугачёве» ¹⁰. В то же время, несмотря на проведенные исследования, многие важные детали деятельности партии эсеров в таком большом регионе, как Среднее Поволжье, до сих пор остаются вне поля зрения историков. Авторы публикации на примере наиболее крупных местных организаций социалистов-революционеров исследуют особенности генезиса и становления структур ПСР в Среднем Поволжье в 1902—1904 годах.

Важнейшим эсеровским центром до революции 1905 г. считалась неофициальная столица Поволжья — Саратов. В этом городе до 1902 г. располагалось главное ядро временного ЦК партии ¹¹. Еще народо-вольцы называли Саратов своей «Меккой» ¹². Леонов считал этот город «народнической столицей Поволжья» ¹³. Власти же относили Са-

ратов к числу «особенно неблагонадежных в политическом отношении городов империи»¹⁴. После разгрома «Народной воли», последовавшего после убийства Александра II, возрождение революционных народнических организаций также началось с Саратова. В 1896 г. в городе образовался «Союз социалистов-революционеров», часто именуемый в литературе «Северным союзом эсеров», во главе с А.А. Аргуновым. «Союзом» была разработана программа как основа для объединения партийных сил, сделавшая упор на политическую борьбу и террор¹⁵.

Решающий этап организационного строительства партии социалистов-революционеров (ПСР) происходил во второй половине 1901 — начале 1902 года. Крупнейшие города Поволжья в это время являлись объектом повышенного внимания руководителей эсеровского движения. Так, еще летом 1901 г. Г.А. Гершуни посетил Нижний Новгород, Самару, Саратов, всюду устанавливая партийные связи и исполняя ответственные поручения¹⁶.

Активность оппозиционеров возросла после создания единой партии. Весной 1903 г., объезжая целый ряд городов России с организационными целями, в Самаре находился Е.Ф. Азеф. Здесь он вместе с Гершуни разрабатывал окончательный план покушения на уфимского губернатора Богдановича¹⁷. В мае 1903 г. Гершуни снова посетил Саратов, где встречался со своими единомышленниками¹⁸.

Среднее Поволжье стало родиной многих видных деятелей партии, таких, как Чернов, Н.Д. Авксентьев, Е.Е. Лазарев, которые начинали здесь свою революционную деятельность. В разное время в регионе жили, учились и работали О.С. Минор, Н.И. Ракитников, И.И. Ракитникова, П.П. Крафт, М.И. Соколов, А.И. Альтовский, М.С. Арефьев, С.В. Балмашев, М.А. Веденяпин и другие известные представители эсеров.

Особо следует выделить М.А. Натансона, имевшего огромный авторитет «собирателя Земли», создавшего опорные пункты народничества в таких центрах Поволжья, как Самара и Нижний Новгород¹⁹. В Саратове им был основан народнический кружок, который еще в 1893 г. был реорганизован в социально-революционную партию «Народное право»²⁰.

Высокая боевитость в Среднем Поволжье оппозиционных групп и организаций, в том числе неонароднического направления, обусловила то, что в августе 1902 г. в Саратове, а также в Казани были учреждены розыскные отделения Главного Жандармского Управления, призванные значительно усилить политический сыск в регионе²¹. О партии социалистов-революционеров губернские власти Среднего Поволжья впервые были уведомлены летом 1902 года. Так, Департаментом полиции Министерства внутренних дел по особому отделу 20 июня 1902 г. во все губернии был выслан циркуляр за № 4185 с данными о революционной деятельности «... членов революционного общества, присвоившего себе наименование партии социалистов-революционеров» Гершуни, П.И. Василевского и Е.К. Брешко-Брешковской, где указывалось, что «... придавая первостепенное значение аресту названных лиц, Департамент полиции поручает... принять все находящиеся в распоряжении полиции меры к розыску указанных лиц»²². В документе также говорилось, что они посещали города Самару, Саратов и Казань.

Можно отметить, что царское правительство в начале XX в. в какой-то степени само способствовало распространению революционного движения по регионам России, так как лица, обвиняемые в антиправительственной деятельности, выселялись из крупных городов империи под надзор полиции в «провинцию». Так, жандармские документы Симбирской губернии сохранили, например, сведения о переводе в июле 1903 г. из Одесской в Симбирскую тюрьму мещанина Минской губернии Якова Абрамовича Михлина, который, согласно ст. 250 и 251 Уложения о наказаниях, привлекался в качестве обвиняемого по дознанию о «партии социалистов-революционеров» и об «Одесском Комитете Российской социал-демократической рабочей партии». Решение Главного тюремного управления было следующим: «... дальнейшее содержание названного лица под стражей не вызывается необходимостью, оставление же его на свободе в пределах Европейской России представляется нежелательным в интересах государственного порядка и спокойствия, поэтому он высылается в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции до завершения дознания»²³.

В настоящее время с большой долей уверенности можно предположить, что подобные лица, находясь в ссылке, не прекращали свою оппозиционную деятельность и способствовали развитию революционного движения в различных регионах России, в том числе и в губерниях Среднего Поволжья. Так, 26 июля 1905 г. в письме за № 6922 начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка г. Москвы сообщил начальнику Симбирского Губернского жандармского управления (ГЖУ) о том, что «... дочь врача Екатерина Ивановна Богоявленская 6 февраля 1905 г. была подвергнута обыску и аресту по принадлежности к Московской группе социалистов-революционеров, как избличенная в распространении среди рабочих районов нелегальной литературы». При обыске у нее было обнаружено письмо, в котором она обещала привезти программы для занятий в кружках социалистов-революционеров и указывала, что «изготовление бомб не помещает этим занятиям»²⁴. Решением Главного тюремного управления она высылалась в Симбирск под особый надзор полиции²⁵.

Процессы партийного строительства у эсеров на местах шли медленно и тяжело. Видный деятель партии С.Н. Слетов, совершивший поездку по России в 1902 г., не нашел никакой организации, похожей на партию, а обнаружил «просто группы работавших людей». Подобную же картину он наблюдал и в 1903—1904 годах²⁶. Вопрос о составе и численности партии в этот период является одним из самых слабо изученных в истории эсеров, на что указывали все ведущие исследователи деятельности партии²⁷. Леонов утверждает, что «выявить с достаточной точностью численность партии эсеров накануне 1905 г. не представляется возможным. Сами эсеры учета не вели, а сводки жандармских управлений, собранные в 1903—1904 гг., недостаточно репрезентативны»²⁸. Член ЦК партии Брешко-Брешковская в конце 1904 г. оценивала численность активных членов партии в «несколько сот молодых людей»²⁹.

Исключительную сложность выполнения подобного анализа отмечал известный российский историк Н.Д. Ерофеев. Трудность, по его мнению, заключается в том, что «нужные статистические данные

в готовом для обработки виде отсутствуют, более того, необходимо проделать кропотливую предварительную работу по выявлению, анализу и систематизации самих этих данных». Он предположил, «что из-за крайне низкого уровня организационного состояния партии и ее нелегального положения никакого учета партийных кадров в рассматриваемый период у эсеров не велось»³⁰. В связи с этим, в своей работе автор, в первую очередь, обратился к документам политического сыска Департамента полиции. Эта оценка во многом была справедлива и для Поволжья, где в 1902 г. начался процесс формирования местных организаций партии. Результаты исследования дали Ерофееву право утверждать, что на этапе, предшествовавшем первой русской революции, в Среднем Поволжье существовали 4 организации эсеров: Саратовская, Казанская, Самарская и Пензенская. Самой крупной из них была Саратовская, насчитывавшая 139 членов. Казанская, Самарская и Пензенская организации были намного меньше: в Самаре — 18 чел., в Казани — 23, в Пензе — 26 человек³¹.

По авторитетному мнению Леонова, опубликованный список групп не является полным. Круг источников, привлеченных к анализу, он считал ограниченным: не были привлечены материалы местных архивов, большинство партийных источников, мемуары, переписка, что значительно снизило ценность результатов исследования³². Тем более, что сам Ерофеев признавал невысокую подготовленность жандармских чинов, отмечая, что они «зачислили в эсеры всех причастных так или иначе к противоправительственной деятельности»³³. Действительно, «перед революцией жандармы не умело отделяли “зерно от плев”, либералов от революционеров, сочувствующих от профессионалов, эсеров от социал-демократов»³⁴. Раздвинуть представления о размещении эсеровских организаций в Среднем Поволжье в этот период позволяют результаты исследований Леонова. По мнению ученого, к началу революции в губернских городах Среднего Поволжья уже имелось три комитета ПСР (Самара, Пенза и Саратов) и две группы эсеров (Симбирск и Казань)³⁵.

Саратовская группа социалистов-революционеров была образована в 1902 году. В 1903 г. группа была создана в Камышине и уезде, а в 1904 г. — в Царицыне и Царицынском уезде³⁶. В начале 1902 г. Саратовский комитет фактически играл роль партийного центра, который приковывал к себе повышенное внимание властей. Так, 1 ноября 1902 г. саратовская организация (комитет ПСР) была разгромлена полицией³⁷. К началу революции численность восстановленной организации составляла 139 человек. Более многочисленными в этот период в стране были только Одесская, Киевская, Петербургская, Московская и Екатеринославская организации партии³⁸.

Самарская группа эсеров была создана в 1902 г., а в 1904 г. ее реорганизовали в комитет³⁹. Самарские эсеры работали, главным образом, среди учащейся молодежи, крестьян и отчасти на железной дороге, активно занимались издательской работой. Главными деятелями партии были выходцы из рядов мелкой буржуазии и интеллигенции. К числу наиболее активных членов организации можно отнести сыновей священника братьев Г.И. и С.И. Акрамовских, служащего земства М.И. Сумгина, в 1906 г. арестованного и сосланного в Восточную Сибирь за попытку организации «Крестьянского союза»,

журналиста Э.И. Павчинского и И.И. Девятова, расстрелянного в годы гражданской войны в Сибири Колчаком ⁴⁰.

До революции 1905 г. самарские эсеры вели спорадическую пропаганду среди рабочих и крестьян, а также среди учащихся. В рамках этой группы интенсивную агитацию предпринимала созданная эсерами «Организация самарской учащейся молодежи комитета партии социалистов-революционеров». С начала 1905 г. она гектографическим способом издавала свой печатный орган «Молодое слово». Причем, эта работа была намного эффективнее деятельности социал-демократов ⁴¹. В конце 1904 г. на обычном банкете в жигулевской пивной «Централке» в присутствии почти тысячи человек — представителей интеллигенции и рабочих — эсер Сумгин выступил с яркой речью, которую закончил призывом к немедленному свержению самодержавия ⁴². Перед революцией 1905 г. самарские эсеры тесно контактировали с местными социал-демократами. Между ними проходили постоянные споры на митингах, часто принимавшие характер весьма резкой полемики ⁴³. В целом же самарские социалисты-революционеры в данный период, по всей видимости, не оказывали заметного влияния на массовое движение.

Пензенская группа эсеров была организована в 1902, а Комитет — в 1903 году ⁴⁴. Местную партийную группу возглавлял Флориан Фёдорович Федорович, высланный в Пензу в административном порядке 27 марта 1902 г. из Петербурга за принадлежность к «Рабочей партии освобождения России». На своей даче и квартире он постоянно устраивал собрания, помогал укрываться нелегальным лицам. В том же году в Пензе была обнаружена первая тайная типография партии социалистов-революционеров. При обыске у Федоровича жандармы изъяли рукопись с проектом устава организации боевой дружины социалистов-революционеров в Пензенской губернии, а также лист с надписью «О программе Крестьянского союза и сходстве ее с программой партии социалистов-революционеров» ⁴⁵.

Казанская группа партии организовалась в 1903 году ⁴⁶. В 1904 г. студент Казанского университета Александр Сергеевич Поляков привлекался при Казанской Губернской Судебной палате к дознанию в качестве обвиняемого, избобличенного в принадлежности к казанской группе социалистов-революционеров как один из ее членов ⁴⁷. В 1905 г. группа была преобразована в комитет ⁴⁸. В его состав входили В.И. Кудрявцев, редактор крестьянской газеты Маслов, редактор «Волжского Вестника» Боголюбов, врач Орлов, а также Н.А. Иванова, проживавшая на Поповой горе в Казани, на квартире которой имелась лаборатория для производства бомб. При комитете работал татарский центр, который возглавлял Фуат Туктаров ⁴⁹. Кружок социалистов-революционеров существовал в так называемой инородческой семинарии и имел связи с учащимися духовной академии, студентами университета и ветеринарного института, а также с крестьянами.

Одним из наиболее дискуссионных остается вопрос о времени создания симбирской организации эсеров. Важным источником по истории революционного движения в Симбирской губернии являются воспоминания непосредственных участников событий тех лет. Несмотря на некоторую субъективность информации такого рода, свидетельства современников нельзя недооценивать при проведении серьезных исследований. Обратимся к некоторым из них.

В 1923 г. В. Алексеев вспоминал: «Девятисотый и последующие за ним годы являют собой картину медленного, но неуклонного роста революционных настроений и чаяний в массах рабочих и крестьян и главным образом оформление партийных, к слову, малочисленных, но твердо спаянных организаций кружкового глубоко подпольного типа». Автор справедливо указал на то, что в этих организациях было еще очень трудно отличить, в частности, народника от эсера⁵⁰. Исследователь отмечает усилие агитационной работы в массах в начале 1902—1903 гг., в то же время резонно замечая, что печатная продукция доставлялась в Симбирск из «более богатых революционными силами Самарской и Саратовской губерний». Работа заключалась, главным образом, в распространении разнообразной подпольной литературы, прокламаций, печатных и гектографических воззваний⁵¹. Об этом, в частности, могут свидетельствовать следующие события. 29 июля 1902 г. в Сызрани были арестованы студент Казанского университета Константин Александрович Соловьёв и его жена Ульяна. У Соловьёва, направлявшегося на пароходе из Сызрани в Казань, были обнаружены «преступные издания» социал-революционеров. Супружеская чета была «препровождена» в Симбирскую тюрьму⁵². Седьмого апреля 1903 г. начальник Симбирского ГЖУ доносил губернатору: «Вечером 1 апреля 1903 года на Большой Саратовской улице в г. Симбирске недалеко от духовной семинарии... сторожем семинарии... были подняты на тротуаре две печатные преступные прокламации под заглавием “50 лет русского «свободного слова»”, издания партии социалистов-революционеров»⁵³. Другой ветеран революционного движения в губернии В.В. Рябиков прямо указывал на то, что до 1903 г. «никаких оформленных организаций в Симбирске не было»⁵⁴. Создание эсеровской организации в городе он относил, видимо, либо к концу 1903, либо к началу 1904 года. Так, в 1925 г. автор прямо упоминал в своей статье о наличии в Симбирске эсеровской молодежи из числа студентов в 1904 году⁵⁵. Спустя пятьдесят лет после первой русской революции он же конкретно указал на то, что весь 1904 г. прошел у местных социал-демократов в острой борьбе против появившихся в Симбирске эсеров⁵⁶. Другое дело, что «появившиеся эсеры» возможно и не состояли в местной организации, которой могло и не быть, а, как утверждал Рябиков, «были студентами Казанского и других университетов» и в Симбирске находились лишь на каникулах, когда и занимались определенной революционной деятельностью»⁵⁷.

Немалое значение для данного исследования имеют и жандармские источники. Сборник «Красная летопись», изданный в Симбирске в 1923 г., прямо обращает внимание на один из них. В жандармском отчете за 1904 г. «О политическом положении губернии» указывалось: «Можно отметить сильное стремление социал-революционной партии, пользуясь настоящим тяжелым положением, переживаемым Россией, во что бы то ни стало проникнуть в крестьянскую и военную среду, так что случаи распространения преступных прокламаций в губернии были значительно больше прошлых лет, что особенно выразилось в гг. Симбирске и Сызрани»⁵⁸. Во время первой русской революции в жандармских отчетах уже более конкретно указывалась дата возникновения группы симбирских социалистов-революционеров — декабрь 1904 года⁵⁹. В то же время Леонов относил создание организации эсеров в

Симбирске только к 1905 году ⁶⁰. Того же мнения придерживается и ульяновский историк В.Н. Кузнецов, который считает, что эсеры губернии организовались именно в 1905 году ⁶¹. Ерофеев в своем исследовании, сделанном в конце 1980-х гг., не приводит никаких сведений о наличии организации социалистов-революционеров в Симбирской губернии накануне революции ⁶².

Проанализируем состав первых эсеровских организаций Среднего Поволжья. Так, среди средневожских эсеров, как и в целом по стране, было немало женщин. Большого интереса заслуживают, например, сведения ульяновского краеведа С.Б. Петрова, исследовавшего жизнь и деятельность Александры Александровны Знаменской, тещи известного литературного критика, публициста и литературоведа А.С. Глинки, родившегося в Симбирске и с 1901 г. находившегося здесь в ссылке. Биография Знаменской очень интересна, она тесно связана как с Симбирской, так и с Казанской губерниями. Петров пишет: «Большой интерес для историков Поволжья представляет корпус документов... Александры Александровны Знаменской... Прежде всего ее автобиография и 18 тетрадей-дневников». Петров писал следующее: «В 1903 г. А.А. Знаменская сблизилась с членами симбирского кружка социалистов-революционеров, даже не читая программы» ⁶³. В своей автобиографии, написанной в июле 1918 г., Знаменская также упомянула о своем знакомстве с членами симбирского кружка социал-революционеров еще в 1903 году ⁶⁴.

О революционной деятельности Знаменской свидетельствуют ульяновские историки Д.С. и Н.Г. Точёные. В своей работе они указали: «В 1902 г. в возрасте 42 лет А.А. Знаменская становится членом партии социалистов-революционеров, а уже через два года жандармское управление отмечало: “Эта особа в политическом отношении весьма неблагонадежна, круг ее знакомых составляют большей частью лица, скомпрометированные в политическом отношении. Квартира А.А. Знаменской служила явкой, где под предлогом чаепития члены эсеровской организации обсуждали политические вопросы, разрабатывали тактику борьбы”» ⁶⁵. Однако в информации историков и краеведов, касающейся Знаменской и, в особенности, ее членства в симбирской организации эсеров, все же больше вопросов и определенных неясностей, которые требуют изучения дополнительных источников. Так, например, необходима перепроверка информации о контактах Знаменской с членом ЦК ПСР Брешко-Брешковской, которой она, якобы, предоставила «убежище в своем доме» во время ее посещения осенью 1904 г. Поволжья ⁶⁶.

Кем были первые средневожские эсеры? Чтобы получить общее представление о региональных социалистах-революционерах необходимо обратиться к малоизученной симбирской организации ПСР. На наш взгляд, справедливо свидетельство Симбирского губернатора Л.В. Яшвиля, сделанное им в 1906 г., о том, что проводниками революционных идей в губернии были земцы как часть «третьего элемента» общества ⁶⁷. Эту же мысль спустя почти двадцать лет подтвердил Рябиков: «Проникнув в среду либеральных земцев, мы впервые наткнулись на зародившуюся ячейку эсеров...» ⁶⁸ Руководителем местной организации до революции, считают некоторые ульяновские исследователи, был учитель 9-го городского училища Тимофей Ни-

колаевич Николаев, «мордвин, в 1905 г. возглавивший “мордовскую республику”»⁶⁹. Однако, скорее всего, Тимофей Николаев был чувашом, а не мордвином. Николаев — это знаменитый чувашский революционер, уроженец Чебоксарского уезда Казанской губернии (партийная кличка «Хури»). В 1904 г. его уже не было в Симбирске. Николаев, закончив учебу в Симбирской духовной семинарии, переехал в Казань для получения высшего образования. Там «Хури» стал ярким сторонником террора, а позже лидером максималистского направления поволжских эсеров. Видимо, таких людей Чернов называл в своих воспоминаниях «бойцами террора»⁷⁰. В 1904 г. наиболее активными членами симбирской организации являлись уже другие люди: служившие в земской управе К.А. Родионов и Н.О. Рыжков, служащий Государственного банка В.А. Марковецкий, студент Симбирской духовной семинарии В. Перфирьев, фельдшер А.В. Плотникова, а также тесно связанные с Казанью С.И. Романов и бывший студент Казанского университета А.С. Поляков⁷¹.

Обособленно от Симбирска действовала Сызранская группа социалистов-революционеров, что отличало ее от других групп губернии. Организационно она была более близка к Самаре, чем к Симбирску, что обуславливалось, в первую очередь, особенностями социально-экономического развития этого города. Своеобразие экономики Сызрани заключалось в широком развитии торговли и слабом — промышленности. Социальный состав характеризовался наличием большой массы приказчиков, которые жестко эксплуатировались купцами. Круг рабочих был сравнительно незначительным. Поэтому на первый план здесь выдвинулись именно приказчики, а также учащиеся, что придавало революционному движению своеобразный характер. Рабочие выступления начались достаточно поздно и проходили лишь в форме демонстраций, массовок и разносторонних отдельных выступлений⁷². Одна из современниц тех событий вспоминала спустя 20 лет: «В Сызрани до 1904 г. никаких политических организаций не существовало. Первые политические организации в городе были положены социал-революционерами, в частности И. Молевым, исключенным из Пензенского земледельческого училища за политику. Вот он и некоторые другие учащиеся, возвратившиеся из-за границы, и образовали первый политический кружок, интеллигентский по своему составу. Надо сказать, что работали они довольно деятельно, привлекая на свои собрания много публики в квартире Молева»⁷³. Сызранские эсеры занимались «чтением и разбором программ различных партий», выпускали свою литературу и листовки, разбрасывая и расклеивая их по городу.

Автору этих строк вторил видный деятель симбирских эсеров, уроженец Сызрани Н.О. Рыжков. Он указывал, что «в начале 1904 года революционно настроенная молодежь группируется около Молева. Организуется довольно большой политический кружок»⁷⁴. В начале февраля 1904 г. кружок испытал на себе налет жандармов: несколько человек были подвергнуты репрессиям, но работа не останавливалась. Весной того же года, как свидетельствуют очевидцы, от кружка отделилась группа социал-демократов, а «эсерствующие» остались вокруг Молева. Организаций у эсеров практически не было, но с весны начались собрания и массовки на открытом воздухе, а затем прошла и первая маевка⁷⁵.

Группа социалистов-революционеров в Сызрани была образована, на наш взгляд, ранней весной 1904 года. Об этом свидетельствует следующий факт. 23 марта 1904 г. инспектор Сызранского реального училища заявил о находке воспроизведения баллады М. Горького «Разрушенный мол», не прошедшей через цензуру и имевшей явно революционное содержание. На титульном листе брошюры имелась надпись «Издание Сызранской партии социалистов-революционеров». На обороте титульного листа было написано: «Одобрено Сызранской партией социалистов-революционеров для чтения в классах и раздачи ученикам на дом»⁷⁶. Авторство Горького этого литературного произведения, кстати, было подвергнуто сомнению. Так, Чернов в своих воспоминаниях указывал, что «стихотворение в прозе “Разрушенный мол” написано Г. Гершуни»⁷⁷. В распространении брошюры в Сызрани обвинялся бывший ученик реального училища Владимир Шнееров. В январе 1904 г. он был исключен из института за участие в студенческих сходках и выслан из Томска. В то же время Леонов отмечает, что группа эсеров в Сызрани организационно оформилась не ранее 1905 г., не приводя ее численного состава⁷⁸. История сызранской организации до революции, несомненно, требует еще дополнительных исследований и поиска новых фактов.

В 1904 г. была предпринята первая попытка объединить поволжские организации социалистов-революционеров в единый союз. В этом году в Самаре прошел съезд эсеров Поволжья, одним из руководителей которого стал член ЦК партии с 1903 г. В.В. Леонович (псевдоним Ангарский), после окончания ссылки переехавший в Самару⁷⁹. В то же время большинство исследователей относят окончательное оформление Поволжского Областного комитета социалистов-революционеров лишь к весне 1905 года⁸⁰. В этот период инициативу консолидации всех эсеровских сил в регионе взяли на себя опытные и авторитетные саратовские члены ЦК: М.С. Арефьев, А.И. Альтовский, Н.И. и И.И. Ракитниковы. Областной съезд ПСР, который традиционно принято считать первым в регионе, прошел в феврале 1905 г. в Пензе. На нем был учрежден и избран Поволжский Областной комитет, призванный осуществлять координацию действий всех партийных сил региона⁸¹. В сферу ответственности ОК вошли и организации ряда губерний Среднего Поволжья — Саратовской, Самарской, Симбирской и Пензенской.

Региональное революционное сообщество неонародников и эсеров в 1902—1904 гг. выдвинуло из своих рядов крупных практиков партийной работы. Среди них был первый организатор пензенских эсеров Ф.Ф. Федорович, привлекавшийся в 1902 г. в Петербурге к дознанию по делу Рабочей партии политического освобождения России и Союза борьбы за освобождение рабочего класса⁸². Одним из первых руководителей Поволжского ОК («организатор») являлся другой известный пензенский эсер — А.Д. Добросмыслов (партийная кличка «Митрич») ⁸³. Будучи в 1899—1901 гг. студентом Московского университета, он обратил на себя внимание выдающегося русского историка В.О. Ключевского, с которым потом переписывался. Добросмыслов еще до революции прошел сибирскую ссылку и участвовал в вооруженном протесте ссыльных в Якутске (так называемая «Романовка»). Секретарем эсеровского крестьянского кружка в Мари-

инском земледельческом училище в Саратовской губернии был ставший знаменитым в годы революции будущий лидер эсеров-максималистов М.И. Соколов (партийные клички «Медведь» и «Каин») ⁸⁴. В 1905 г. Соколов станет одним из руководителей Декабрьского вооруженного восстания в Москве.

В Самаре начал свой путь в революцию видный эсеровский лидер М.А. Веденяпин (партийная кличка «Ташкентец»). Уроженец Саратовской губернии окончил курс в Самарском реальном училище и учился в Новоалександровском сельскохозяйственном институте ⁸⁵. Веденяпин по линии отца — внук декабриста Алексея Васильевича Веденяпина (1804—1847), который последние пять лет жизни провел в с. Царевщина Самарской губернии ⁸⁶. Накануне революции Веденяпин был членом Боевой организации эсеров, а осенью 1905 г. — эсеровским вождем «мятежной Самары». Арестованный в 1920 г. и осужденный Советской властью член правительства КОМУЧа Веденяпин умер в 1938 г. в Востлаге. Из сообщения начальника Саратовского ГЖУ в Симбирское управление от 1 декабря 1909 г. следует, что жена Веденяпина — самарская мещанка Софья Васильевна Хворостова — погибла в результате взрыва в казанской динамитной лаборатории ⁸⁷.

В 1902 г., будучи в Пензе, вступил в эсеровское движение известный в будущем русский писатель-прозаик и поэт А. Грин (Александр Гринеvский) (кличка «Долговязый»), автор знаменитого романа «Бегущая по волнам» и феерии «Алые паруса». В 1904—1905 гг. Грин станет активным членом Севастопольской организации эсеров и за свою экстремистскую деятельность будет осужден на 10 лет ссылки в Сибирь.

Таким образом, можно сделать вывод, что Поволжье с первых дней образования партии играло значительную роль в жизни эсеров. К началу 1905 г. в Среднем Поволжье были сформированы и действовали на местах организации эсеров, которые в некоторых губерниях уже приняли организационную форму комитетов. Первыми оформились социалисты-революционеры Саратова, Самары и Пензы. Средневолжские организации ПСР являлись одними из самых многочисленных в стране. Ведущую роль в эсеровском движении традиционно играли саратовские эсеры (шестая по численности организация в России). В то же время большие и работоспособные подразделения партии имелись также в Пензе и Казани. Определенная сложность существует в установлении относительно точных дат создания партийных структур ПСР накануне первой русской революции, которая подстегнула региональных эсеров к существенным изменениям тактики своей работы в новых условиях.

Примечания

1. ЛЕОНОВ М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. М. 1997, с. 26.
2. ГОРОДНИЦКИЙ Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901—1911 гг. М. 1998.
3. ЧЕРНОВ В.М. Перед бурей: Воспоминания. Мемуары. М. 2004.
4. ЕРЁМИН А.И. Так начиналась партия эсеров. — Вопросы истории. 1996, № 1, с. 144—146.

5. ЛЕОНОВ М.И. Ук. соч.; ЕГО ЖЕ. Эсеры в революции 1905—1907 гг. Самара. 1992.
6. Фея симбирского просвещения (А.А. Знаменская). В кн.: ТОЧЁНЫЙ Д.С., ТОЧЁНАЯ Н.Г. Исторические портреты, очерки, фельетоны. Ульяновск. 2001; ПАНОВА В.И., ТОЛОЧКО Ф.Ш. Жандармские документы о Симбирских социалистах-революционерах (период революции 1905—1907 гг.). — Симбирский вестник: Историко-краеведческий сборник. Вып. III. Ульяновск. 1996.
7. См., напр.: МИНЕЕВА Е.К., МАНЬКОВ А.В., ШАЙПАК Л.А. Жандармские документы о симбирских социалистах-революционерах (период революции 1905—1907 гг.) — Право и образование. 2015, № 7, с. 158—167.
8. ЧЕРНОВ В.М. Ук. соч., с. 284.
9. ЛЕОНОВ М.И. Эсеры и крестьянство Поволжья в революции 1905—1907 гг. В кн.: Классовая борьба в Поволжье в 1905—1907 гг.: Межвузовский сборник статей. Куйбышев. 1985, с. 51—52.
10. ВЕРТ Н. История Советского государства. 1900—1991. М. 2000, с. 27.
11. ЧЕРНОВ В.М. Ук. соч., с. 164.
12. ЛЕОНОВ М.И. Эсеры и крестьянство Поволжья в революции 1905—1907 гг., с. 52.
13. ЕГО ЖЕ. Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг., с. 171.
14. ОВЧЕНКО Ю.Ф. Полицейская реформа В.К. Плеве. — Вопросы истории. 1993, № 8, с. 153—157.
15. СПИРИДОВИЧ А. Записки жандарма: Репринтное воспроизведение издания 1930 года. М. 1991, с. 229—230.
16. ГОРОДНИЦКИЙ Р.А. Ук. соч., с. 36.
17. Там же, с. 69.
18. ЧЕРНОВ В.М. Ук. соч., с. 160.
19. Там же, с. 37.
20. ЕРЁМИН А.И. Ук. соч., с. 144—146.
21. ОВЧЕНКО Ю.Ф. Ук. соч., с. 153—157.
22. Государственный архив Ульяновской области (ГА УО), ф. 855, оп. 1, д. 200, л. 128—129.
23. Там же, л. 1215, л. 6.
24. Там же, д. 308, л. 164.
25. Там же, л. 164об.
26. ЛЕОНОВ М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг., с. 36—37.
27. ЕГО ЖЕ. Эсеры в революции 1905—1907 гг., с. 13.
28. Там же, с. 14.
29. Там же, с. 15.
30. ЕРОФЕЕВ Н.Д. К вопросу о численности и составе партии эсеров накануне первой российской революции. В кн.: Непролетарские партии России в трех революциях: Сб. статей. М. 1989, с. 122—123.
31. Там же, с. 126.
32. ЛЕОНОВ М.И. Эсеры в революции 1905—1907 гг., с. 15.
33. ЕРОФЕЕВ Н.Д. Ук. соч., с. 125.
34. ЛЕОНОВ М.И. Эсеры в революции 1905 — 1907 гг., с. 15.
35. ЕГО ЖЕ. Эсеры и крестьянство Поволжья в революции 1905—1907 гг., с. 52.
36. ЕГО ЖЕ. Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг., с. 442.
37. Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М. 1996, с. 31.
38. ЕРОФЕЕВ Н.Д. Ук. соч., с. 126.
39. ЛЕОНОВ М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг., с. 439.
40. БЛЮМЕНТАЛЬ И.И. Социал-демократия и революционное движение 1905 г. в Самарском крае. В кн.: 1905 год в Самарском крае. Материалы по истории РКП(б) и революционного движения. Самара. 1925, с. 17.
41. Там же, с. 71.
42. Там же, с. 25.
43. Там же, с. 18.
44. ЛЕОНОВ М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг., с. 434.
45. Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века, с. 655.
46. Там же, с. 420.
47. ГА УО, ф. 855, оп. 1, д. 994, л. 141.

48. Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века, с. 420.
49. ГА УО, ф. 855, оп. 1, д. 994, л. 130об.—131.
50. АЛЕКСЕЕВ В. Из пыли архивов. В кн.: Красная летопись. Сб. материалов по истории Симбирской организации РКП(б) и революционного движения в Симбирской губернии. Симбирск. 1923, с. 11.
51. Там же, с. 11.
52. ГА УО, ф. 855, оп. 1, д. 212, л. 1, 4.
53. Там же, ф. 76, оп. 6, д. 58, л. 85.
54. РЯБИКОВ В.В. Симбирские большевики. 1903—1906 гг. В кн.: 1905 год в Симбирске: Сб. по истории революционного движения в губернии в 1905—1906 годах. Ульяновск. 1925, с. 3.
55. Там же, с. 11.
56. РЯБИКОВ В.В. Пятьдесят лет назад. — Ульяновская правда. 1955. 22 января.
57. ФЁДОРОВ Г.Н. К истории революционного движения в Симбирской губернии в 1905—1907 гг. (Заметки краеведа). — Краеведческие записки. Вып. III. Ульяновск. 1971, с. 122.
58. АЛЕКСЕЕВ В. Ук. соч., с. 12.
59. ГА УО, ф. 855, оп. 1, д. 772, л. 98.
60. ЛЕОНОВ М.И. Эсеры в революции 1905—1907 гг., с. 118.
61. Историческое краеведение: Учебное пособие. Ульяновск. 2002, с. 128.
62. ЕРОФЕЕВ Н.Д. Ук. соч., с. 126—127.
63. СЕРГЕЕВ (ПЕТРОВ С.) Документы А. Знаменской. — Ульяновская правда. 1992. 1 августа.
64. ПЕТРОВ С.Б. Литератор А.С. Глинка (Волжский) и его личный фонд в РГАЛИ. — Симбирский вестник: Историко-краеведческий сборник. Вып. III. Ульяновск. 1996, с. 130.
65. Фея симбирского просвещения (А.А. Знаменская), с. 135.
66. ПЕТРОВ С.Б. Ук. соч., с. 130.
67. ПАНОВА В.И., ТОЛОЧКО Ф.Ш. Ук. соч., с. 116.
68. РЯБИКОВ В.В. Симбирские большевики. 1903—1906 гг., с. 14.
69. ПАНОВА В.И., ТОЛОЧКО Ф.Ш. Ук. соч., с. 117.
70. ЧЕРНОВ В.М. Ук. соч.
71. ПАНОВА В.И., ТОЛОЧКО Ф.Ш. Ук. соч., с. 116.
72. РЫЖКОВ Н.О. Сызранское подполье. В кн.: Материал по истории революционного движения г. Сызрани и Сызранского уезда до 1917 года. Сызрань. 1930, с. 56.
73. КРЫЛОВА Р. Воспоминания. Сызранская организация РСДРП в 1905 году. В кн.: 1905 год в Симбирске: Сб. по истории революционного движения в губернии в 1905—1906 гг. Симбирск. 1925, с. 96.
74. Там же, с. 17.
75. Там же.
76. Там же.
77. ЧЕРНОВ В.М. Ук. соч., с. 131.
78. ЛЕОНОВ М.И. Эсеры в революции 1905—1907 гг., с. 119.
79. Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века, с. 313.
80. ЛЕОНОВ М.И. Эсеры и крестьянство Поволжья в революции 1905—1907 гг., с. 52.
81. КУЗНЕЦОВ В.Н. Pro et contra: жандармы и революционеры в Поволжье в 1906—1917 гг. Ульяновск. 2007, с. 62.
82. Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века, с. 655.
83. ГА УО, ф. 855, оп. 1, д. 994, л. 24.
84. Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века, с. 563.
85. ГА УО, ф. 855, оп. 1, д. 260, л. 274.
86. См. о нем: Декабристы: Биографический справочник. М. 1988, с. 37; НОСКОВ А.И. Декабристы и их потомки в Самарской губернии. — Отечественные архивы. 2000, № 6, с. 63.
87. ГА УО, ф. 855, оп. 1, д. 905, л. 512об.

Аграрные отношения и земельный вопрос в Азербайджанской Демократической Республике (1918—1920 гг.)

К.Н. Исмаилов

Аннотация. В публикации анализируются ситуация в сельском хозяйстве и состоянии аграрного вопроса в Азербайджанской Демократической Республике. Кроме того освещаются позиции правительства, парламента и ведущих политических партий по вопросу осуществления земельных преобразований. Рассматриваются представленные в парламент проекты аграрной реформы. Отмечается, что нерешенность земельного вопроса оказывала негативное влияние на процесс национально-государственного строительства в Азербайджане.

Ключевые слова: Азербайджанская Демократическая Республика, аграрные отношения, земельный вопрос, аграрная реформа.

Abstract. In publication is stating analyzing position agriculture and agrarian reform at the period of first republic in Azerbaijan. Also were analyzed the parties in the government and in parliament on the issue of agrarian programs and policies, illuminated, land reforms. Were analyzed the various alternatives of the agrarian reforms, the impact of the land question in the process of building an independent state in Azerbaijan.

Key words: Azerbaijan Democratic Republic, agrarian relations, land issue, agrarian reforms.

Азербайджанская Демократическая Республика появилась в очень сложных политических и экономических условиях. Первая мировая война и последовавшие за ней революционные события в России, а также разрыв внутренних и внешних связей привели к полному упадку и разрушению экономики страны. Перед политическими силами Азербайджана наряду с укреплением государственной независимости, обеспечением территориальной целостности, созданием дееспособного государственного аппарата стояли и вопросы социально-экономического характера. В отличие от российских политических партий, аграрные программы которых были разработаны еще задолго до 1917 г., азербайджанским политическим силам приходилось вырабатывать стра-

Исмаилов Камран Новруз оглы — доктор философии по истории, старший научный сотрудник Института истории им. А.А. Бакиханова. Национальная Академия наук Азербайджана. Баку. E-mail: ismayilov-kamran@mail.ru.

Ismayilov Kamran N. — doctor of philosophy in history, senior researcher at the Institute of History named after A.A. Bakihanov. NAS of Azerbaijan. Baku. E-mail: ismayilov-kamran@mail.ru.

тегию и тактику по аграрному вопросу в условиях быстро менявшейся политической ситуации. В период существования Азербайджанской Демократической Республики (1918—1920 гг.) сельское хозяйство являлось второй по значимости, после нефтяной промышленности, отраслью экономики страны.

В этот период в аграрном секторе Азербайджана было занято 2,2 млн человек. Сохранение остатков феодально-патриархальных отношений, низкий уровень материально-технической базы замедляли темпы его развития. Преобладало казенное и помещичье землевладение. 29,6% земли находилось в собственности помещиков, на долю казны приходилось 68,6%. Крестьянству принадлежало лишь 1,8% всей сельскохозяйственной площади. В руках 195 ханов, беков и помещиков было сосредоточено около миллиона десятин земли ¹.

Сам господствующий помещичий класс не был однородным. Из 15 тыс. беков 72% имели в своем распоряжении до 25 десятин земли каждый, 16% — от 25 до 100 десятин, 8% — от 100 до 500 десятин, а 4% — свыше 500 десятин. В азербайджанской деревне усиливался и процесс формирования сельской буржуазии — кулаков, которых насчитывалось свыше 7300 человек ². Безземельные и малоземельные крестьяне были вынуждены арендовать землю у помещиков или идти в батраки. На их долю приходилась лишь четвертая часть получаемого урожая ³.

Подобное соотношение сил и в количественном и в качественном отношении постоянно менялось. Процесс социального расслоения в деревне втягивал в свой водоворот все слои крестьянства. Имело место сложное переплетение различных социальных и национальных противоречий, столкновение интересов различных социальных групп и укладов. Хотя развивалось противоречие между крестьянской беднотой и растущей сельской буржуазией — кулаками (колчомаками), однако определяющим был конфликт между помещичьим классом (беками и агаларами) и всем крестьянством. Именно он обусловил характер нарастающего крестьянского движения.

Первая мировая война, упадок промышленности, другие факторы негативно отразились на состоянии аграрного сектора. Общая площадь пахотных земель за 1913—1920 гг. уменьшилась с 961,9 тыс. га до 600 тыс., в том числе площадь зерновых культур — с 832 тыс. до 568,8 тыс., а площадь технических культур — с 109,5 тыс. до 10,8 тыс. га.

Накануне образования АДР в таких традиционных отраслях сельского хозяйства, как хлопководство, садоводство, виноградарство, шелководство наблюдался сильный спад. Значительно сократилось поголовье скота, большие разрушения были причинены оросительным системам. Была вырублена значительная часть лесов. Кризисное состояние продолжалось и в период существования независимой республики. Однако, несмотря на отставание, в сельском хозяйстве развивались рыночные отношения, сопровождавшиеся процессом дифференциации и расслоения населения. Большая часть производимого в стране хлопка, винограда, риса, кокона предназначалась для продажи. В помещичьих и кулацких землевладениях широко применялся наемный труд.

При характеристике распределения пригодной земли между различными слоями крестьянства в азербайджанской деревне, в различ-

ных отраслях сельского хозяйства и в разных уездах необходимо учитывать особенности, присущие земледелию в Азербайджане. Здесь при определении социальной структуры в сельском хозяйстве, наряду с размером земли, наличием инвентаря и рабочего скота, решающее значение имели вопросы воды и пастбищ. Земледелие в Азербайджане по преимуществу основывалось на орошении. Почти половину пашен, а в некоторых уездах даже больше половины, составляли поливные земли. Недостаток воды усиливал экономическую зависимость крестьян от помещиков и кулаков, а пастбища имели первостепенное, жизненное значение для животноводства. Почти все лучшие плодородные земли, леса, пастбища, источники воды, вся оросительная система находились во владении казны и помещиков. Большинство крестьян не имело в достаточном количестве ни сельскохозяйственного инвентаря, ни рабочего скота, ни воды для орошения земли.

Во всех уездах Азербайджана интенсивно развивалась арендная форма землепользования, в хозяйствах помещиков и кулаков широко применялся наемный труд. Арендная плата вносилась и деньгами, и натурой. В связи с обесценением денег и продовольственным кризисом в период АДР развивалась преимущественно последняя форма оплаты. Взнос за аренду земли натурой составлял одну четвертую, одну пятую, а в некоторых уездах даже половину урожая. Под тяжестью обременительных платежей, различных налогов и повинностей крестьяне вынуждены были покинуть свои наделы и пускаться на поиски работы. В целом, до установления советской власти в Азербайджане аграрные отношения носили полукрепостнический характер, а формы земельной собственности — феодальный.

Сущность решения аграрного вопроса состояла в обеспечении крестьян землей. Наличие этой проблемы являлась основной причиной расширения крестьянского движения, которое приобретало самые радикальные формы — качакство, вооруженное восстание, поджоги помещичьих и кулацких хозяйств, самовольные захваты земель и т.д.

После Февральской революции 1917 г. в Азербайджане борьба крестьян за землю приобрела еще более ожесточенный характер. Временное правительство, озабоченное ростом аграрного движения в Центральной России и на окраинах, ограничивалось обещанием разрешить земельный вопрос в Учредительном собрании. Орган Временного правительства — Особый Закавказский Комитет (ОЗАКОМ), точно проводя его политику, обещал удовлетворить нужды крестьянства за счет казенных и частновладельческих земель.

Непоследовательность и нерешительность Временного правительства в осуществлении аграрной реформы вынуждали крестьян прибегать к самым радикальным средствам. Весной и летом 1917 г. волна аграрного движения охватила все уезды Азербайджана.

Дальнейшее развитие политических процессов, революция в России, принятие большевиками Декрета о земле, создание Бакинского Совета и т.д., в свою очередь, еще более углубили социальные противоречия в азербайджанской деревне. С декабря 1917 г. начался новый этап аграрного движения в Азербайджане, который продлился вплоть до конца мая 1918 года. Крестьяне пытались вернуть себе те земли,

которые были отняты у них беками и царским правительством. Повсеместным явлением стали захваты лесов, зимних и летних пастбищ. Участились столкновения между владельцами земель и крестьянами-арендаторами. Крестьяне требовали резкого снижения арендной платы или же совершенно отказывались от ее уплаты. Мощный размах получило аграрное движение в Елизаветпольской губернии. Тысячи вооруженных крестьян разгромили имения наиболее богатых помещиков губернии: Зюльгадаровых, Шамхорских, Карабековых, Голицыных, Султановых, Везириных. Встревоженные таким развитием событий помещики требовали от региональных и местных властей принять решительные меры против крестьянского бунта ⁴.

7 марта 1918 г. при активном участии азербайджанских политических партий Закавказским Сеймом был принят революционный по своему содержанию аграрный закон, согласно которому, земли передавались в распоряжение земельных комитетов для дальнейшего их распределения среди крестьян. Создавались аграрные комиссии ⁵. Однако в Азербайджане земельные комитеты практически не были созданы, в уездах нарастали хаос и анархия, случаи захвата крестьянами помещичьих земель носили массовый характер.

После обретения республикой независимости 28 мая 1918 г. земельный вопрос по-прежнему оставался самым насущным и в то же время самым болезненным для азербайджанского крестьянства. Условия землевладения и землепользования с небольшими исключениями сохранялись такими же, как и в предыдущие годы.

Под влиянием большевистских популистских лозунгов в деревне продолжалась анархия, участились случаи самочинных захватов земель, разгромов помещичьих усадеб, отказов от выплаты налогов. Все это являлось серьезным дестабилизирующим фактором в государственном строительстве. Почти все политические силы страны заявляли о необходимости наделения крестьян землей. Решение аграрного вопроса не только могло улучшить социально-экономическое положение республики, но и привлечь на сторону нового государства огромную массу крестьянства, составлявшую более 76% населения.

В первом правительственном кабинете пост министра земледелия занимал социалист-гумметист (член партии «Гуммет») Акперага Шейхульисламов, что предполагало осуществление в будущем аграрной реформы на социал-демократических принципах. Однако вскоре после переезда правительства из Тифлиса в Гянджу, 16 июня, разразился политический кризис, приведший к роспуску Национального Совета и образованию второго правительства во главе с Фатали ханом Хойским. В новом кабинете Министерство земледелия возглавил Хосров бек Султанов, сторонник умеренного курса в аграрном вопросе. Являясь противником «социалистических экспериментов», он хотя и выступал за обеспечение крестьян землей, однако, по его мнению, это должно было осуществляться не за счет помещиков, а за счет государства. Защищая права крупных землевладельцев, министр отмечал: «... проявляя заботу о крестьянах, мы в то же время не намерены обанкротить и обездолжить дворян» ⁶.

Первым актом Азербайджанского правительства в аграрном вопросе стало постановление об отмене закона Закавказского Сейма о земельной реформе. Согласно постановлению, приведение в испол-

нение закона приостанавливалось до созыва Учредительного собрания Азербайджана. Предписывалось устранить захваты частновладельческих и казенных земель. Министру земледелия поручалось приступить к сбору необходимых материалов по земельному вопросу для внесения в Учредительное собрание ⁷. Наряду с отменой аграрного закона был также отменен и декрет Бакинского Совета Народных Комиссаров о земле. Правительство восстановило отбывание повинностей в пользу землевладельцев, в том числе отмененного еще в 1912 г. малджахата, поддержало предъявлявшиеся крестьянам иски за убытки, нанесенные во время аграрного движения в конце 1917 — начале 1918 года. Так, в селе Гиндарх Джаванширского уезда управляющий одного из видных помещиков Карабаха, совместно с местным приставом, распродав все, что было у крестьян, для покрытия убытков своего хозяина. С каждого дыма, а их было в селе 150, взыскали по 2—3 тыс. руб. в пользу помещика ⁸.

В то же время правительство, учитывая рост крестьянского движения в стране, приняло постановление о передаче всех пустовавших казенных земель, а также поместий крупных землевладельцев в распоряжение Государственного Земельного фонда для возмездного пользования нуждавшегося населения. Что касается крупных землевладельческих земель, то они могли отчуждаться только за выкуп, при этом все расходы возлагались на имущие классы. Таким образом, правительство выступало за эволюционный путь осуществления земельной реформы, «без нанесения ущерба экономическому потенциалу страны» ⁹.

Однако сложность и противоречивость стремительно разворачивавшихся политических событий, незавершенность формирования государственных структур власти и, главное, отсутствие у правительства конкретной программы действий по аграрному вопросу привели к тому, что вплоть до конца 1918 г. конкретных шагов в этом направлении предпринято не было.

Новый этап в решении земельной проблемы в стране начался с открытием 7 декабря 1918 г. парламента Азербайджана. Именно с этого времени вопрос о земле стал одним из основных объектов внимания не только правительства, но также парламента и представленных в нем политических партий.

В азербайджанском парламенте были представлены 10 фракций и групп: «Мусават», «Иттихад», «Эхрар», «Социалистический блок», «Гуммет», «Беспартийные», «Славяно-русское общество», «Национальные меньшинства», «Армянская фракция», «Дашнакцутюн». На первых же заседаниях высшего законодательного органа республики все фракции и группы в декларациях и заявлениях определили свою позицию и программу будущей деятельности. Для рассмотрения аграрного вопроса в составе парламента была образована соответствующая комиссия, куда вошли представители всех партий. Комиссию возглавил один из видных деятелей социалистического движения в Азербайджане Самедага Агамальюглы. Однако политическая неоднородность комиссии с самого начала обрекла ее деятельность на неудачу, так как между партиями, представленными в парламенте, существовали непримиримые противоречия по аграрному вопросу.

Наиболее жаркие споры вызывал вопрос о конфискации или ликвидации помещичьих, владельческих и других земель. Представляв-

шая правое крыло фракция «Иттихад» и часть фракции «Беспартийных» поддерживали идею выкупа частновладельческих земель. Для этого они предлагали создание особого земельного фонда.

Левые силы были представлены в парламенте партией «Гуммет» и мусульманскими социалистами (правыми эсерами), объединившимися в единую фракцию социалистов. Фракция выступала за конфискацию помещичьих, частновладельческих земель и безвозмездную передачу их крестьянам. Для этого предлагалось немедленно приступить к исполнению аграрного закона Сейма.

Даже в рядах самой крупной политической силы — партии «Мусават» не было единодушия по вопросу об основных принципах осуществления земельной реформы. Левые мусаватисты в этом вопросе выступали с позиции, близкой социал-демократической¹⁰. В целом партия, считая земельный вопрос прерогативой Учредительного собрания, которое предусматривалось сформировать на основе всеобщих выборов, поддерживала идею конфискации помещичьих, частновладельческих и казенных земель и безвозмездной передачи ее крестьянам с условием, что лицам, вложившим в землю известный капитал и труд, будет выдано взамен отчужденных земель вознаграждение из особого фонда, образуемого из сумм прогрессивного налога с имущего класса¹¹.

После образования парламента формирование нового, третьего по счету правительства вновь было поручено Ф.Х. Хойскому. Премьер, говоря в парламенте об основных направлениях деятельности, поддержал идею безвозмездной передачи земли в руки крестьян. При этом он повторил известную позицию всех предыдущих правительств и партии «Мусават»: «разрешение такой сложной проблемы не может совершиться в один день. Надо подготовить необходимый материал и статистические данные по этому вопросу, чтобы будущее учредительное собрание санкционировало бы окончательное разрешение его в желательном для большинства народа смысле»¹². Министерство земледелия вновь возглавил Х.Б. Султанов.

Однако уже весной 1919 г. в стране разразился политический кризис, закончившийся развалом правительственной коалиции Ф.Х. Хойского. Формирование четвертого по счету кабинета было возложено на видного мусаватиста Насиб бека Усуббекова. На заседании парламента 14 апреля 1919 г. новый премьер-министр огласил декларацию правительства, в которой были сформулированы и приоритеты его деятельности в сфере экономики. Отметив, что стремление дать рабочему свободный труд, а крестьянину — землю является лозунгом правительства, Усуббеков связал коренное разрешение земельного вопроса с созывом Учредительного собрания. На долю же нынешнего правительства, по его мнению, выпала задача собрать и подготовить все материалы по земельному вопросу, способствуя более легкому и безболезненному его разрешению¹³. Тем самым премьер подтвердил приверженность линии своего предшественника. На должность министра земледелия был назначен один из лидеров партии «Эхрар» Аслан бек Кардашев. Эта партия, являясь союзницей «Мусавата» в аграрном вопросе, выступала за отчуждение всех крупных земельных владений и распределение их среди крестьян пропорционально числу душ с тем, чтобы крестьяне не имели права перепродавать эти наде-

лы. Что касается вопроса о выкупе отчужденных земель частных собственников, то «Эхрар», как и «Мусават», считал этот вопрос прерогативой Учредительного собрания¹⁴. Однако оппозиция в лице социалистов была категорически против откладывания вопроса до созыва Учредительного собрания. Лидер социалистов С. Агамалыоглы обвинил правительство в преднамеренном затягивании аграрной реформы и предупредил об опасности стихийных выступлений. По его мнению, с произволом в деревне можно было покончить лишь тогда, когда там восторжествует социализм и социалистические имущественные отношения¹⁵.

Впервые вопрос о земельной реформе был внесен на обсуждение аграрной комиссии парламента 23 апреля 1919 года. Комиссия, не имея альтернативных проектов аграрного закона, решила ограничиться одобрением закона, принятого еще Закавказским Сеймом, но отвергнутым в свое время первым правительством Азербайджана. Однако основной пункт законопроекта — вопрос о конфискации или выкупе земли — вызвал острые дискуссии и разногласия среди членов комиссии. Правые депутаты, поддержав принцип выкупа частновладельческих земель, заявили, что конфискация может вызвать сопротивление землевладельцев и развал всего аграрного сектора. Несмотря на поддержку представителями других фракций («Иттихад», «Беспартийные», «Эхрар») позиции «Мусават», голосование окончилось в пользу социалистов¹⁶. Именно эта часть земельного вопроса в дальнейшем стала основным камнем преткновения среди партий. К лету 1919 г. аграрная комиссия завершила работу над земельным законопроектом, который, в сущности, повторял основные положения аграрного закона, принятого Сеймом. Это подтверждало усиливавшееся влияние социалистов на принятие земельного законодательства, в чем немалую роль сыграло то, что председателем комиссии являлся Агамалыоглы. Согласно законопроекту, все земли на территории республики объявлялись собственностью государства, все излишки земли, имеющиеся у помещиков, конфисковались в пользу земельных комитетов, которым предоставлялось право наделения землей малоземельных и безземельных крестьян из общегосударственного фонда на правах аренды. Законопроект определял также нормы земли, оставляемой прежним владельцам для личного пользования. Основным владельцам оставлялась в пользование часть их прежних владений по определенным нормам в размере от 25 до 75 десятин¹⁷.

В Министерстве земледелия также шла активная разработка альтернативной программы аграрных реформ. С этой целью при министерстве была образована особая комиссия, которая приступила к ревизии всего земельного фонда страны и сбору необходимых статистических данных¹⁸. В июле 1919 г. в структуре министерства был создан отдел аграрных реформ. В течение месяца им были подготовлены и представлены на рассмотрение министерства два законопроекта — «О земельном обеспечении населения Азербайджанской Республики» и «О превращении частновладельческих лесов в собственность государства». Первый проект предусматривал передачу земли в частную собственность крестьян только по потребительской норме. Тем самым министерство доказывало, что оно выступает против отчуждения частновладельческих земель без выкупа. Однако судьба и

этих законопроектов повторила судьбу предыдущих. Они даже не были представлены для обсуждения в парламент.

Медлительность с проведением земельной реформы привела к тому, что начиная уже с лета 1919 г. в стране вновь стало расширяться крестьянское движение, приобретавшее все более массовый характер.

Крестьянское движение в эти годы проявлялось в разнообразных формах, начиная от сопротивления и массового отказа от внесения налогов и отбывания воинской повинности, до организованного вооруженного восстания. Правительство особенно беспокоило нежелание крестьян платить различные налоги, число которых увеличилось даже по сравнению с царским периодом. Гянджинский губернатор в своем циркулярном письме уездным начальникам 29 марта 1919 г. писал, что следует обратить внимание на задержку поступления различных налогов, земских сборов и т.д. Он предлагал уездным начальникам разъяснить приставам всю серьезность и неотложность дела взыскания налогов и принять самые энергичные меры к немедленной ликвидации всех недоимок.

На страницах газет того времени можно встретить многочисленные факты и материалы, свидетельствующие о тяжелом положении сельского населения в уездах, о бесчинствах местной администрации. Крестьяне Джавадского уезда, например, писали: «Наш рабочий скот в пользовании уездного начальника и полицейских чиновников. Мы и сами вынуждены безвозмездно работать на них... Наш начальник, окружив себя богачами уезда, занимается не управлением уезда, а торговлей и всегда держит сторону имущих; если же кто из нас жалуется, грозят отдать в солдаты. Кому же нам жаловаться?»¹⁹

Крестьяне стали систематически обращаться с жалобами на беков, помещиков, местных чиновников в правительственные органы, в парламент. Так, в жалобе крестьян селений Халадж, Чеманлы и Каракювендикли Джавадского уезда в парламент говорилось о бесчинствах помещика Сары хана Ширванского, сколотившего со своими братьями шайку, которая организовывала нападения на сельчан, угоняла их скот, совершала убийства. Местные судебные органы по подсказке Сары хана сажали в тюрьму крестьян и освобождали их только тогда, когда Сары хан получал от них большой выкуп в виде денег, лошадей и т.п. Только с крестьян четырех селений ими было собрано до 400 тыс. руб. и отобрано 535 голов крупного скота и баранов, а также конфискованы разные продукты²⁰. Полиция также во многих случаях поддерживала землевладельцев.

В своем обращении на имя председателя правительства жители 4-го участка Нухинского уезда Гянджинской губернии отмечали: «... как только воцарилось азербайджанское правительство и наступили времена “свободы и равенства”, с того времени мы обрадовались создавшемуся для нас, мусульман, положению и думали, что мы раз и навсегда освободились от гнета. Однако, мы ошиблись в своем убеждении... Все должности в районе заняты и представлены помещикам; начиная от должности пристава, до должности последнего ключника в тюрьме занимают помещики, которые во всех случаях поддерживают друг друга и оказывают помощь один другому. Взятничество, насилия, поборы являются обычными предметами. Помещики не стесняются своим положением, так как стоят

вдали от центрального правительства. Все мы не знаем куда деваться и что предпринимать»²¹.

В прошении жителей селения Нидж Нухинского уезда, посланном в парламент Азербайджана, говорилось, что крестьяне вынуждены продавать имущество, чтобы кормить свои семейства: «В 1918 году в июне месяце прибыла турецкая армия, которая пять месяцев находилась у нас, и мы в течение пяти месяцев с трудом доставляли турецким войскам все съестные припасы. С доставлением съестных припасов общество наше разорилось и теперь голодает... Сверх этого разорения по требованию правительства взысканы с нас налоги государственного обложения, подать за 1918 год, сверх этого взыскания у нас “ушур” опять за 1918 год»²².

Однако основным мотивом крестьянских выступлений по-прежнему была земля. Крестьяне настойчиво требовали от правительства скорейшего разрешения земельного вопроса. В различных уездах они в массовом порядке стали самовольно захватывать земли беков и помещиков. Выступления крестьян расширялись, превращаясь во многих местах в открытые вооруженные восстания. Надеясь силой удерживать стихийные выступления, правительство под предлогом «водворения порядка», неоднократно посылало в селения войска. Этот факт вынужден был признать даже военный министр генерал С. Мехмандаров. В письме, адресованном председателю правительства, он писал: «Не было месяца, чтобы один-два-три раза войска не вызывались для содействия гражданским властям якобы для усмирения крестьян восставших селений. Из донесения начальников гарнизонов, воинских начальников и личных расспросов крестьян я убедился, что всему виной администрация, которая своими непомерными поборами, насилием и произволом доводила население до отчаяния и тем вызывала восстания»²³.

Главными очагами крестьянского движения были Гянджинский, Казахский, Ленкоранский, Геокчайский, Арешский, Нухинский и другие уезды. Восставшие крестьяне нападали на помещичьи имения, громили их имущество, захватывали земли, причиняя землевладельцам огромные убытки.

Крестьяне все настойчивее требовали перераспределение земли. Так, например, на крестьянском съезде, состоявшемся в сентябре 1919 г. в Казахе, было принято обращение к парламенту и правительству с требованием разрешить в кратчайшие сроки вопрос о безвозмездной передаче земли трудящимся²⁴. Ростом крестьянского движения пытались воспользоваться большевики, стремившиеся направить его против национального государства. Между большевиками и социалистами шла острая политическая борьба за руководство крестьянским движением. Единственный представитель большевиков в парламенте Алигейдар Караев, обвиняя социалистов в соглашательстве с «Мусаватом», резко критиковал их программу по аграрному вопросу.

Неразрешенность земельного вопроса вызвала серьезное недовольство и внутри партии «Мусават». Так, на состоявшемся в декабре 1919 г. II съезде партии делегаты обвиняли ее руководство в недостаточном внимании к нуждам крестьянского населения, в медлительности при проведении аграрной реформы. Одной из причин бездействия правительства, по мнению делегатов, было то, что «Му-

сават» как проправительственная партия до сих пор не выполнила ни один пункт своей аграрной программы. Делегат съезда М.Б. Мамедзаде, подвергнув правительство резкой критике, отметил, что оно в своей декларации обещало все конфликты между беками и крестьянами до окончательного разрешения аграрного вопроса решать в пользу крестьян, но не выполнило своего обещания, и мы всюду в Азербайджане являемся свидетелями бесчеловечного обращения беков с крестьянами. Если наша партия до окончательного разрешения аграрного вопроса согласилась оставить землю в руках беков, то следовало, по крайней мере, временно приостановить сбор податей с крестьян беками²⁵. Делегат съезда из Карабаха Ибрагим Халил в своем выступлении указывал, что «... в Джаванширском, Джебраильском уездах и на Мугани беки силой заставили крестьян платить подати на 3 года вперед»²⁶. Представитель Казахского отделения «Мусавата» отмечал, что «члены администрации на местах, в особенности сельские старшины, обременяют население своими невыносимыми поборами и прочими незаконными действиями...»²⁷ По требованию делегатов одно заседание съезда всецело было посвящено обсуждению аграрного вопроса. Съезд подавляющим большинством принял резолюцию: земли, принадлежащие казне, бывшему царскому дому, помещичьи, а также частновладельческие, безвозмездно отбираются и распределяются среди трудящихся. Стоимость отбираемой земли оплачивается из средств фонда, образуемого путем обложения имущего класс доходным налогом²⁸.

В конце 1919 г. в Азербайджане разразился очередной политический кризис, приведший к отставке правительства. Формирование нового кабинета министров вновь было поручено Усуббекову. Заявив о необходимости улучшения положения крестьян, он добавил, что «это будет сделано законным путем»²⁹. Пятый правительственный кабинет был сформирован на основе широкой коалиции ведущих политических партий и фракций. Министерство труда и земледелия возглавил правый гуметист Ахмед бек Пепинов.

Правительство широкой коалиции приступило к исполнению своих обязанностей в очень сложных условиях. Хотя к этому моменту Азербайджан укрепил свое международное положение, и его государственность де-факто была признана ведущими государствами, однако, именно в это время большевики приступили к реализации военно-политических планов относительно Южного Кавказа. Проводниками экспансионистской политики большевиков в самом Азербайджане выступали местные коммунистические организации, которые активно использовали в этих целях неразрешенность социально-экономических проблем. Острота момента поставила новое правительство перед необходимостью активизации попыток разрешения наиболее важных социально-экономических проблем, включая аграрные.

К началу 1920 г. Министерство труда и земледелия завершило работу над законопроектом «Об отчуждении земель частного владения в государственный земельный фонд и об обеспечении землей населения Азербайджанской Республики» и представило его на рассмотрение правительства. Согласно проекту, все частновладельческие, монастырские, вакуфные, мечетские и церковные земли отчуждались от их владельцев безвозмездно в государственный земельный

фонд. Эти земли, а также свободные казенные земли отводились без выкупа в собственность безземельному и малоземельному населению, живущему сельскохозяйственным трудом ³⁰. Законопроект определял размер площади, оставляемой владельцам отчуждаемых земель в зависимости от местных условий. Проект предусматривал передачу земли в собственность населению при условии, что продажа или залог этих земель владельцами возможны только с разрешения министра земледелия. Конфискация земель и их последующее распределение должны были происходить при непосредственном участии самих крестьян. Для этого предусматривалось образование местных земельных комиссий. Законопроект определял и правила пользования оросительной водой на отводимых землях.

Правая, консервативная, часть общества, правительственное и парламентское большинство открыто выступали против законопроекта социалистов, предусматривавшего ликвидации крупного землевладения, а также уравнивавшего в правах крестьян и помещиков. Партия «Иттихад», блок «Мусават и беспартийные» развернули кампанию в печати и парламенте против Министерства земледелия и конкретно против министра А. Пепинова. Кабинет министров также выступил против планов аграрных реформ социалистов, отказавшись даже от постановки на обсуждение подготовленного Министерством земледелия законопроекта.

16 февраля 1920 г. на очередном заседании парламента фракция партии «Мусават» представила свой законопроект по земельной реформе. Таким образом, в аграрной комиссии парламента имелись два альтернативных законопроекта. Социалисты подвергли законопроект «Мусавата» резкой критике. Социалистов особенно возмущали те положения документа, которые предусматривали справедливое вознаграждение частным владельцам, у которых отчуждались земли, а также то, что пастбища, леса и недра земли оставались в руках прежних владельцев ³¹. Лидер социалистов Агамальюглы опубликовал статьи в нескольких номерах партийного органа «Искра», где подверг критике аграрную политику партии «Мусават». Хотя до этого он, будучи правым гумметистом (меньшевиком) считал «нормальным обеспечить бывших владельцев средствами существования» ³² и «нежелательными большевистские эксперименты в маленьком Азербайджане» ³³. Однако, несмотря на сопротивление социал-демократов, проект «Мусавата» был взят за основу аграрной комиссией парламента. Тем не менее, высший законодательный орган, охваченный межпартийной борьбой, так и не смог приступить к обсуждению представленного законопроекта. Орган социал-демократов — газета «Искра», обвиняя «мусаватско-иттихадистское большинство» в создании препятствий в проведении в стране аграрных преобразований, призывал крестьян для коренного разрешения аграрного вопроса «самим взяться за дело» ³⁴. Социалисты, обвинив правительство в отходе от демократии, создании полицейского режима в стране и нежелании проведения радикальных аграрных реформ, отозвали своих представителей из правительства ³⁵. Отставка министров-социалистов привела к правительственному кризису, который продлился до падения АДР.

Таким образом, в период существования АДР провести аграрную реформу и решить земельный вопрос не удалось. Одной из основных

причин этого являлись противоречия в существовавшей политической системе государства и партийное противоборство. Не имея единой позиции по всем принципиальным вопросам государственного строительства, политические партии не смогли найти точки соприкосновения и в решении земельного вопроса. Хотя кризис в аграрном секторе не явился непосредственной причиной краха Азербайджанской Демократической Республики, неразрешенность вопроса о земле оставалась одним из катализаторов многих других кризисных явлений социально-экономической и политической жизни страны.

Примечания

1. 20 лет Азербайджанской ССР. Статистический сборник. Баку. 1940, с. 44.
2. ПЧЕЛИН Н. Крестьянский вопрос при Мусавате (1918—1920 гг.). Баку. 1931, с. 2.
3. Там же, с. 5.
4. ГУСЕЙНОВ И.А. Крестьянское движение в Азербайджане в 1917—1920 гг. В кн.: Великий Октябрь и борьба за Советскую власть в Азербайджане. Баку. 1958, с. 224—228.
5. Государственный архив политических документов Управления Делами Президента Азербайджанской Республики (ГАПДУДП АР), ф. 276, оп. 8, д. 542, л. 26—27.
6. Грузия. 1918, 4 октября.
7. Азербайджанская Демократическая Республика (1918—1920 гг.). Законодательные акты (Сб. документов). Баку. 1998, с. 190—191; Адрес-календарь Азербайджанской Республики на 1920 год. Ч. 2. Баку. 1919, с. 31.
8. Заря. 1919, 9 февраля.
9. Государственный архив Азербайджанской Республики (ГА АР), ф. 894, оп. 10, д. 173, л. 1—2.
10. Заря. 1919, 29 апреля.
11. Азербайджанская Демократическая Республика (1918—1920 гг.). Парламент. (Стенографические отчеты). Баку. 1998, с. 41.
12. Там же, с. 86.
13. Азербайджан. 1919, 16 апреля.
14. Азербайджанская Демократическая Республика (1918—1920 гг.). Парламент, с. 92.
15. Заря. 1919, 11 июля.
16. ГА АР, ф. 895, оп. 3, д. 5, л. 5.
17. Искра. 1919, 12 июля.
18. ГАПДУДП АР, ф. 456, оп. 10, д. 54, л. 25—27.
19. Народное знамя. 1919, 15 февраля.
20. ГА АР, ф. 845, оп. 1, д. 227, л. 1—2.
21. Азербайджанская Республика. Документы и материалы 1918—1920 гг. Баку. 1998, с. 276—277.
22. Там же, с. 197—198.
23. ГА АР, ф. 894, оп. 2, д. 71, л. 32.
24. Искра. 1919, 2 октября.
25. Азербайджанская Республика. Документы и материалы. 1918—1920 гг., с. 386.
26. Там же.
27. Азербайджан. 1919, 7 декабря.
28. Азербайджанская Республика. Документы и материалы. 1918—1920 гг., с. 387.
29. Азербайджанская Демократическая Республика (1918—1920 гг.). Парламент, с. 816.
30. ГА АР, ф. 894, оп. 10, д. 169, л. 6—7.
31. Известия АН Азербайджана. 1990, № 2, с. 30—35.
32. Искра. 1919, 16 декабря.
33. Там же, 22 октября.
34. Там же, 1920, 2 марта.
35. Там же, 23 марта.

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ББК 63.3(2P55)/УДК 94(571.61)

О времени заселения даурами территории Приамурья: новая интерпретация данных

Б.Д. Цыбенков

Аннотация. Публикация посвящена изучению времени появления дауров на территории Приамурья. Автор не согласен с общепринятым мнением о прибытии дауров на Амур после монгольских походов XIII века. Изучая генеалогические списки (родословные) дауров, он приходит к выводу о более позднем заселении ими притоков Амура и Зеи. По его данным, даурское население появилось в Западном Приамурье во второй половине XVI века.

Ключевые слова: дауры, Западное Приамурье, переселение, генеалогические списки, роды, датировка.

Abstract. The publication studies the time of resettlement of the Daur people to the territory of the Amur region. The author does not agree with the generally accepted opinion about the arrival of Daurians on the Amur after the Mongolian campaigns of the 13th century. He studied the genealogy of the Daur clans and came to the conclusion that the Daur people appeared much later than in the 13th century. The Daur population appears in the Western Amur Region in the second half of the 16th century.

Key words: Daur, Western Amur Region, resettlement, genealogical lists, clans, dating.

Первые достоверные сведения о даурах, компактно проживающих в Западном Приамурье, появились в середине XVII в. в донесениях русских первопроходцев В. Пояркова, Е.П. Хабарова, О. Степанова и др. В них содержатся сведения о богатом земледельческом народе, имеющем городки-крепости и достаточно многочисленное население. Оседлость и земледелие существенно отличали дауров от собственно кочевых монгольских и тунгусо-маньчжурских этнических групп. У них была развита торговля продуктами земледелия с окружающими их соседями. Дауры также занимались торговым посредничеством, продавая китайские и маньчжурские товары. Городки-крепости, встреченные первопроходцами в верховьях Амура и Зеи, играли роль торговых форпостов дауров на новых окраинных землях.

Цыбенков Базар Догсонович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ. E-mail: bazar75@mail.ru.

Tsybenov Bazar D. — PhD in History, senior researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies. Siberian Branch of RAS. Ulan-Ude. E-mail: bazar75@mail.ru.

Поскольку основная масса местного населения концентрировалась в междуречье Амура и Зеи, надо полагать, что именно здесь находился центр даурских владений. По всей видимости, отсюда дауры, желая завязать новые торговые контакты, начинали подниматься вверх по Амуру и Зее.

Большинство исследователей единодушно выбирают XIII в. в качестве нижней хронологической границы появления дауров на Амуре. Одним из первых ученых, выдвинувших версию о связи прихода дауров в Приамурье с монгольскими походами XIII в., был Л. Шренк. Он писал: «... на истоках Амура дауры появились лишь после того, как монголы разбили нюй-чжей и затем победоносным движением направились к югу»¹. В дальнейшем данная версия с некоторыми изменениями была принята Г.С. Новиковым-Даурским, Н.И. Рябовым, М.Г. Штейном, С.М. Широкогоровым, О. Латтимором и рядом других ученых². Дальневосточные археологи Д.П. Болотин, Н.Н. Зайцев, Б.С. Сапунов, обратившись к изучению даурских погребений и поселений, выделили владимировскую археологическую культуру. Нижняя временная граница была установлена по нумизматическому материалу — XIII—XIV века³. Исследования археологов согласуются с данными «Краткой истории дауров», в которой говорится, что «в 1206 г. дауры, обитавшие в северо-западной части хребта Большой Хинган, входили в удел Джочи-Хасара. Дауры, живущие по левобережью Амура, относились к “тумену лесных народов” и причислялись к Хорчи»⁴. С другой стороны, эти сведения не имеют опоры на конкретный фактический материал и потому не могут считаться достоверными. Как показывают этнографические наблюдения, у дауров не было культа Чингисхана и других чингисидов, что указывает на более раннее отмежевание предков дауров от собственно протомонгольского ядра и несколько обособленное проживание по отношению к нынешним монгольским народам.

Тем не менее факт проникновения монгольских групп в Западное Приамурье в середине XIII в., после разгрома чжурчженской империи Цзинь в 1234 г., не подвергается сомнению. Следуя правилу, завоеватели-монголы, очевидно, оставили в регионе военный гарнизон, размещенный в нескольких крепостях. О его дальнейшей судьбе можно лишь строить предположения, но, по всей видимости, в определенный период истории остатки или потомки оставленных воинов покинули территорию Приамурья и вернулись на родину, в монгольские степи. Уход монголов мог состояться еще в период правления Юаньской династии. Поскольку территория Западного Приамурья изобилует средневековыми городищами⁵, надо полагать, что земли были обжиты другой волной населения. Могли также существовать группы чжурчженей, в XIII в. мигрировавшие вниз по Амуру и теперь вернувшиеся с востока на родные земли. Можно высказать предположение, что здесь в XV в. кратковременно располагался минский гарнизон. Большая часть городков «даурского типа» (всего их насчитывается 54)⁶ могла быть построена солдатами минского гарнизона. Как отмечал Новиков-Даурский, структура городков «даурского типа» очень похожа на организацию китайских «ферм» Северо-Восточного Китая⁷. Что касается собственно дауров, то в XIII в. они не проживали в Западном Приамурье. Артефакты владимировской культуры,

увязываемые археологами с ранними монголами, не дают достаточных оснований для отождествления данной археологической культуры с даурами. По всей вероятности, они обитали в одном из районов Западной Маньчжурии (современного Северо-Восточного Китая), на границе между монгольским и маньчжурским мирами. Есть мнение, что границы между монголоязычными и тунгусо-маньчжурскими народами в эпоху раннего средневековья в этническом и языковом отношении были более стертыми и образовывали массу переходных групп ⁸.

Такой группой могли быть и дауры. Монгольские походы в восточном направлении их мало затронули, во всяком случае, никаких свидетельств о былых контактах с монголами не сохранилось. Причиной тому могли быть малочисленность этноса и его изолированное проживание, возможно, в труднодоступной местности. Надо думать, что большого интереса для завоевателей, преследовавших более масштабные цели, они не представляли. Будучи своеобразной переходной группой или же «пограничным» этносом, дауры еще до монгольского нашествия вступали во взаимодействие с чжурчженскими племенами, наряду с охотой и в меньшей степени скотоводством, занимались также земледелием. Исходя из последнего важного обстоятельства, можно предположить, что местом проживания дауров в XIII в. явился земледельческий регион. Определить его точное место расположения довольно трудно, возможно жители этого региона, включая дауров, имели контакты с населением междуречья Амура и Зеи. В торговых и иных целях отдельные лица из числа дауров могли посещать Западное Приамурье. Массовое переселение дауров в долины Амура и Зеи могло состояться в период обострения военных действий в первой половине XVI в. между монгольскими и китайскими войсками. Столкновения затронули территорию проживания дауров. Зная от своих торговцев о пустыющих или же малолюдных к тому времени приамурских землях, дауры, очевидно, решили переселиться на новую территорию.

В этой гипотезе о более позднем заселении даурами Западного Приамурья ключевую роль играют генеалогические списки (родословные). Самих оригиналов обнаружить не удалось, но данные о них имеются в работе «Общие сведения о Морин-Дава даурском автономном хошуне». Монография написана на основе старомонгольской письменности. Вот перевод полного текста, в котором содержится интересующая нас информация ⁹: «Если изучить домашние описания (родословные. — *Б.Ц.*) четырех больших даурских родов, записанные, начиная с периода Цинского государства, то основоположник рода говол — Омэтэй. Начиная с его предка в четвертом поколении — Сачидаку, поселились в устье реки Бодон — левого притока реки Зея в нижнем течении. Основоположник рода аула — Кулиркен. Его предок несколькими поколениями выше, называемый Улис, в действительности ранее стал жить в долине реки Тугдэн — южного притока реки Зея в среднем течении. Впоследствии переселился в город Догин на южной стороне Амура в верхнем течении, где обосновался. Основоположник рода онон — Ципа. Его предок в третьем поколении — Эмдигай. Начиная с него, обосновались в долине реки Онон — северного притока Амура в верхнем течении. Основоположник рода мэрдэн — Лобшодай. Его предок в четвертом

поколении — Сажига. Начиная с него, стали жить в селении Мэрдэн на северном берегу Амура в среднем течении». Проведем детальный анализ вышеуказанных сведений. Начнем собственно с источника, в котором расположен этот текст. Монография «Mogindabaya dayur ündüsüten-ü öbürtegen jasaqu qoşiyun-u toyimu bayidal» (Общие сведения о Морин-Дава даурском автономном хошуне) была издана в 1988 году. Годом позже, в 1989 г., вышла в свет другая работа на старомонгольском языке «Dayur ündüsüten-ü tobçi teüke» (Краткая история даурского народа).

Обращение к этим работам показывает, что интересующий нас текст присутствует только в работе 1988 года. Причины этого не ясны. Между тем в данном тексте содержалась весьма важная информация о времени заселения даурами Приамурья. Известно, что главным редактором обеих книг был даурский исследователь Мэн Чжидун. Надо полагать, что он не раз редактировал готовящиеся к изданию работы и в силу непонятных обстоятельств решил удалить данный фрагмент из «Краткой истории даурского народа». Возможно, Мэн Чжидун посчитал сведения родословных дауров подлежащими дальнейшему изучению на предмет их достоверности. Оставив эти данные в работе «Общие сведения о Морин-Дава даурском автономном хошуне», имеющей региональный характер, он предпочел убрать их из «Краткой истории даурского народа». Последняя работа имела уже всекитайское и даже мировое значение. Обратимся к тексту. Вначале в нем говорится о «домашних описаниях», сделанных в период Цинской династии. Термин «ger-ün cadiy» с монгольского языка дословно можно перевести как «описание дома; домашнее описание», хотя, очевидно, более подходящими для него являются «родословная; генеалогический список». Начиная с середины XVII в. дауры стали использовать маньчжурскую письменность¹⁰. Очевидно тогда же появились и рукописные варианты родословных. До приобщения к маньчжурской письменности дауры хранили традицию устной передачи имен всех предков от поколения к поколению. Знание своей родословной позволяло даурам избежать опасности кровосмешения. Эта традиция прослеживается и у других монголоязычных народов. Например, буряты знали до 18 поколений своих предков¹¹. Широко известна генеалогия золотого рода монголов — борджигин, где указаны все предки Чингисхана, восходящие к легендарным Бортэ-чино и Гоа-марал¹². Основываясь на данных монгольской генеалогии, ученые пытаются определить исторические периоды жизни и деятельности предков Чингисхана. Поэтому необходимо со всей серьезностью отнестись и к данным даурских родословных. Речь в изучаемом отрывке идет о предках четырех основных родов дауров. Рассмотрим каждый из них в отдельности.

Первым упоминается род говол, а точнее его родоначальник или основатель. Об этом можно судить из перевода монгольского термина «ujiyug-un күтүн» как «основоположник, основатель». Надо заметить, что подобный термин не употребляется в современном монгольском языке. Слово «ujiyug» переводится как «острие; верхушка; конец, кончик», «күтүн» — «человек». Таким образом, дословный перевод звучит как «человек, находящийся в самом верху», то есть речь идет об основателе рода. Для рода говол таковым являлся некий

Омэтэй. Из контекста можно сделать вывод, что именно в его бытность появилось и собственно обозначение рода как «говол». О Сачидаку говорится лишь как о предке Омэтэя в четвертом поколении. Если Сачидаку был бы основателем рода говол, то о нем, очевидно, писали бы как о «*cijiug-un kümün*». Таким образом, Сачидаку был кровным предком Омэтэя, но название рода — «говол» появилось позже, и по всей вероятности оно связано с Омэтэем. Годы жизни и деятельности Омэтэя восходят к середине XVII в. поскольку его имя встречается как в русских источниках, так и в материалах «Краткой истории даурского народа».

Так, В. Поярков писал: «... а в той волости [Гоголи] даурской острожек, а в том острожке два князца Омуты да Ломбо, а улусу у них в том острожке 200 чел., все пашенные и скотные сидячие люди, а хлеба у них родится много, а ясак платят хану собольями...»¹³ В отписке якутскому воеводе Францбекову Хабаров упоминает о князе Омутее, спасшемся бегством во время нападения казаков на Толгин городок¹⁴. С большой долей уверенности можно говорить, что Омуты, Омутей в русских источниках и Омэтэй — это одно и то же лицо. По данным даурских исследователей, известен он и своим руководством по переселению рода говол в долину р. Нэмэр — притока р. Нонни¹⁵. Таким образом, можно сделать вывод, что Омэтэй был реальной исторической личностью середины XVII века. Проживал он, как и его предок Сачидаку, в районе нижнего течения р. Зея. Сачидаку, как упоминалось выше, поселился в районе р. Бодон — левого притока Зеи. В других письменных материалах название «Бодон» не упоминается, зато в записях Пояркова о местах проживания «гогулей» присутствует гидроним «Гоголгурга». По мнению Б.И. Панкратова, правильным будет написание «Гобол-хуарг», что с даурского языка переводится как «речка Гобол»¹⁶. У дауров сохранилось также и другое название — «Говол аяан», причем под словом «аяан» дауры понимали собственно место, где приток впадает в основную реку¹⁷. Ввиду отсутствия других данных, трудно судить, являются ли Бодон и Гоголгурга (Гобол-хуарг, Говол аяан) обозначением одной и той же реки. Если же речь идет о разных притоках Зеи, то они находились друг от друга на небольшом удалении. Теперь о главном — времени появления Сачидаку на р. Бодон. В тексте четко указано, что он является предком Омэтэя в четвертом поколении, то есть прадедом. Исходя из расчета, что на жизнь одного поколения приходится 25 лет, можно определить примерную дату появления Сачидаку в районе р. Бодон. Это приблизительно 1550 год. Подобная датировка противоречит общепринятому положению о более раннем появлении дауров в Приамурье.

Обратимся к следующему роду — аула. Его основателем был некий Кулиркен. В русских источниках это имя не отмечено, но оно имеется в работах даурских исследователей. Так, по их данным, Кулиркен, получив от маньчжуров звание чиновника третьей степени, в 30-х гг. XVII в. переселился с берегов Амура на среднее течение р. Нонни, где основал селение Догин¹⁸. Переселение Кулиркена и его сородичей состоялось, таким образом, еще до прихода на Амур русских казаков-первопроходцев. Уход рода из аула можно объяснить начавшимся к тому времени тяготением этнических групп, приняв-

ших маньчжурское подданство, к центру маньчжурского государства — г. Мукдэн (совр. Шэньян). По всей видимости, именно необходимость сократить расстояние до столицы маньчжуров, куда стали часто ездить даурские предводители, сыграла определяющую роль в данном стремлении. Таким образом, дорога от Амура в долину Нонни была проторена задолго до массового переселения дауров в середине XVII века. В изучаемом отрывке текста внимание сфокусировано на предке Кулиркена — некоем Улисе. Указывается, что их разделяло несколько поколений, точное количество которых отсутствует. Вероятно, рядом с именем Кулиркена как основателя рода имелось краткое упоминание о его предке. Народная память не могла не сохранить имя Улиса, первого родовича, переселившегося с р. Тугдэн (бассейн Зеи) к верхнему течению Амура. Наиболее близким аналогом названия р. Тугдэн является р. Тыгда — правый приток Зеи. Именно здесь поначалу поселился Улис. Однако затем он решил перебраться в город Догин, расположенный на правом берегу Амура в его верхнем течении. Надо полагать, что он переселился вместе с другими группами дауров. Очевидно, речь идет о приходе дауров во главе с Улисом в уже построенный до них город. На наш взгляд, это немаловажная деталь в истории заселения даурами Приамурья. Вполне возможно, что и другие поселения по Амуру и Зее не были построены даурами, а лишь заселены ими по прибытии из других мест. В то же время нельзя исключать и возведение укрепленных поселений непосредственно самими даурами.

В отрывке текста, где говорится о другом даурском роде — онон, отмечено, что предок рода поселился в долине р. Онон — северного притока Амура в его верхнем течении, без указания на имеющееся поселение (город). Поэтому можно предположить, что в районе указанного притока дауры сами возвели укрепленное поселение. Основоположником этого ныне многочисленного даурского рода принято считать Ципу (или Чипу), хотя первым на р. Онон появился его дед (предок в третьем поколении) Эмдигай. Изучение гидронима «Онон», как показывают наши исследования, не связано с рекой Онон, протекающей в Восточной Монголии и Забайкальском крае и впадающей в Шилку, хотя многие люди, включая и современное поколение дауров, отождествляют название рода и р. Онон. Тем самым они возводят этническую историю дауров к территории Восточной Монголии, а зачастую и к истории собственно монголов. Вероятно, не был исключением и один из видных представителей этого рода — американский этнограф Ургунго Онон. Известно, что в 1966 г., приехав в Монголию, он специально посетил р. Онон¹⁹. Однако, на наш взгляд, утверждения о проживании дауров в районе монгольской р. Онон были преждевременны, не говоря уже о близости истории монголов и дауров. Поскольку большинство названий даурских родов локализуется в районе Амура и Зеи, уместнее было бы искать сопоставления в названиях местностей или притоков в бассейнах указанных рек.

В тексте изучаемого источника также говорится, что предки рода обосновались в долине р. Онон — северного притока Амура в его верхнем течении. Этноним «онон», казалось бы, можно сопоставить с названием левого притока Амура — р. Онон. Однако выясняется, что этот приток Амура получил свое название от русских жителей

края. Название было дано казаками, переселившимися в середине XIX в. с р. Онон Забайкальской области²⁰. Сложно подвергать этот факт сомнению, но, тем не менее, можно предположить, что название притока Амура — Онон — могло существовать до прихода русских. Волею случая казаки, приплывшие с Онона Забайкальской области, поселились на одноименном притоке Амура. Поскольку приток носил название их «родной» реки, русские переселенцы легко приняли его. Со временем название притока стало восприниматься населением как память о родных местах в Забайкалье, и была придумана легенда о русском происхождении названия притока Амура — р. Онон.

Как и в случае с другими даурскими родами, основателем рода онон признается человек, проживавший в середине XVII века. Им был некий Ципа. Он — реальная историческая личность, известен в русских источниках как Чипа. Есть данные о бегстве Чипы вместе с Лавкаем к князю Дасаулю в 1651 г., версии о вхождении Чипиного улуса в племя Лавкая, нахождении городка Чипы выше Албазина²¹. Существует также даурское предание о старике Чипати, находившемся в противостоянии с другим даурским князем — Балдачи²². В персонаже Чипати можно узнать Ципу. Известно также, что в середине XVII в. под его руководством проходило переселение на р. Нонни и основание селения Кайкохэ на ее левом берегу²³. Таким образом, можно в очередной раз подтвердить реальность его существования. Надо полагать, что и Эмдигай, первым поселившийся на берегах притока Амура — р. Онон, был реальной личностью и приходился дедом основателю рода.

Примерно этим временем или даже серединой XVI в. можно датировать появление на Амуре еще одного даурского рода — мэрдэн, основателем которого считается Лобшодай, а «первопроходцем» явился его прадед (предок в четвертом поколении) Сажига. В тексте упоминается, что начиная с Сажиги представители рода жили в селении Мэрдэн. Поскольку в источнике не говорится об основании этого селения собственно даурами, можно предположить его наличие еще до их прихода. Как и в случае с городом Догин рода аула, очевидно, существовало и селение Мэрдэн. Причины, по которым население покинуло его, остаются неизвестными, как и этническая принадлежность его жителей. С большой долей вероятности можно лишь указать на место нахождения указанного селения. Оно, очевидно, располагалось в районе известного на Амуре Корсаковского кривуна, поскольку слово «мэрдэн» означает «излучина реки». Известно также, что в русских источниках этот кривун называется Улус-Модонским. Эта излучина Амура находилась в одной версте выше Корсаковского поселка, имела длину 40 верст и сходство с цифрой 8²⁴. Название «Улус-Модонский» (или Улусу-Модонский), очевидно, представляет собой несколько искаженный вариант даурского названия «Улиясмэрдэн». Под ним известен даурский городок, располагавшийся неподалеку от селения Мэрдэн²⁵. Скорее всего, в нем мог проживать основатель рода мэрдэн — Лобшодай. В русских источниках его имя не отмечено, хотя есть некий Лотодий, упоминающийся летом 1651 г. во время взятия казаками Гойгударова городка²⁶. Идет ли речь об одном и том же лице, сказать определенно трудно. Как известно, во время штурма вышеотмеченной укрепленной крепости-города погибли почти все его защитники, вырваться удалось лишь полутора десяткам

дауров. Был ли в числе уцелевших Лотодий, опять же неизвестно. Что касается Лобшодая, то он пережил военные действия середины XVII в. и в 1667 г. возглавил переселение рода в долину р. Нонни. На правом берегу реки им было основано селение Хиг-Мэрдэн ²⁷.

Таким образом, основываясь на генеалогических списках четырех основных даурских родов, можно говорить о заселении даурами Западного Приамурья во второй половине XVI века. Другими словами, дауры появились на Амуре и Зее лишь за 100 лет до прибытия русских землепроходцев. Причины переселения, место, откуда они прибыли, и многие другие вопросы остаются не до конца раскрытыми и требуют дальнейшего изучения. И все же, выдвинутая гипотеза, в корне меняющая всю картину позднего средневековья Западного Приамурья, заслуживает пристального внимания.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

1. ШРЕНК Л. Об инородцах Амурского края. Т. 1. СПб. 1883, с. 167.
2. БОЛОТИН Д.П. Этногенез дауров. В кн.: Cultural exchange in East-sea and the Primorye region of Russia. Busan. 2008, с. 567; CAROLINE HUMPHREY, URGUNGE ONON. Shamans and Elders. Experience, knowledge, and power among the Daur Mongols. Oxford. 1996, p. 65; ЛАТТИМОР О. Главы из книги «Монголы Маньчжурии». — Современная Монголия. 1936, № 3, с. 106.
3. БОЛОТИН Д.П. Владимировская культура позднего средневековья в Приамурье. В кн.: Проблемы этнокультурной истории Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск. 1993, с. 96; САПУНОВ Б.С., БОЛОТИН Д.П., ЗАЙЦЕВ Н.Н. Железные наконечники стрел Владимировской археологической культуры Верхнего Приамурья. В кн.: Медиевистские исследования на Дальнем Востоке. Владивосток. 1994, с. 87; БОЛОТИН Д.П. Этнокультурная ситуация на Верхнем Амуре в эпоху позднего средневековья (XIII—XVII века). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Новосибирск. 1995, с. 10; БОЛОТИН Д.П. Этногенез дауров, с. 567.
4. Davur ündüsüten-ü tobči teüke / naiyравulan bičikü duvuyilang naiyравulaba; MENG JI DÜNG. Üljejitü, Bayar. Kükеqota. 1989, с. 272.
5. ДЬЯКОВА О.В., ШЕВЧЕНКО В.В. Тунгусо-маньчжуры и дауры Приамурья: этнокультурное пограничье (по материалам фортификации). В кн.: Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Кишинёв. 2016, с. 28—30.
6. Там же.
7. НОВИКОВ-ДАУРСКИЙ Г.С. Историко-археологические очерки. Статьи. Воспоминания. Благовещенск. 1961, с. 68.
8. КЫЧАНОВ Е.И. Монголы в VI — первой половине XII в. В кн.: Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск. 1980, с. 139.
9. Morindabaya davur ündüsüten-ü öbürtegen jasaqu qošivun-u toyimu bayidal / naiyравulan bičikü duvuyilang naiyравulba. Jamsu, Bürinsayin orčivulba. Erdenijab orčivulba-yi qinaba. Kükеqota. 1988, с. 22—23.
10. ENGKEBATU M. Čin ulus-un üye-dü davur kele-ber bičigdegsen jokial-ud-un sudulul. Kükеqota. 1995, с. 1.
11. ЦЫДЕНДАМБАЕВ Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ. 1972, с. 68.
12. Монголын нууц товчоо (Сокровенное сказание монголов). Улаанбаатар. 1990, с. 25—26.

13. Институт восточных рукописей (ИВР) РАН, ф. 145, оп. 1, д. 16, л. 5; ЯХОНТОВ К.С. Дагурский язык. Введение. В кн.: Страны и народы Востока. Вып. XXIX. Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология. СПб. 1998, с. 134; Дополнения к Актам историческим. Т. III. СПб. 1848, с. 54.
14. Дополнения к Актам историческим. Т. II. СПб. 1848, с. 363; Роспросные речи служивых людей Постника Володимерова, Петра Герасимова и Тунгузской женщины Даманзи, о пребывании приказного человека Ерофея Хабарова на реке Амуре и о проч. http://sibrelis.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1650_1659gg/akty_istoricheskie_1652g/1652_08_01_ne_ranee/84-1-0-576.
15. Davur ündüsüten-ü tobči teüke, с. 76.
16. ЯХОНТОВ К.С. Ук. соч., с. 135.
17. Краткий дагурско-русский словарь. Улан-Удэ. 2014, с. 19.
18. Davur ündüsüten-ü tobči teüke, с. 74; Morindabaya davur ündüsüten-ü öbürtegen jasaqu qoşivun-u toyimu bayidal, с. 11—12.
19. TEMUJIN ONON. Inner Asia. Vol. 2. No. 1. Celebrating the 80th birthday of Urgunge Onon. 2000, p. 4.
20. КИРИЛЛОВ А. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран. Благовещенск. 1894, с. 298.
21. ДОЛГИХ Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М. 1960, с. 586—587.
22. CAROLINE HUMPHREY AND URGUNGE ONON. Op. cit., p. 94.
23. Davur ündüsüten-ü tobči teüke, с. 76.
24. КИРИЛЛОВ А. Ук. соч., с. 450—451.
25. Davur ündüsüten-ü tobči teüke, с. 35.
26. Дополнения к Актам историческим, т. III, с. 361; Отписка Якутскому воеводе Дмитрию Францбекову служиваго человека Ерофея Хабарова; о военных действиях его на реке Амуре и о проч. http://sibrelis.ucoz.ru/publ/akty_istoricheskie_1650_1659gg/akty_istoricheskie_1652g/1652_08_01_ne_ranee/84-1-0-576.
27. Davur ündüsüten-ü tobči teüke, с. 76.

Партийно-политическая учеба в 88-й стрелковой бригаде и Ким Ир Сен (1942—1945 гг.)

Е.В. Катышевцева, К.-Х. Мин

Аннотация. Публикация посвящена анализу одного из самых слабо изученных периодов в биографии Ким Ир Сена, связанного со службой в составе 88-й ОСБР Дальневосточного фронта в с. Вятское Хабаровского края в 1942—1945 годах. С помощью впервые вводимых в научный оборот архивных документов исследуются особенности влияния на Ким Ир Сена его партийно-политического окружения в 88-й ОСБР, восприятие им осуществлявшейся политотделом идеологической работы, включая марксистско-ленинскую учебу и интернациональное воспитание. Авторы приходят к выводу о значимости «советского периода» в идейно-политическом становлении Ким Ир Сена как самостоятельно мыслящего политика.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, 88-я отдельная стрелковая бригада ДВФ, идеологическая работа, Ким Ир Сен, ВКП(б), КПК.

Abstract. The publication explores one of the most poorly studied periods in the biography of Kim Il Sung. It is associated with his service in the 88th OSBR of the Far Eastern Front in the village of Vyatskoie in the Khabarovsk region in 1942—1945. Based on the newly introduced archival documents, the article explains the peculiarities of the influence of the 88th OSBR party and political environment on Kim Il Sung and his perception of the ideological work carried out by the political department, including Marxist-Leninist studies and international solidarity indoctrination. The authors come to the conclusion about the significance of the “soviet period” in the ideological and political formation of Kim Il Sung as an independent politician.

Key words: the USSR, the Great Patriotic War, the 88th Separate Rifle Brigade of the Far Eastern Front, ideological work, Kim Il Sung, VKP(b), the CPC.

История 88-й стрелковой интербригады остается одним из малоизученных сюжетов Великой Отечественной войны и антифашистского сопротивления на Дальнем Востоке. И это не случайно. Речь идет о

Катышевцева Елена Валерьевна — кандидат исторических наук, приглашенный профессор Университета Зюитан. Дананг. Вьетнам. E-mail: katyshewtzewa2013@yandex.ru; *Мин Кён-Хён* — доктор исторических наук, профессор Университета Кореи, директор Архива Корейской войны. Сеул. Республика Корея. E-mail: khmin@korea.ac.kr.

Katyshevstseva Elena V. — candidate of historical science, visiting professor of Duy Tan University. Da Nang. Vietnam. E-mail: katyshewtzewa2013@yandex.ru; *Min Kyoung-Hyoun* — PhD, doctor of historical science, professor at the Korea University, head of the Korean War Archive. Seoul. Republic of Korea. E-mail: khmin@korea.ac.kr.

военной школе, созданной под руководством разведывательного отдела Дальневосточного фронта (ДВФ) в конце 1942 г. в селе Вятское Хабаровского края и работавшей под названием 88-я отдельная стрелковая бригада (ОСБР) ¹. Иногда в документах бригада именуется «китайской» ², поскольку основу ее первоначально составили вытесненные Квантунской армией на территорию СССР группы маньчжурских партизан антияпонского сопротивления. Иногда бригада проходит по документам как «особая» — в силу осуществлявшейся на ее территории подготовки диверсионно-разведывательных кадров из числа корейско-китайских коммунистов и советских военнослужащих для осуществления разведывательной и контрразведывательной деятельности на оккупированной японцами территории Северной Манчжурии.

Одним из слушателей и средних командиров данной школы был Ким Ир Сен, ставший впоследствии организатором коммунистической (Трудовой) партии Северной Кореи и основателем Северокорейского государства. Как сообщается в воспоминаниях командира 88-й бригады подполковника РККА Чжоу Бао Чжуна, «поздней осенью 1940 г. через р. Тумыньцзян (кор. Туманган) на территорию Приморья перешла большая группа корейских партизан, около 30 чел., во главе с их командиром Ким Ир Сенем» ³, впоследствии влившаяся в состав 88-й интербригады.

Находясь в интернациональном соединении Дальневосточной группировки Советских войск с момента ее основания до расформирования бригады, то есть в течение трех лет, будущий лидер Трудовой партии Северной Кореи не мог не впитать в себя атмосферу воинской и партийно-политической жизни Красной армии военной эпохи. Это влияние определило, как считают некоторые современные корейские исследователи, особенности мировоззрения и направления будущей деятельности Ким Ир Сена.

Однако имеющиеся в литературе упрощенные толкования политической и идейной эволюции Ким Ир Сена в данный период времени требуют уточнения. Так, например, китайский историк Шень Чжихуа, рассматривая 88-ю ОСБР как «отправную точку для понимания послевоенных советских и китайско-корейских отношений», считает, что именно пребывание в бригаде сформировало Ким Ир Сена как «силу, на которую могла положиться власть советской оккупации» ⁴. Автор недвусмысленно намекает на особую обработку будущего лидера Северной Кореи в рамках 88-й бригады, повлекшую за собой разрыв отношений между корейскими коммунистами и КПК, что привело к «возвышению» их руководителя: «в ноябре (1945 г. — *Е.К., М.К.Х.*) все члены 88-й бригады, которые сотрудничали с советскими властями в Корее, порвали с КПК и антияпонской единой армией»; «Ким Ир Сен вернулся в Корею с некоторыми корейскими партизанами, расторгая организационные отношения с КПК, и стал силой, на которую могла положиться власть советской оккупации» ⁵.

Приведенный выше подход к изучаемому вопросу определяется исключительной узостью его историко-документальной базы, представленной, главным образом, источниками мемуарного жанра и устными воспоминаниями бывших бойцов 88-й бригады ⁶. Так, сам Шень Чжихуа отмечал, что «данные, относящиеся к 88-ой бригаде... можно найти в современной литературе и устных исторических архи-

вах»⁷, собираемых путем бесед с ветеранами Дальневосточного антифашистского сопротивления или их потомками.

Действительно, количество архивных документов по истории 88-й стрелковой бригады ограничено. Причину данного обстоятельства раскрывает, в частности, недавно найденный и впервые вводимый в научный оборот документ Центрального архива Министерства обороны (ЦА МО) РФ от 26 ноября 1945 г., в котором сообщается об «уничтожении путем сжигания всех секретных и совершенно секретных бумаг, книг приказов, книг учета и отчетности по личному составу, печатей и штампа, и других документов» в количестве 40 наименований дел 88-й ОСБР⁸.

Между тем определенная группа архивных материалов, способная пролить свет на особенности партийно-политического воспитания бойцов и командиров, лично командира 1-го батальона 88-й бригады Ким Ир Сена, сохранилась и стала доступна для изучения. Речь идет о документах политотдела 88-й бригады. Так, согласно Полевому уставу РККА 1939 г., политотдел в подразделениях Красной армии являлся «важнейшей составной частью всей системы управления войсками. Он осуществлял все политические мероприятия, направленные к достижению успеха боевой деятельности войск, укрепления их политико-морального состояния и повышения их боеспособности»⁹.

Особый интерес среди документов данной группы представляют протоколы собраний партийной организации ВКП(б) и КПК 1-го батальона 88-й бригады за 1942—1943 гг., протоколы собраний партийной организации штаба и управления 88-й бригады за 1943—1944 гг. и другие подобные материалы.

Представленная группа документов позволяет восстановить атмосферу партийно-политической жизни в бригаде, которая безусловно повлияла на классово-мировоззренческие, идейно-политические и, в определенном смысле, личностные характеристики будущего лидера коммунистов Северной Кореи.

По состоянию на 5 марта 1943 г. в состав политотдела 88-й бригады входило 24 чел., служивших в должностях инструкторов по пропаганде или заместителей командиров подразделений по политической части, в звании от старшего лейтенанта до майора. Национальный состав политотдела интербригады был представлен русскими (18 чел.), корейцами (4 чел.) и китайцами (2 чел.: юноша и девушка)¹⁰.

Общение в коллективе осуществлялось на русском и китайском языках, поскольку русским языком владели два китайца (инструктор по информации старший лейтенант Фын Чжун Юнь и заместитель командира роты по политической части старший лейтенант Пен Сы Лу). Кроме того китайский язык знали: кореец — старший инструктор по пропаганде капитан Цюй Ши Чуань и русские — начальник политотдела майор В.Е. Серёгин и военный переводчик политотдела лейтенант П.Р. Ряписов. Знание английского языка майором Серёгиным и Фын Чжун Юнем создавало дополнительные коммуникативные возможности¹¹.

Самому старшему из политработников 88-й бригады, капитану Цюй Ши Чуань, было 42 года¹². Член коммунистической партии Китая, он участвовал в партизанском антияпонском движении с 1925 года. Что касается остальных членов политотдела, то десяти из них

было от 25 до 30 лет, еще десяти — от 31 до 35 лет и трем — от 36 до 40 ¹³. Важно отметить, что практически половина сотрудников политотдела родилась незадолго до Великой Октябрьской революции 1917 г., при этом 20 чел. (83,3 %) были моложе 36 лет. В целом по ВКБ(б) данный показатель к началу войны составлял 63% ¹⁴.

Несмотря на свой молодой возраст, члены политотдела были уже зрелыми людьми. Их средний партийный стаж равнялся 6,7 г., только у 8 членов политотдела он составлял от 2-х до 3-х лет, но это были коммунисты, вступившие в партию с началом Великой Отечественной войны ¹⁵. Все они, за исключением корейских и китайских коммунистов, в недалеком прошлом являлись учащимися или выпускниками советских школ, а некоторые — и вузов. Следует отметить достаточно высокий уровень образования комиссаров 88-й бригады по сравнению с общесоюзным показателем членов ВКП(б). В 1941 г. в целом по СССР примерно 66,7% коммунистов имели начальное образование и лишь 6% — высшее ¹⁶. Образовательный уровень членов политотдела 88-й бригады в процентном соотношении был несколько выше. Из 24 чел. двое (8,33%) имели высшее образование; двое — неполное высшее; среднее и неполное среднее образование имели 7 чел. (29,17%); техническое образование на уровне ФЗУ либо 6—7 классов средней школы освоили 11 чел. (45,83%), начальное образование на уровне 2—5 классов средней школы — 2 чел. (8,33%) ¹⁷.

Среди политруков с низшим образованием был, например, старший политрук 2-го батальона кореец Цзинь Че, «малограмотный», согласно документам по партийному учету. Тем не менее, его способность заниматься партийно-политическим воспитанием определялась, по мнению начальника политотдела, большим жизненным опытом: участием в партизанском движении в Манчжурии, наличием двух ранений, работой на ответственных руководящих постах в 3-й партизанской армии Китая, где он выполнял обязанности военкома и секретаря первичной организации КПК ¹⁸.

15 членов политотдела получили специальное военно-политическое образование в рамках профильных образовательных курсов разного уровня. Так, дивизионные партийные школы (ДПШ) в 1937, 1939, 1940 гг. закончили: замполит роты автоматчиков лейтенант А.И. Лукьянов, ответственный секретарь по партийному контролю капитан А.И. Громаков, помощник начальника политотдела по комсомолу лейтенант Н.В. Стрыгин, заместитель командира роты минометчиков по политической части старший лейтенант А.Н. Бабич. Стрыгин был кроме того выпускником совпартшколы (СПШ) 1935 года. Ленинградское и Ворошиловское военно-политические училища в 1939 г. закончили соответственно заместитель начальника политотдела, инструктор по организационно-партийной работе капитан А.Д. Колчин и заместитель командира 3-го батальона по политической части старший лейтенант Н.Д. Кравцов. Курсы усовершенствования политсостава кадра и запаса (КУПС) в 1940, 1942 гг. и двухмесячные курсы Хабаровского военно-политического училища окончили 7 сотрудников политотдела ¹⁹.

С точки зрения национальной принадлежности, образовательной уровень советских политработников был выше, чем их китайских и корейских товарищей, большинство из которых в прошлом были партизанами, выходцами из крестьян. Об этом, например, писал

в одном из донесений начальнику Политуправления ДВФ генерал-майору Лукашину начальник политотдела 88-й бригады Серёгин: «Считаю вполне своевременным уравнивать в военных званиях русских помощников заместителей командиров по политической части с китайскими заместителями. Такие помощники, как старшие лейтенанты Адамов и Борисов по своему общему политическому и интеллектуальному развитию, а также и в военном отношении, стоят намного выше, чем китайские заместители и фактически именно они направляют и организуют всю партийно-политическую работу в батальоне и руководят своими заместителями. По служебной же категории и по военному положению они сильно приращены»²⁰. В случае, когда политработник из числа китайских военнослужащих имел хорошее образование, он нередко справлялся со своей работой лучше русских коллег. Закончивший университет Цинхуа Фын был «инструктором политотдела по информации, фактически выполнял обязанности агитатора-пропагандиста, организатора радиопередач радиопузла бригады на китайском языке, являлся главным переводчиком политотдела и всей бригады», характеризовался начальником политотдела Серёгиным как «один из наиболее грамотных китайских партизан, проводивших среди них политическую и воспитательную работу»²¹.

Свое право воспитывать бойцов политруки 88-й бригады подтверждали не только теоретической подготовкой, но и знанием военного дела. Так, в августе 1943 г. 12 членов политотдела из числа советских офицеров сдали зачет по девяти дисциплинам боевой подготовки, включая «военную тактику за батальон, устав гарнизонной и внутренней службы, строевой устав, стрельбу из 50-мм ротного миномета, противотанкового ружья, ручного пулемета Дегтярёва, Винтовки Мосина образца 1891/1930 гг., пистолета-пулемета Шпагина, пистолета ТТ», получив средние оценки по всем дисциплинам от 3,8 до 4,5 баллов. Наиболее результативными были стрельбы из ППШ, во время которых 8 политруков показали отличную стрельбу. Наивысших показателей во всех дисциплинах добился старший лейтенант Адамов²².

Начальником политотдела 88-й бригады в январе 1943 г. был назначен майор Серёгин, 1909 г.р., член ВКП(б) с 1930 г., имевший высшее образование, знавший восточные языки, происходивший из рабочих²³. Начальник политотдела работал во взаимодействии с бригадным комиссаром — заместителем командира по политической части 88-й бригады Чжан Шоу Цзяном, которому приказом от 13 ноября 1942 г. было присвоено звание майора Красной армии²⁴.

Все эти люди, преданные коммунистической партии, окружали Ким Ир Сена, составив близкий круг его общения в течение трех лет. Были среди политруков и те, кто работал в непосредственном контакте с будущим вождем северокорейских коммунистов. Это — прежде всего, его заместитель по политической части, член партии КПК с 1932 г. капитан Ань Цзы (корейское имя — Ан Гир)²⁵. Судя по документам партийного учета, Ань Цзы пришел на работу политработника 1-го стрелкового батальона из разведывательного отдела штаба ДВФ, то есть имел опыт разведывательно-диверсионной деятельности. В сентябре 1944 г. был переведен на должность замполита 3-го стрелкового батальона для усиления там партийно-политической работы²⁶. В 1945 г. первый замполит Ким Ир Сена вернулся вместе с ним в Северную Корею и стал членом ЦК Трудовой партии Кореи²⁷.

Приказом от 27 сентября 1944 г. заместителем командира 1-го стрелкового батальона Ким Ир Сена по политической части стал член ВКП(б) с 1940 г., выпускник Хабаровского ВПУ, капитан Степан Григорьевич Мальцев²⁸. Как написано в служебной записке на имя начальника Политуправления ДВФ генерал-майора Лукашина, назначение капитана Мальцева определялось «неимением подходящей кандидатуры на данную должность из среды китайских товарищей» и было согласовано с «начальником РО ДВФ тов. Соркиным и командиром бригады подполковником тов. Чжоу Бао Чжуном»²⁹. Младшим политруком в батальон был назначен кореец, участник партизанского движения, член партии КПК с 1931 г. старший лейтенант Цзин Цзин Ши³⁰.

До прихода в батальон Ким Ир Сена капитан Мальцев был замполитом командира 2-го батальона, который отличался в вопросах военно-политической подготовки «в лучшую сторону» от других подразделений бригады³¹. Ким с уважением относился к своему будущему замполиту и поддерживал его позицию на партийных собраниях. Так, при обсуждении вопроса об итогах военно-политической подготовки батальона зимой-весной 1943 г. капитан Ким Ир Сен заявил: «Тов. Мальцев сказал полностью об итогах в партийной работе. Временами неравномерна. То жарко, то холодно. Также относятся к работе бойцы, командиры, ротные. То активно, то пассивно»³².

Лучшей профессиональной характеристикой Мальцева является его награждение 29 августа 1945 г. Орденом Красной Звезды «за хорошую постановку партийно-политической и воспитательной работы в 1-м стрелковом батальоне, активное участие в агитационно-пропагандистской работе среди личного состава бригады, практическую помощь китайской парторганизации и офицерам-партизанам в их идейно-политическом и военном росте»³³.

Таким образом, в бригаде Ким Ир Сена окружали люди, близкие ему по возрасту (будущему лидеру Северной Кореи в 1943—1945 гг. было немногим более 30), имевшие сходный с ним уровень образования (Ким Ир Сен, как и большинство советских лейтенантов военной поры, в годичный срок закончил курсы военного училища, получив звание офицера), примерно одинаковый партийный стаж (10 лет в 1944 г.). Будущий основатель северокорейского государства был открыт общению и учебе у тех людей, которые его окружали. Сам Ким Ир Сен говорил о них коротко и просто: «Советские люди были нашими братьями»³⁴.

Главное направление деятельности политотдела 88-й бригады состояло в «политическом воспитании офицерского, сержантского и рядового состава»³⁵. Занятия для офицеров именовались «марксистско-ленинской подготовкой», а для рядовых и сержантов — «политическими занятиями». Оба вида учебы проходили в соответствии с общим планом Политуправления ДВФ.

На период осенней партийно-политической учебы в 1943 г. в бригаде было сформировано 27 и 12 образовательных групп для рядового и сержантского состава, а также 7 групп — для офицерского³⁶. Зимой 1943—1944 гг. функционировало 8 учебных офицерских групп по 10—20 чел. в каждой. Отдельные группы с преподаванием на китайском языке были организованы для командиров китайско-корейских батальонов, их заместителей по политчасти, командиров рот и работни-

ков политотдела ³⁷. Одним из слушателей первой китайско-корейской группы был капитан Ким Ир Сен (кит. Цзинь Жи Чен). Вместе с ним занимались его первый и второй заместители по политической части, корейцы капитан Ань Цзы и старший лейтенант Цзынь Цзынь Ши, а также наиболее яркий политработник из числа китайских военнослужащих Фын Чжун Юнь ³⁸.

Что касается китайских и корейских партизан, большинство из которых составляли крестьяне, то их уровень грамотности был очень низким, а иногда вообще равнялся нулю ³⁹.

О том, какая работа по борьбе с неграмотностью велась в 88-й бригаде, известно из выступления политрука Мальцева на 1-й партконференции 88-й ОСБР ДВФ, состоявшейся 15—16 января 1944 года. Он говорил, что «большую работу парторганизация провела по ликвидации неграмотности, но у нас еще имеется 25 неграмотных нанайских и 42 неграмотных китайских товарища. И здесь имеются сдвиги. Многие самостоятельно пишут домой письма, а раньше не умели расписаться» ⁴⁰.

Это замечание подтверждает воспоминания Чжоу Бао Чжуна о большом внимании к языковой подготовке бойцов в бригаде: «Каждый день на работы, тренировки и учебу отводилось по 12 часов, в том числе по три часа на изучение русского или китайского языка» ⁴¹.

Наряду с общеобразовательной составляющей, изучение языка в интербригаде имело военно-политическое значение. Для китайцев изучение русского языка было необходимостью. Для русскоговорящих бойцов выбор китайского языка не всегда было простым решением. Выступая на упоминавшейся уже 1-й партийной конференции 88-й бригады заместитель начальника курсов военных переводчиков старший лейтенант Мануйленко отмечал, что «столкнувшись с трудностями в изучении китайского языка некоторые из курсантов начали подавать докладные об отчислении». Однако «большая работа партийной организации, индивидуальные беседы, беседа с командиром части (Чжоу Бао Чжуном. — *Е.К., М.К.Х.*) дала свои положительные результаты. Сейчас все курсанты живут одним стремлением — овладеть китайским языком» ⁴². Существуют два документа, которые показывают, что вопрос изучения русского и китайского языков в 88-й бригаде решался на самом высоком для данного соединения уровне.

Первый документ — это рапорт командира бригады Чжоу Бао Чжуна от 7 июля 1944 г. на имя начальника разведывательного отдела ДВФ полковника Соркина. В рапорте китайский комбриг сообщал: «Исключительно большую нужду мы испытываем в преподавательских кадрах русского языка для китайских товарищей и китайского языка для русского состава». Обращаясь за «посильной помощью», комбриг положительно отзывается о работе преподавателя китайского языка — старшего лейтенанта административной службы Крупиной, «проявившей себя большим энтузиастом китайского языка, оказавшей большую помощь китайским товарищам в изучении русского языка», ведя две языковые группы в радиобатальоне и стройчасти. В связи с окончанием срока стажировки Крупиной Чжоу Бао Чжун просил прикомандировать ее на постоянную службу в часть в качестве преподавателя и переводчика, а также перевести на работу в качестве преподавателя курсов переводчиков в 88-ю бригаду мужа Крупиной, работавшего в соответствующем качестве во Владивостоке. Ком-

бриг обращал внимание, что сама «Крупина изъявляет большое желание остаться на этой работе»⁴³.

Второй документ — это рапорт начальника политотдела майора Серёгина на имя начальника Политуправления генерал-майора Лукшина с просьбой о перемещении замполита радиороты Ван И Чжи на должность преподавателя китайского языка на курсах военных переводчиков. Решение было принято, несмотря на «категорический запрет» Политуправления ДВФ передавать политработников даже «на командную работу всей номенклатуры без ведома и разрешения Политуправления ДВФ»⁴⁴.

Не будет преувеличением сказать, что изучение китайского и русского языков было поставлено хорошо. Именно здесь, в 88-й ОСБР, как считает А. Балканский, Ким Ир Сен «быстро научился говорить по-русски»⁴⁵. Не случайно в персональной характеристике на капитана Цзинь Жи Чена начальник политотдела 88-й бригады майор Серёгин написал о нем, как о наиболее ответственно подошедшем к изучению русского языка и достигшем наибольших результатов среди корейских товарищей.

Основным вопросом теоретической подготовки в интербригаде был вопрос политического просвещения военнослужащих. Главным документальным источником для проведения политзанятий всех уровней служила книга И.В. Сталина «Об Отечественной Войне Советского Союза», представлявшая собой собрание выступлений, докладов и приказов Наркома обороны за 1941 — март 1943 года. Данный источник иногда конкретизировался путем указания на отдельные наиболее значимые приказы Наркома обороны по Красной армии (№ 306 от 8 октября 1942 г., № 345 от 7 ноября 1942 г., № 95 от 23 февраля 1943 г.).

Очевидно именно на занятиях по марксизму-ленинизму Ким Ир Сен проникся особым уважением и пиететом к Верховному Главнокомандующему, сохранив эти чувства на протяжении всей жизни. Об этом свидетельствуют высказывания и оценки, сделанные вождем Северной Кореи уже на склоне лет: «Советский Союз был могучей державой, которая разгромила фашистскую Германию во Второй мировой войне. То, что он стал такой могучей державой, объясняется тем, что руководство Сталина было правильным и вокруг своего вождя были сплочены партия и народы этой страны»⁴⁶.

Среди работ классиков марксизма-ленинизма к изучению на занятиях офицерского состава рекомендовалась работа В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма»⁴⁷. Выбор данной классической работы Ленина, с точки зрения военной пропаганды, был вполне оправданным и закономерным, поскольку характеризовал войны в новейшую эпоху как империалистические, направленные на передел мира. Вместе с тем, эта работа плохо вписывалась в осуществлявшуюся в это время в стране пропаганду союзнического альянса с государствами, принадлежащими к другой социальной системе, и была трудна для изучения и восприятия.

Данная точка зрения подтверждается весьма характерным отношением к Ленину Ким Ир Сена. Даже в зрелые годы он отдавал предпочтение Сталину, а важнейшую миссию вождя Октябрьской революции усматривал в правильном выборе своего преемника: «После Октябрьской революции народ Советской страны за кратчайший срок

смог превратить ее в мировую державу. Основной фактор успеха в том, что Ленин удачно подобрал своего преемника. Сталин, его верный соратник и ученик, всю жизнь был предан делу своего вождя»⁴⁸. Согласно характеристике, данной Ким Ир Сену в 1948 г., как пишет корейский историк Ки Гван Со, будущий глава северокорейского государства «имел теоретическую подготовку, но к улучшению своего уровня знаний марксизма-ленинизма относился не особенно детально». Возможно это говорит об определенной избирательности Ким Ир Сена при изучении работ классиков коммунистической теории.

Важным направлением политического образования в разведшколе было изучение военного опыта Великой Отечественной войны, значимость которого для курсантов тылового военно-учебного подразделения была особенно велика. «Лучшей школой для подготовки офицерского состава является непосредственное участие в боях, — обращаясь к офицерам 88-й ОСБР, говорил начальник штаба бригады майор Ширинский. — Мы с вами не участвуем в боевых действиях, однако, готовиться воевать с японскими самураями мы должны и обязаны. Для того, чтобы быть на месте своего положения, уметь построить план боя, надо иметь знания. Мы имеем богатейший опыт Отечественной войны, который мы должны впитывать в себя и изучать этот опыт»⁴⁹.

Изучение военного опыта Великой Отечественной войны осуществлялось политруками бригады с учетом особенностей обстановки на фронте и задач управления тыловыми соединениями, частями и учреждениями. Центральной темой политзанятий во всех подразделениях и на всех уровнях политической осенне-весенней учебы 1942—1943 гг. в 88-й ОСБР стала Сталинградская битва. Ее победоносное завершение определило новые подходы политработников к раскрытию всего хода Великой Отечественной войны. Вопрос об «историческом значении победы Красной Армии над немецко-фашистскими захватчиками в районе Сталинграда» рассматривался как «новый этап Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков». В плане военной тактики этот этап характеризовался «овладением в совершенстве искусства воевать зимой», а в стратегическом плане означал «переход инициативы в руки Красной Армии и успешное наступление войск в районе Сталинграда и на Центральном фронте», последующее «истребление всех до единого гитлеровских бандитов и освобождение Советской земли от фашистских захватчиков»⁵⁰.

События, происходившие на советско-германском фронте в 1943 г., осмысливались руководителями Политуправления Дальневосточного фронта как предвестник скорого начала военных действий против Японии. Выступая на 1-й партийной конференции 88-й ОСБР 16 января 1944 г., начальник разведывательного отдела ДВФ полковник Соркина высказал точку зрения о том, что «1944 год станет годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск», подчеркнув тот факт, «что Италия выпала из фашистской оси», и придя тем самым к выводу о близости войны с Японией, «ближайшим союзником фашистской Германии, которая ведет жестокую борьбу против китайского народа, Англии и США на Тихом океане»⁵¹.

Закономерно, что анализ обстановки на действующем фронте сочетался с разъяснением особенностей военно-политической обста-

новки на Дальнем Востоке, связанной с установлением «Японско-фашистского “нового порядка” в Маньчжурии».

«Маньчжурская тема» находилась на постоянном контроле бригадных парторганизаций. Знаменательна в этом смысле реплика начальника штаба 88-й ОСБР: «Задача коммунистов — приступить к изучению вероятного противника. Маньчжурию знать хорошо»⁵². Вопрос о «недостаточном знании бойцами карты» был поставлен на общем партсобрании 1-го стрелкового батальона бригады 5 мая 1943 г. замполитом Мальцевым⁵³. Решением партийного собрания 1-го стрелкового батальона от 20 июля 1943 г. коммунистам Шикову и Пяо Де Шаню было поручено подготовить и сделать доклад для бойцов батальона на тему «Маньчжурия — плацдарм военных действий» не позднее 9 августа 1943 года⁵⁴. Весной 1945 г., когда грядущая война с Японией становилась очевидной для руководства 88-й бригады близкой перспективой, задача «серьезного изучения противника» рассматривалась парторганизацией штаба и управления 88-й бригады как требующая «особого внимания коммунистов»⁵⁵.

Одним из вопросов партийно-политической учебы в системе полторганов ДВФ, в том числе в разведшколе села Вятское, была тема «Война на Тихом океане». «Мы с вами находимся на Дальнем Востоке, — отмечал представитель политуправления ДВФ и непосредственный куратор 88-й ОСБР полковник Соркин, обращаясь к коммунистам соединения, — как будто бы в мирной обстановке, однако, мы должны быть бдительными и ежедневно следить за обстановкой»⁵⁶.

Что касается действий союзных войск на Тихом Океане, то в их оценке присутствовала позитивная тональность. Так, в выступлении на 1-й партконференции 88-й ОСБР 16 января 1944 г. начальник РО ДВФ полковник Соркин говорил о том, что «в последние месяцы Америка провела крупную операцию на острове Новая Британия, что создало условия для нападения союзников на собственно японские острова. Англия начинает разворачивать события против Японии в Бирме, даже японская печать начинает поговаривать о том, что нужно укреплять собственную территорию Японии»⁵⁷.

Вместе с тем, Соркин подчеркивал, что на положительные изменения в ходе войны на Тихом океане «повлияли успехи Красной Армии на советско-германском фронте», а «большая война на Дальнем Востоке, которая безусловно приведет к поражению Японии», еще впереди. Особую роль в этой войне Соркин отводил армии Советского Союза, объясняя это не слабостью союзников, а закономерными интересами СССР как «величайшего государства в мире» в «разрешении тихоокеанской проблемы»: «... мы также должны готовиться к большой войне на Дальнем Востоке, крепить оборонную мощь дальневосточных границ — в этом основная наша задача»⁵⁸. Представитель политуправления ДВФ подчеркивал, что эта общая задача для всего ДВФ определяет «особые задачи» 88-й бригады, «которые вытекают из той роли, которую сыграет она в будущей войне на Дальнем Востоке»⁵⁹.

Из сказанного следует, что о предстоящей войне с Японией руководство ДВФ знало (или предполагало) уже в начале 1944 года.

В ходе теоретического осмысления будущих военных, политических и идейных сдвигов в обстановке на Дальнем Востоке формировалось видение Ким Ир Сенем той «особой задачи», которую он должен

был осуществить вместе со своей «корейской группой». Летом 1945 г. в Москве он разговаривал с А.А. Ждановым. Рассказывая об этой беседе, он сообщил: «Я встречался со Ждановым в Москве летом 1945 года. Жданов спросил, в какой форме помощи нуждается корейский народ в борьбе за государственное строительство после освобождения. Я ответил ему: “Советский Союз вел войну с Германией в течение четырех лет, а впереди большая борьба с Японией. Где вы найдете силы, чтоб помочь нам? Если нам окажут помощь, спасибо за нее, но мы хотим по возможности своими собственными силами построить свою страну. Это, конечно, трудно, но все же считаю, что такой подход правильнее для перспективы на будущее”»⁶⁰. Очевидно уже тогда, накануне войны с Японией, Ким Ир Сен имел свое собственное видение места Кореи в грядущем решении «тихоокеанской проблемы».

Важным направлением партийно-политической работы политорганов ДВФ, в том числе политотдела 88-й бригады, было углубленное изучение вопросов нового Устава Красной армии, а также основных законов и внутреннего распорядка армейской жизни. Изучению нового боевого устава, сформированного на основе приказов Главнокомандующего за номерами 306, 325 и 345, придавалось исключительно важное значение, сам Устав пехоты рассматривался как «гениальное обобщение сталинского опыта Отечественной войны, дальнейшее развитие военного искусства побеждать не числом, а умением»⁶¹.

Для введения нового устава существовали веские основания. Война с широким использованием танков, авиации, артиллерии диктовала свои требования к боевому строю воюющих армий. Уже в ходе боев 1941 — середины 1942 г. вскрылись существенные недостатки боевого построения советских войск, сформированного еще в годы гражданской войны и отраженного в довоенном уставе. Они потребовали своего срочного устранения. Так, в ходе оборонительных боев за Москву вопреки довоенным уставам пришлось строить «более широкие полосы обороны, доходившие до 40—50 километров вместо полагавшихся по довоенным уставам 8—12 километров для дивизий полного штатного состава... Наступательные бои советских войск в первый период войны также проходили в условиях, не предусмотренных довоенной теорией... Боевой порядок дивизии вначале излишне эшелонировался в глубину, поэтому в атаке переднего края вражеской обороны одновременно участвовала только третья часть сил, а остальные силы, по существу не принимавшие участия в боевых действиях, несли неоправданные потери от огня вражеской артиллерии и авиации»⁶².

Особое значение для стрелковых подразделений, частей и соединений Красной армии в данной связи имел рекомендованный к всестороннему изучению приказ Наркома обороны № 306 от 8 октября 1942 г., который внес серьезные изменения в тактику действий в наступательном бою, закрепил новые подходы в построении боевого порядка. Главный смысл этих изменений заключался в значительном усилении огневого и ударного воздействия стрелковых войск на противника в наступательном бою. В «Истории Великой Отечественной войны» 1961 г. издания говорилось: «8 октября 1942 г. Народный комиссар обороны отдал приказ № 306, согласно которому в наступлении боевые порядки стрелковых войск (от роты до дивизии) должны были строиться в один эшелон с небольшим резервом. Основой боево-

го порядка пехоты становилась стрелковая цепь. Это позволяло полнее использовать огневые средства пехоты, наносить врагу более мощный первый удар, быстрее прорывать главную полосу его обороны и тем самым сокращать потери наступающих войск. Основные положения этого приказа были закреплены в Боевом уставе пехоты (БУП-42)»⁶³.

Изучение нового боевого устава бойцами 88-й интербригады имело особую актуальность, поскольку изначально соединение создавалось из участников антияпонского партизанского сопротивления. Бывшие маньчжурские партизаны не знали никакого военного устава, в том числе Полевого устава РККА. Они не только не были обучены современным принципам ведения войны, но зачастую могли пренебрегать требованиями дисциплины.

Языковой барьер в общении китайских и советских военнослужащих приводил к возможности уклонения от выполнения приказов командиров «не своей национальности», к снижению дисциплины в соединении и, как результат, — трениям в межнациональном общении.

Протокол июльского 1943 г. собрания парторганизации 1-го стрелкового батальона раскрывает реальные проблемы, с которыми столкнулось подразделение и его командир Ким Ир Сен. Протокол сообщает, что «вражды между национальностями не было», однако «были случаи попыток русских бойцов не выполнять приказания китайских командиров», а китайских бойцов — советских командиров. Китайские коммунисты «приступали к работе только после “обсуждения” приказов русских младших командиров»⁶⁴. Возникшая проблема вызывала недовольство младших командиров и бойцов из числа русскоязычного состава, высказывавшихся по этому поводу достаточно резко как в частных беседах, так и на собрании. Например, командир отделения сержант Оненко «заявлял на сборах снайперов, о том, что он не знает, что будет делать, когда к нему пошлют китайцев». «Красноармейцы Яковец и Авдонов спрашивали, “как им воевать, если китайцы их не понимают”»; боец 1-го стрелкового батальона «кандидат в члены ВКП(б) товарищ Тумали (нанаец по национальности. — *Е.К., К.Х.М.*) проявлял недоверие китайским товарищам в несении гарнизонной службы из-за незнания ими устава»⁶⁵.

Факты уклонения от выполнения приказов рядовыми бойцами сопровождались неуверенным применением командирами дисциплинарных наказаний в отношении бойцов-нарушителей из числа «не своей» национальности. Источник сообщает, что «были случаи, когда русские командиры стеснялись накладывать взыскание на своих подчиненных китайцев, и наоборот, китайские командиры на русских»⁶⁶.

Иногда вопрос лежал в плоскости простой халатности, возникавшей на почве нежелания русских вникать в «китайскую грамоту». Любопытен в этом смысле эпизод, рассказанный на партийном собрании 1-го стрелкового батальона в июне 1943 г. китайским политруком Пяо Дэ Шанем. С плохо скрываемой обидой он решил «напомнить один случай» о том, как в столовой был украден кусок сала китайским бойцом Ван Цин Ханом. Это заметил дежурный по столовой китаец Сюй Чже и попытался сообщить о происшествии старшему по столовой русскому сержанту Яшуткину. Однако, последний «не стал даже разговаривать» с Сюй Чже, заявив «что все равно с тобой не разобраться»⁶⁷. В итоге, как следует из рассказа китайского

политрука, один из китайских бойцов не был наказан, а второй — был обижен.

Случай в столовой осудили. Коммунист Иванов заявил: «... у нас есть отдельные товарищи русские, которые недооценивают китайских товарищей, что они мол ничего не понимают. Это, конечно, не хорошо, надо изжить эти недостатки»⁶⁸. Однако «изживание недостатков» оказалось делом достаточно сложным и затянулось более, чем на полгода.

Об этом говорит обсуждение вопроса о дисциплине на январской 1944 г. 1-й партийной конференции 88-ой ОСБР. Майор Ширинский отмечал «скачки в дисциплинарной практике», «варварское отношение к оружию»; об «имеющих место нарушениях дисциплинарной практики, главным образом, за счет 1-го и 2-го батальонов, а также курсов переводчиков» говорил помощник начальника политотдела по комсомолу старший лейтенант Стрыгин; на «отдельные случаи нарушения воинской дисциплины» обращал внимание помощник заместителя командира 2-го батальона по политчасти старший лейтенант Адамов⁶⁹. Наиболее критическим было выступление начальника особого отдела 88-й ОСБР подполковника Арбузова: «Наши люди разбалтывают военную тайну на работе, на охоте, в селе Вятское и Сикачи-Алян. Население, проживающее поблизости с нашей частью, знает больше, чем мы с вами, потому что парторганизация не занимается подготовкой людей при посылке их на отдельные работы (рыбалку, охоту) и не предупреждает их о сохранении военной тайны»⁷⁰.

Судя по дальнейшим событиям, недостатки в дисциплине стали причиной весьма тяжелых последствий, о чем пишет в книге «Смерш: исторические очерки и архивные документы» генерал-лейтенант В.С. Христофоров: «... начальник Управления контрразведки “Смерш” Дальневосточного фронта генерал-майор А.И. Чесноков в докладной записке руководству главка с тревогой сообщал о засоренности закордонной сети разведорганов Дальневосточного фронта японской агентурой... В 88-ой отдельной (китайской) стрелковой бригаде Дальневосточного фронта обстановка настолько осложнилась, что руководство ГУКР “Смерш” НКО СССР 6 апреля 1944 г. было вынуждено информировать об этом Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина»⁷¹.

Преодоление обозначенных негативных явлений в бригаде осуществлялось, прежде всего, на основе привычного для политотдела политического просвещения бойцов, воспитания в них сознательного отношения к вопросам воинской чести, воинских символов и ритуала.

Серьезные проступки сопровождались обсуждением поведения бойцов-коммунистов на партийных собраниях. Так, на июльском 1943 г. партсобрании 1-го стрелкового батальона обсуждался весьма серьезный, с точки зрения военного времени, проступок кандидата в члены ВКП(б) Тумали в связи «с утратой им документации взвода». «За данный поступок бойца Тумали, — было записано в протоколе собрания, — нашу парторганизацию критиковали в газете Дальневосточного фронта “Тревога” за 18 июля 1943 г.», поскольку «оставив документы на берегу, Тумали дал врагу необходимые данные о части»⁷². Следует отметить, что наказание, вынесенное бойцу за халатность, по временам военного времени было достаточно мягким — исключение из кандидатов в члены ВКП(б). Впоследствии старший сержант 88-й

ОСБР А.Е. Тумали, был принят в партию, участвовал в боях с Японией в составе 2-го ДВФ и был награжден медалью «За боевые заслуги»⁷³.

Источник сообщает и о более жестких примерах наказания в бригаде, например, об осуждении 6 чел. из числа военнослужащих за воровство⁷⁴. Наибольший интерес с точки зрения понимания партийно-политической жизни в 88-й ОСБР вызывает предпринятая попытка решить дисциплинарные, другие возможные сложности и вопросы путем упразднения действовавшей в бригаде наряду с партийной организацией ВКП(б) партийной организации КПК.

Дело в том, что на протяжении всего периода существования 88-й ОСБР в бригаде работали две первичные партийные организации — ВКП(б) и КПК. Составившие костяк 88-й интербригады китайские и корейские коммунисты сохранили свое членство в Коммунистической партии Китая, работа первичных организаций КПК в бригаде продолжалась, велась своя партийная документация, переданная после расформирования бригады китайской стороне. Проводились также общие партийные собрания представителей двух партий, что всегда отмечалось в протоколе. Например, протокол № 6 сообщает о состоявшемся 3 ноября 1942 г. собрании партийных организаций ВКП(б) и КПК, где от ВКП(б) присутствовало 2 человека, от КПК — 12⁷⁵. Присутствие китайских командиров-коммунистов на заседаниях бригадных первичных партийных организаций ВКП(б) всегда отмечалось отдельной строкой, в которой китайские коммунисты обозначались как приглашенные гости. Так, на 1-й партийной конференции ВКП(б), проходившей 15—16 января 1944 г., «22 человека присутствовали с гостевыми билетами, из которых 12 китайских товарищей членов китайской компартии во главе с командиром бригады подполковником Чжоу Бао Чжуном и его заместителем — Чжан Шоу Цзяном»⁷⁶. На этой конференции и было озвучено предложение об изменении практики «двухпартийной системы» в бригаде.

Выступая на 1-й партконференции 15 января 1944 г., заместитель командира тогда еще 2-го стрелкового батальона по политической части старший лейтенант Мальцев сказал: «У нас существует две партийных организации — ВКП(б) и Китайская компартия, однако, надо пересмотреть мнение о том, что не нужно взаимно вмешиваться в работу. Часто на партийных собраниях решаются не одинаковые вопросы, хотя задачи перед нами стоят одни и те же, поэтому командиру батальона трудно руководить. Я думаю, не нужно бояться друг друга — больше взаимности в работе, больше брать на себя ответственности по воспитанию коммунистов компартии Китая. Считаю, что некоторые методы совместной работы уже устарели, их надо пересмотреть в направлении теснейшей связи в работе»⁷⁷.

Попытка нивелировки ради «пользы дела» партийной организации КПК в 88-й бригаде была приостановлена полковником Соркиным на той же партконференции. Как следовало из его ответа «некоторым выступающим, которые говорили, что наличие двух парторганизаций — это помеха в деле», разведывательный отдел ДВФ считал такой подход «абсолютно неправильным», утверждая, что «существование двух партийных организаций... не может быть помехой», что «нужно иметь только большую взаимосвязь в работе этих двух партийных организаций»⁷⁸. Иными словами, позиция РО ДВФ по вопросу о

первичной партийной организации КПК в 88-й ОСБР состояла в том, что китайская компартия должна в бригаде существовать. Такое положение вещей, возможно, рассматривалось Советским руководством как основа позитивного решения не только текущих межнациональных отношений в бригаде, но и будущих государственно-политических отношений СССР и Китая.

Завершая рассмотрение данного вопроса, заметим, что формирование дисциплинированного, вышколенного, с точки зрения несения военной службы, 1-го стрелкового батальона, далось капитану Ким Ир Сену не легко, потребовав от него настойчивости, принципиальности и терпения в «проведении дисциплинарной практики». Слова начальника РО ДВФ полковника Соркина о том, что в 88-й интербригаде «строить воспитательную работу намного труднее, чем в других частях Красной Армии, но большевики должны преодолеть эти трудности и честно выполнять свои обязанности по воспитанию всего личного состава»⁷⁹, были восприняты Ким Ир Сенем всерьез и доведены до исполнения.

Приведенные факты реальных трудностей в формировании военного подразделения из числа бойцов разных национальностей, образования, культурных традиций, воинской подготовки, включая партизанскую вольницу, позволяют рассматривать бравурную оценку А. Балканского по поводу того, что «Ким Ир Сен быстро сплотил вокруг себя корейцев, которые беспрекословно подчинялись ему»⁸⁰, как ограниченную. Руководя 1-м стрелковым батальоном 88-й ОСБР, Ким Ир Сен прошел, в первую очередь сам, постепенную, но глубокую перестройку из полевого командира в командира Красной армии. Столкнувшись со многими трудностями, он научился работать с непростым коллективом, оценил достоинства армейской дисциплины и субординации, осмыслил роль самостоятельной партийной организации; «у начальства он был на хорошем счету»⁸¹, всецело подтверждая данную ему еще летом 1942 г. командиром 88-й бригады Чжоу Бао Чжуном характеристику как «самого хорошего военного руководителя среди корейских товарищей».

За 1942—1945 гг. учебная база 88-й отдельной бригады дважды подвергалась инспекторским проверкам Политуправления ДВФ. В нашем распоряжении имеются документы первой из «поверок», проходившей в декабре 1943 года. Документ в целом высоко оценивает результаты политической учебы и проведенной политруками работы с рядовыми, сержантами и командирами бригады. Проверяющие отметили «глубокое понимание исторических сталинских документов из книги “О Великой Отечественной войне Советского Союза” всем личным составом бригады», «большую работу, проделанную политработниками, по разъяснению материалов сталинской книги неграмотным и малограмотным, рядовому и сержантскому составу путем бесед, докладов наглядной агитации, помещенной как в ленинских комнатах, так и в жилых помещениях». В документе указывалось на «высокое морально-политическое состояние всего личного состава бригады», «искреннее восхищение по поводу славных побед Красной Армии над немецко-фашистскими захватчиками», «любовь и преданность к великому вождю всего советского народа товарищу Сталину»⁸².

Проверка семи офицерских групп показала хорошую подготовку слушателей в пяти группах, в одной — посредственную и в одной —

плохую. «Отличные знания показали офицеры Остриков, Еремченко, Бычков, Фэгин, Малышев, Мун, Цзынь Жи Чен, Цзынь Цзынь Ши, Юй Ба Хэ, Шан Тай Мань, Ян Цин Хай»⁸³. Заметим, что имя Ким Ир Сена была написано с ошибками, как и имя его младшего политрука Цзинь Цзинь Ши. Вместо Цзинь Жи Чен проверяющие из Владивостока написали Цзы Цза Чен, а имя младшего политрука выглядело как Цзы Цза Ши. Этот факт говорит о том, что Ким Ир Сен и его имя в это время не были знакомы советским проверяющим из вышестоящих органов. Капитан был одним из отличников партучебы, но не более того.

Это подтверждает корейский ученый Ки Гван Со, который отмечает, что даже осенью 1945 г. Ким Ир Сен был мало известен среди советского военного руководства Дальнего Востока. Исследователь приводит в качестве примера воспоминания полковника ДВФ В. Кучумова, на которого во время деловой встречи 19 сентября 1945 г. произвел приятное впечатление молодой корейский военный с отличной выправкой. Только некоторое время спустя, посещая Пхеньян, высокопоставленный советский военный узнал, что беседовал с будущим главой Северокорейского государства.

Проведенный анализ источников позволяет говорить о том, что осуществлявшаяся в 1942—1945 гг. в 88-й интернациональной ОСБР партийно-политическая работа была нацелена на решение жизненно важной для страны задачи — борьбы за победу над Германией, а затем — Японией. Процесс идеологической подготовки бойцов бригады велся на достаточном профессиональном уровне, соответствовал духу эпохи, был адекватен запросам военного времени и достигал поставленной цели воспитания мужественного бойца, презирающего смерть, беспощадного к врагу. Об этом свидетельствует, в частности, готовность командиров и бойцов тыловой военной базы отправиться на передовую советско-германского фронта. Так, заместитель командира по политчасти китаец Чжан Шоу Цзяна на 1-й партийной конференции 88-й ОСБР от имени всех присутствовавших там командиров бригады китайской национальности сказал: «Мы заверяем парторганизацию ВКП(б), что под знаменем Ленина — Сталина сплотим всех китайских коммунистов и беспартийных, отдадим все силы, а если надо и жизнь за наше социалистическое отечество — Советский Союз»⁸⁴.

Думается, слова Чжан Шоу Цзяна не были простым ритуальным славословием. Документы сообщают о попытках многих военнослужащих, включая корейцев и китайцев, получить разрешение воевать на советско-германском фронте, а не «отсиживаться» в тылу. Вот, как об этом вспоминал уже в пожилом возрасте вождь Северной Кореи: «... наша учебная база горела страстным желанием участвовать в войне»⁸⁵. О желании военнослужащих 88-й ОСБР воевать говорил на 1-й партконференции бригады начальник РО ДВФ Соркин: «Среди товарищей имеются неправильные мнения о том, что судьба нашей Родины решается там, в борьбе против фашистской Германии, а мы здесь отсиживаемся в мирной обстановке, не принимая непосредственного участия. И многие стараются попасть на фронт. Это хорошее чувство, но оно — неправильное, ибо оно исходит из непонимания тех задач, которые стоят перед войсками Дальневосточного фронта... — готовиться к большой войне на Дальнем Востоке, крепить оборонную мощь дальневосточных границ»⁸⁶.

Проводившаяся в бригаде предметно-теоретическая подготовка кадров разведчиков-диверсантов, позволяет сделать определенные выводы о военно-стратегических планах, находившихся в центре интересов РО ДВФ. Настойчивое изучение китайского языка, использование китайских имен для всех участников маньчжурского сопротивления, включая корейцев, а также китайского языка наряду с русским как средства межнационального общения, поддержка в том или ином виде компартии Китая, наконец, наименование бригады «китайской» — все это говорит о ярко выраженной китайской составляющей в этой работе. Приоритет изучения Китая (Маньчжурии) в учебном процессе Хабаровской разведывательно-диверсионной школы объяснялся рядом обстоятельств, прежде всего, подготовкой к грядущей войне с Квантунской армией и, тем самым, участием в решении, как пишет источник, «Тихоокеанской проблемы». С точки зрения Советского руководства, это предполагало обеспечение геополитической и военно-стратегической безопасности дальневосточных границ СССР. Очевидно решение соответствующей проблемы мыслилось на основе паритетных и взаимовыгодных союзнических соглашений СССР с двумя великими западными державами.

Следует обратить внимание, на то, что корейская тема в материалах курсов, учебных планах, в работе по интернациональному воспитанию не присутствовала, а так называемый китайский состав бригады включал в себя и значительное количество корейских бойцов. Советское военное руководство, позиция которого была выражена начальником Разведотдела ДВФ полковником Соркиным, рассматривала требование «крепить национальную дружбу» в аспекте «отношений китайских и русских товарищей»⁸⁷, то есть «растворение» корейцев среди китайцев воспринималось ПУ ДВФ и политотделом 88-й бригады как нечто само собой разумеющееся и не требующее изучения «деталей».

Казалось бы, отсутствие корейского аспекта в интернациональной работе бригады можно объяснить сложившимся положением вещей: корейские партизаны влились в 88-ю бригаду, находясь в составе маньчжурских партизан и являясь на тот момент членами КПК. Тем не менее, данное обстоятельство вызывает недоумение, поскольку «работа с национальностями» в бригаде велась не только с китайцами, но и с входившими в состав бригады коренными народами Дальнего Востока из числа советских граждан — нанайцами, нивхами, удэгейцами. Например, «коммунистам Зорину, Ряписову, Шейбаку и Гринкевичу» решением партсобраний было поручено помогать «в разъяснении приказа Сталина № 95 алтайским коммунистам»⁸⁸; комсомольским бюро 2-го стрелкового батальона «на родных ульчейском и эвенкийском языках была организована работа с несоюзной молодежью» из числа малограмотных эвенков и ульчей⁸⁹; «кандидат в члены ВКП(б) А.Н. Александров проводил беседы по книге тов. Сталина на родном ульчейском языке для бойцов ульчей; кандидат в члены ВКП(б) М. Баер вел такую же работу на эвенкийском языке для бойцов эвенков»⁹⁰. Данное обстоятельство, говорит, на наш взгляд, о том, что тема Кореи в период с 1942 до конца лета 1945 г. в стратегическом плане находилась вне сферы интересов Советского руководства.

Сделанный нами вывод перекликается с точкой зрения известной американской исследовательницы проблемы раздела Кореи и

Корейской войны (1950—1953 гг.) профессора Кэтэрин Вежерсби, которая утверждает, что летом и, возможно, осенью 1945 г. «две великие державы (СССР и США. — *Е.К., М.К.Х.*), совместно освободившие Корею, прежде всего, были озабочены будущим Японии, причем, для Москвы эта озабоченность дополнялась вопросом возвращения позиций России в Маньчжурии до 1905 г.»⁹¹.

Сделанные выводы позволяют реконструировать некоторые стороны «советского периода» в жизни Ким Ир Сена, связанные с его пребыванием в 88-й ОСБР.

Ким Ир Сен пришел в бригаду вполне сформировавшимся в личном и политическом плане человеком: за его плечами был большой опыт партизанской борьбы и десятилетний стаж членства в коммунистической партии Китая. То есть, командир 1-го стрелкового батальона 88-й ОСБР относился к числу тех маньчжурских партизан в бригаде, которые, по словам полковника Соркина, имели «большой опыт борьбы с японскими захватчиками, хорошо знали обстановку и театр будущих военных действий», поэтому не только могли, но и даже были «обязаны этот свой опыт и знания передавать русским товарищам»⁹².

Ким Ир Сен, как и другие партизаны, попал в 88-ю ОСБР при весьма тяжелых обстоятельствах. Успешно осуществлявшаяся Японией зачистка Манчжурии от партизанских формирований поставила участников антияпонского сопротивления перед фактом их физического уничтожения. Помощь СССР в форме создания интернационального военного соединения не только дала китайско-корейским партизанам возможность выжить, но и сохранила за ними статус бойцов и командиров, активных участников антияпонского сопротивления. Общность идеологий, целей, желание победить врага «единого социалистического Отечества», просто человеческая благодарность порождали особые товарищеские отношения среди бывших маньчжурских партизан и советских военнослужащих.

Совокупность всех названных выше обстоятельств сделала будущего лидера Северной Кореи открытым идейно-политическим влияниям, которые он испытывал в ходе партийно-политической учебы в 88-й ОСБР. Это — с одной стороны. С другой, — Ким Ир Сен не был простым потребителем сообщаемой ему политработниками партийно-пропагандистской информации.

Так, именно в бригаде, Ким Ир Сен проникся глубоким интересом к коммунистическим идеям в их сталинском прочтении. Понятная каждому бойцу пропагандистская четкость и действенность сталинских приказов, как нам кажется, восхищала Ким Ир Сена, пробуждая в нем желание походить на советского Генералиссимуса. Поэтому, возвратившись на родину, Ким Ир Сен стремился позиционировать себя, прежде всего, как успешного военачальника, победителя, полководца, заставляющего «дрожать реакционные элементы»⁹³. Вот как писала о нем газета «Нодон синмун» 10 октября 1945 г.: «Несколько дней тому назад полководец Ким Ир Сен, который боролся за освобождение Кореи и тем самым угрожал корейскому империализму, возвратился на Родину во главе своего многочисленного отряда... Полководец Ким Ир Сен в недавнем прошлом проводил в Москве обучение войск, которые будут принимать участие в революции в Корее»⁹⁴.

Безусловно, Ким Ир Сен высоко ценил опыт своей собственной «перековки» из полевого командира в кадрового военного. Именно «высокая самооценка» Ким Ир Сена как кадрового военного, признание им роли военной дисциплины, принципа армейской субординации предопределили его особое внимание в будущем к формированию Северокорейской армии и созданию государства по военным, а не по гражданским лекалам. Роль дисциплины в воспитании из крестьянина военного была воспринята им как важное условие не только армейского, но и государственного строительства.

Именно тогда, испытывая восхищение победами Красной армии на советско-германском фронте, изучая сталинские произведения и впитывая положения советской политической пропаганды о «несокрушимом могуществе Советского Союза»⁹⁵, Ким Ир Сен пришел к выводу, о «безграничности», в определенном смысле, возможностей Сталина и руководимой им «красной машины» и, как следствие, — недооценил роль и возможности западных союзных держав. Данный вывод определил пятью годами позже наступательную позицию Ким Ир Сена в вопросе развязывания Корейской войны, а затем — его разочарование отказом Сталина «поддержать» северокорейских коммунистов силами наземных войск действующей Советской армии. Между тем, Сталин, исходивший из принципа «соотношения сил», оставаясь на всех поворотах истории политическим прагматиком, «подспудно» понимал слабости СССР, «особенно по части экономического и пропагандистского соперничества с Западом»⁹⁶, а значит, и действовал сообразно этому своему пониманию.

Был в деятельности политорганов 88-й бригады и аспект, который воспринимался Ким Ир Сенем критически, повлияв тем самым на его отношение в определенный период к компартии Китая. Речь идет об односторонней политике интернациональной дружбы, состоявшейся во всестороннем выпячивании китайской темы (партизан, языка, партии), проводившейся политотделом 88-й интербригады с молчаливого согласия ее китайского состава. Такая политика не могла не вызвать скрытого до поры несогласия со стороны Ким Ир Сена и его корейской группы.

Общеизвестно, что в коммунистическом движении Ким Ир Сен оказался в силу его борьбы против японской оккупации Кореи, рассматривая идеологию коммунизма как наиболее эффективную в борьбе с японским империализмом. Соответственно в КПК Ким Ир Сен пришел для усиления сил корейского антияпонского сопротивления за счет объединения с китайскими товарищами. Однако отсутствие самостоятельного коммунистического движения в Корее объективно превращало корейский вопрос в составную часть «китайской политики» ВКП(б). Пребывание в бригаде убедило Ким Ир Сена в том, что такое положение вещей требовало своего пересмотра. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, и привело к прекращению членства Ким Ир Сена и его группы в КПК осенью 1945 года.

Разгром Японии в августе 1945 г. и освобождение Кореи дали возможность Ким Ир Сenu и его единомышленникам, сослуживцам из корейского состава 88-й ОСБР, активно взяться за формирование корейской компартии, что, в свою очередь, позволяло напрямую об-

ращаться к советскому партийному руководству от имени корейского народа «за советом» и помощью «в борьбе за государственное строительство после освобождения»⁹⁷.

Естественно возникает вопрос, не получил ли Ким Ир Сен соответствующую директиву со стороны заинтересованных органов, находясь в 88-й ОСБР? Источник не дает каких-либо однозначных ответов на этот вопрос. С полной уверенностью можно утверждать лишь об «отсутствии интереса» к фигуре капитана Цзинь Жи Чена со стороны 88-й ОСБР в период с 1942 до лета 1945 года.

При изучении более 400 страниц ранее совершенно секретных документов архива политотдела 88-й ОСБР за указанный период имя служившего в бригаде командира 1-го батальона Ким Ир Сена встретилось только три раза. Первый раз — среди участников обсуждения доклада «Об итогах партийно-политической учебы за период зимы 1943 г. и о задачах на май месяц 1943 г.» на общем партийном собрании 1-го стрелкового батальона 5 мая 1943 г.; второй раз — среди слушателей группы по изучению марксизма-ленинизма в январе 1943 г.; третий раз — среди имен отличников занятий по марксизму-ленинизму в документах итоговой инспекционной проверки Политуправления ДВФ за январь 1944 г., где оно было написано неправильно. Как это часто бывает, проверяющие русские, для которых китайские и корейские имена обычно трудны в восприятии, написали его имя, как и имя его сослуживца с двумя ошибками.

Иными словами, имя Ким Ир Сена, или как его называли на китайский манер Цзинь Жи Чена, «не мелькало» на страницах документов 88-й ОСБР, как, например, имена командира бригады Чжоу Бао Чжуна и его заместителя Чжан Шоу Цзяна, а, если и упоминалось, то Ким Ир Сен фигурировал в них как один из военнослужащих. Логично предположить, что ни он сам, ни его статус в советских военно-политических структурах не был каким-то особенным. Учитывая отсутствие интереса к корейскому вопросу у советских разведывательных служб в 1942 г. — летом 1945 г., проблема готовившейся миссии Ким Ир Сена в Северной Корее повисает в воздухе.

Что выдвинуло Ким Ир Сена на первый план в борьбе за политическое лидерство в Северной Корее? Это вопрос — требующий дополнительного изучения. Безусловно, большую роль в его становлении сыграла служба в составе 88-й отдельной стрелковой бригады Дальневосточного фронта. Однако, как показывает данное исследование, это не было результатом деятельности «красной вербовочной машины» на военной базе с. Вятское Хабаровского края, а стало факторами идейно-политического и персонально-личностного развития этого сильного и самостоятельного политика.

Примечания

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), ф. 1896, оп. 1, д. 2, л. 4.
2. Там же, ф. 238, оп. 1585, д. 45, л. 270.
3. Цит. по: ИВАНОВ В.И. В тылах Квантунской армии: Правда о 88-ой китайско-корейской бригаде Дальневосточного фронта. М. 2009, с. 85.

4. ШЕНЬ ЧЖИХУА. 88-я бригада и советско-китайско-корейские трехсторонние отношения — взгляд на объединенный антифашистский фронт во время Японо-китайской войны. В кн.: Проблемы Дальнего Востока. М. 2015, с. 112, 117.
5. Там же, с. 112, 121.
6. ГОРБУНОВ Е.А. Наши партизаны в Маньчжурии. — Независимое военное обозрение. 2006. 20 января. http://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/01/19/nashi_partizany_v_man_chzhurii.
7. ШЕНЬ ЧЖИХУА. Ук. соч., с. 113.
8. ЦАМО РФ, ф. 1896, оп. 1, д. 2, л. 112—115об.
9. Полевой устав РККА (ПУ-1939). М. 1939. <http://www.rkka.ru/docs/real/pu39/2.htm>.
10. ЦАМО РФ, ф. 1896, оп. 2, д. 1, л. 1.
11. Там же.
12. В бригаде все корейцы носили китайские имена. Имя Ким Ир Сена звучало как Цзинь Жи Чен.
13. ЦАМО РФ, ф. 1896, оп. 2, д. 1, л. 1.
14. Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Т. 10. Государство, общество и война. М. 2014.
15. ЦАМО РФ, ф. 1896, оп. 2, д. 1, л. 1.
16. Великая Отечественная война 1941—1945 годов, т. 10.
17. ЦАМО РФ, ф. 1896, оп. 2, д. 1, л. 1.
18. Там же, д. 2, л. 15; оп. 1, д. 3, л. 41.
19. Там же.
20. Там же, д. 5, с. 13.
21. Там же, оп. 2, д. 3, с. 13.
22. Там же, д. 1, л. 37.
23. Там же, оп. 1, д. 3, л. 46об.
24. Там же, оп. 2, д. 1, л. 2.
25. БАЛКАНСКИЙ А. Ким Ир Сен. М. 2011, с. 68. В книге Ань Цзы именуется Ан Гир.
26. ЦАМО РФ, ф. 1896, оп. 2, д. 2, л. 11.
27. ВКП(б), Коминтерн и Корея. 1918—1941 гг. М. 2007, с. 743.
28. ЦАМО РФ, ф. 1896, оп. 1, д. 3, л. 12об.; оп. 2, д. 2, л. 11
29. Там же, оп. 1, д. 3, л. 16.
30. Там же.
31. Там же, оп. 2, д. 3, л. 169.
32. Там же, оп. 1, д. 10, л. 30.
33. Подвиг народа. 1941—1945. Люди и награждения. Сайт Министерства Обороны РФ. <http://podvignaroda.ru/?#id=46172061&tab=navDetailManAward>.
34. БАЛКАНСКИЙ А. Ук. соч., с. 69.
35. ЦАМО РФ, ф. 1896, оп. 1, д. 3, л. 144об.
36. Там же, л. 169, 171.
37. Там же, оп. 2, д. 1, л. 25.
38. Там же.
39. Док. № 254. Доклад Цзинь Жи Чена (Ким Ир Сена) и других представителей Наньманьского партийного комитета КПК. Хабаровск, 1 января 1941 г. В кн.: ВКП(б), Коминтерн и Корея. 1918—1941 гг. М. 2007, с. 741.
40. ЦАМО РФ, ф. 1896, оп. 1, д. 5, л. 5.
41. КОНСТАНТИНОВ Г.Д. Особая интернациональная: 88-я отдельная стрелковая бригада Дальневосточного фронта. Хабаровск. 2015, с. 119.
42. ЦАМО РФ, ф. 1896, оп. 1, д. 5, л. 8.
43. Там же, д. 3, л. 22.
44. Там же, л. 40.
45. БАЛКАНСКИЙ А. Ук. соч., с. 69.
46. Ким Ир Сен о Сталине. <http://korealife.do.am/publ/30-1-0-244>.
47. ЦАМО РФ, ф. 1896, оп. 1, д. 3, л. 67.
48. Говорит Ким Ир Сен. http://juche-songun.ru/joomla/index.php?option%3Dcom_content%26view%3Darticle%26id%3D1061:2012-04-28-08-04-51%26catid%3D1:latest-news%26Itemid%3D50.
49. ЦАМО РФ, ф. 1896, оп. 1, д. 5, л. 5.

50. Там же, д. 3, л. 66, 69.
51. Там же, д. 5, л. 9.
52. Там же, д. 10, л. 100.
53. Там же, д. 6, л. 29.
54. Там же, л. 49.
55. Там же, л. 61.
56. Там же, д. 5, л. 9.
57. Там же, л. 10.
58. Там же.
59. Там же.
60. Говорит Ким Ир Сен.
61. ЦАМО РФ, ф. 1896, оп. 1, д. 3, л. 67.
62. История Великой Отечественной войны Советского союза 1941—1945 гг. Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. — ноябрь 1942 г.). М. 1961, с. 616.
63. Там же.
64. ЦАМО РФ, ф. 1896, оп. 1, д. 10, л. 47об.—48об.
65. Там же, л. 48—48об.
66. Там же, л. 48.
67. Там же, л. 47об.
68. Там же.
69. Там же, д. 5, л. 5, 7, 8.
70. Там же, л. 8—9.
71. Смерш. Исторические очерки и архивные документы. М. 2010, с. 244—245.
72. ЦАМО РФ, ф. 1896, оп. 1, д. 10, л. 49—50.
73. Тумали Александр Егорович, 1911 г.р., ст. сержант 88-й ОСБР 2-го ДВФ, награжден медалью «За боевые заслуги» за то, что «Активно принимал участие в подготовке кадров для борьбы с японскими империалистами, был отличником боевой подготовки». Подвиг народа. Официальный сайт МО РФ. <http://podvignaroda.ru/?#id=40177663&tab=navDetailManAward>.
74. ЦАМО РФ, ф. 1896, оп. 1, д. 5, л. 9.
75. Там же, д. 10, л. 8.
76. Там же, д. 5, л. 2.
77. Там же, л. 4.
78. Там же, л. 16.
79. Там же.
80. БАЛКАНСКИЙ А. Ук. соч., с. 70.
81. Там же.
82. ЦАМО РФ, ф. 1896, оп. 2, д. 3, л. 170, 268.
83. Там же, л. 170.
84. Там же, оп. 1, д. 5, л. 7.
85. Говорит Ким Ир Сен.
86. ЦАМО РФ, ф. 1896, оп. 1, д. 5, л. 14.
87. Там же, л. 15.
88. Там же, д. 6, л. 6.
89. Там же, оп. 2, д. 3, л. 179.
90. Там же, л. 174.
91. WEATHERSBY K. The Soviet Role in the Division of Korea, 1945—46. The Division of Korea and the Korean War. International Conference of the Korea Ear Archive Project. Seoul. 2015, p. 9.
92. ЦАМО РФ, ф. 1896, оп. 1, д. 5, л. 15.
93. Там же, ф. 32, оп. 11306, д. 604, л. 183.
94. Там же.
95. Там же, ф. 1896, оп. 1, д. 5, л. 13.
96. ПЕЧАТНОВ В.О. От союза — к вражде (советско-американские отношения в 1945—1946 гг.). В кн.: Холодная война. 1945—1963 гг. Историческая ретроспектива. М. 2003.
97. Говорит Ким Ир Сен.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201809Shkola01

ББК 63.3(47)53/УДК 94(497)«191»И861

Экономические корни геополитики (на примере Балкан)

П.А. Искендеров

Аннотация. Материал посвящен анализу состояния транспортной и горнодобывающей инфраструктуры на Балканах в конце XIX — начале XX века. В центре внимания находятся планы сербского руководства по хозяйственному использованию земель Косово в условиях обострения международной напряженности в Европе накануне первой мировой войны. Работа базируется на неопубликованных архивных документах.

Ключевые слова: Россия, Балканы, Сербия, Албания, Косово, Черногория, Османская империя, великие державы, международные отношения, экономика, полезные ископаемые, железные дороги.

Abstract. The material is devoted to the transport and mining structure in the Balkans at the beginning of the XX century. The author pays particular attention to Serbia's plan to incorporate Kosovo land into her economic system in context of the diplomatic tensions in Europe on the eve of World War I. The research is based on unpublished diplomatic documents.

Key words: Russia, the Balkans, Serbia, Albania, Kosovo, Montenegro, Ottoman Empire. Great Powers, international relations, economics, mineral resources, railways.

Экономические факторы межгосударственной конкуренции являются одной из ключевых составляющих всемирного исторического процесса. Это касается как традиционной борьбы за месторождения полезных ископаемых и рынки сбыта продукции, так и реализации инфраструктурных проектов регионального и трансконтинентального значения.

В рамках преподавания указанной темы школьного курса истории представляется важным акцентировать внимание учащихся на следующих узловых моментах.

Первое. Место рассматриваемого региона в общей системе международного разделения труда.

Искендеров Пётр Ахмедович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, главный редактор журнала «Вопросы истории». E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

Iskenderov Petr A. — M.A., senior researcher at the Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of “Voprosy Istorii” history journal. E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

Второе. Объективные торгово-экономические противоречия между расположенными в регионе государствами, а также с другими странами как фактор их геополитического соперничества.

Третье. Наличие многосторонних интегрированных проектов, позволяющих создать комплексную межгосударственную систему формирования и развития транспортной, добывающей, экспортно-импортной и иной инфраструктуры, их плюсы и минусы, а также возможности реализации в конкретных исторических условиях.

Четвертое. «Встроенность» вопросов развития региональной экономики в систему международных отношений в рассматриваемый период с учетом глобальных финансово-экономических потоков.

Пятое. Возможность разработки конкурирующих инфраструктурных проектов, анализ их сильных и слабых стороны, а также перспектив и последствий реализации, в том числе в привязке к вопросам обеспечения международной безопасности и предотвращения военных конфликтов.

Вышеуказанные проблемы могут быть детально проанализированы на примере Балканского региона, традиционно выступающего одним из ключевых трансконтинентальных торгово-экономических «перекрестков», чья роль особенно возросла накануне первой мировой войны.

Одним из вопросов, вставших тогда на повестку дня, явилась проблема развития региональной сети железных дорог, имевшая для государств региона не только экономическое, но и ярко выраженное политическое значение, будучи напрямую связанной с освоением вновь присоединенных областей. В первую очередь это относилось к Сербии, в состав которой по итогам Балканских войн вошли значительные территории с большим хозяйственным потенциалом и одновременно — со слабой транспортной инфраструктурой.

Как справедливо отмечает в этой связи сербский исследователь Н. Попович, «с общественно-экономической точки зрения, неразвитость транспортной инфраструктуры, безусловно, представляет собой одно из наиболее негативных последствий турецкого господства. Развитая дорожная сеть являлась основной предпосылкой экономического развития еще со времен римлян, однако в Османской империи она не считалась приоритетом для экономической модели на Балканах, особенно в Косово и Метохии, даже несмотря на то, что данная территория находится на перекрестке очень важных дорог, соединяющих восток и запад, север и юг»¹.

Еще в 1874 г. в балканском регионе было завершено строительство важной железнодорожной линии от Скопье до города Косовска-Митровица. Однако она не стала звеном, на которое могли бы быть «нанизаны» новые линии регионального значения. Причины, как водится, лежали не только в экономической, но и в политической плоскости. Сооружение вышеуказанной железной дороги не было задумано в качестве первого шага для разработки и реализации дальнейших масштабных транспортных проектов, а представляло собой элемент в политической игре между Константинополем и западноевропейскими столицами великих держав, явившись всего лишь «уступкой, на которую пошла распадающаяся Османская империя, не имея возможности противостоять требованиям более развитых запад-

ных стран»². Как во многом справедливо подчеркивал в начале XX в. сербский исследователь Й. Цвийич, на Балканах транспортно-экономические вопросы традиционно во многом определялись политическими соображениями. По этой причине даже столь выгодная с торгово-экономической точки зрения железнодорожная магистраль, как Белград — Загреб, способная служить главной экспортной артерией регионального значения, не использовалась на полную мощность «из политических соображений, а особенно из-за сопротивления Венгрии»³. Подобная ситуация, к слову, подтверждает важность максимально широкого сочетания различных методов и подходов в изучении даже таких сугубо экономических категорий, как развитие транспортной сети и горнодобывающей индустрии. Говоря словами основоположника американской школы теории международных отношений Дж. Розенау, необходимо «соединять в анализе количественные и качественные методы»⁴. Аналогичного мнения придерживается российский исследователь Д.А. Дегтерёв, подчеркивающий, что «количественные методы анализа международных отношений представляют собой альтернативу субъективным и интуитивным прогнозам развития международной политической ситуации»⁵.

Вопрос о характере, темпах и перспективах экономического развития Балкан в конце XIX — начале XX в. является одним из самых противоречивых и дискуссионных в историографии рассматриваемого региона. При этом это касается не только уже получивших международно-признанную независимость стран, но и самой Османской империи. В качестве примера сошлемся на оценку одного из ведущих турецких исследователей Юсуфа Хикмета Байюра, который следующим образом характеризовал вышеуказанный отрезок времени в истории своей собственной страны: «Период правления Абдул-Хамида II был для османского государства временем огромного отставания от остального мира. На первый взгляд, такое утверждение может показаться преувеличением — ведь за 30 лет, с 1878 г. по 1908 г., был построен ряд железнодорожных линий, доходы государства выросли вдвое, в судебную систему были внесены видимые изменения, открывались новые учебные заведения и т.д. Однако в те же годы другие государства, в том числе соседние с империей, настолько стремительно продвинулись в своем развитии, что если его сравнить с нашим развитием, то станет очевидным, что это — вовсе не развитие, а значительное отставание». Впрочем, и в случае с Османской империей экономические оценки и достижения должны браться в комплексе с политическими факторами. Как справедливо отмечает российский исследователь Р.Р. Субаев, «не так уж катастрофично и безнадежно было положение Турции, если бы остальной мир проявил к ней толерантность и добрую волю. Но их-то как раз и не было...»⁶

Тем не менее, развитие железнодорожной сети на Балканском полуострове даже в условиях его медленных темпов давало заметный импульс другим хозяйственным сферам. В частности, «строительство железных дорог привело к резкому увеличению потребности в каменном угле и железе, которую едва успевали покрывать развивающиеся горно-промышленные районы Заечара, Тимок, Алексинаца и Княжеваца»⁷. К 1910 г. число рудников в одной только Сербии дос-

тигло 55, правда, они были в основном небольших масштабов, а общее число промышленных предприятий составило 465⁸.

Разработанный сербским правительством в начале XX в. план железнодорожного строительства предусматривал первоочередную постройку трех линий: Скопье — Битоль, Крагуевац — Кралево — Рашка (на границе бывшего Ново-Пазарского санджака, севернее города Нови-Пазар) и Ниш — Прокупле — Преполац — Приштина. Последняя дорога должна была стать составной частью Дунайско-Адриатической линии, продолженной от Приштины к албанскому порту Дуррес, присоединение которого к Сербии по-прежнему входило во внешнеполитическую программу кабинета Пашича. Позднее должно было начаться строительство еще двух железнодорожных линий: Рашка — Нови-Пазар — Увац и Радуевац — Белград с мостом через Дунай у Прахово (около Радуеваца)⁹.

Обсуждая в ходе вышеупомянутых переговоров в Вене вопрос о Восточной железной дороге, акции которой были приобретены Австро-Венгрией, Пашич заявил, что если соответствующее австро-венгерское железнодорожное общество не придет к соглашению с сербской стороной, последняя прибегнет к выкупу дороги¹⁰.

Переговоры о судьбе Восточной дороги и, в частности, того ее участка, который находился на сербской территории, проходили в непростой обстановке. С одной стороны, австро-венгерская сторона неоднократно напоминала сербскому правительству о существовавшем у нее праве потребовать возвращения дороги собственнику, то есть Обществу Восточных железных дорог, на что, в частности, было официально указано австро-венгерским представителем в Белграде Угроном 29 ноября 1913 года¹¹. С другой стороны, в самом сербском правительстве существовали определенные разногласия, касавшиеся возможных путей более выгодного для Сербии разрешения железнодорожного вопроса. Так, несмотря на то, что большинством голосов кабинет Пашича признал необходимым согласиться на предложение группы французских акционеров об интернационализации Восточной железной дороги, в начале февраля 1914 г. сербский посланник в Вене Йованович заявил Берхтольду, что он имеет полномочия вести переговоры исключительно о выкупе дороги и не может участвовать в обсуждении французской формулы, в то время как сам Пашич в период своего пребывания в Санкт-Петербурге в конце января 1914 г. подтвердил готовность сербского правительства согласиться на интернационализацию¹². Указанная неопределенность позиции Сербии, а также наличие в руководстве Австро-Венгрии собственных планов по этому вопросу и одновременное стремление принять участие в намечавшейся финансовой операции, проявленное Италией, в конечном итоге привели к практически полному провалу переговоров об интернационализации Восточной дороги, в связи с чем в конце июня 1914 г. в Белград прибыла специальная австрийская делегация, в состав которой входили шестеро австро-венгерских уполномоченных специальных ведомств во главе с фон-Сомером — начальником венской Дирекции железных дорог — с целью ведения переговоров по вопросу о выкупе Сербией указанной дороги. Сразу же после своего прибытия в сербскую столицу фон-Сомер посетил Пашича, а также министров финансов и публичных работ в его кабинете. Делегаты

обеих сторон успели провести несколько предварительных совещаний, которые, однако, были прерваны полученным главой австро-венгерской делегации предписанием немедленно покинуть Сербию, которое фон-Сомер связал с известием об убийстве в Сараево 28 июня австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда. Предписание было исполнено, и 30 июня 1914 г. делегация Австро-Венгрии покинула Белград ¹³.

Следует особо отметить, что в период 1878—1912 гг. Австро-Венгрия занимала ведущие позиции в структуре торговли балканских государств. Она являлась главным торговым партнером Сербии, Румынии и Черногории, вторым по важности — для Болгарии, и третьим — для Греции и Турции ¹⁴. Неудивительно, что Вена традиционно отводила важное место «железнодорожному» аспекту своей балканской политики. Это проявлялось в отношениях Вены не только с Сербией, но и с Черногорией, причем еще за несколько лет до рассматриваемых проблем. В частности, вопрос о железных дорогах встал на повестку дня в отношениях между Черногорией и Австро-Венгрией в начале 1908 года. В январе министр иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталь обнародовал специальное заявление, в котором говорилось о намерении его страны построить железнодорожную линию через черногорскую территорию в соответствии со статьей XXIX Берлинского трактата. Стремление Вены добиться права на строительство данной линии было в значительной степени связано с активным проникновением в Черногорию итальянского капитала, который получил от Цетинье концессию на использование государственной табачной монополии. Кроме того, между двумя странами проходили переговоры относительно участия итальянской стороны в строительстве железнодорожной линии Бар — Вирпазар и портовых сооружений в городе Бар. Сами же проектируемые линии имели для австро-венгерского руководства в первую очередь политическое и военно-стратегическое значение, ибо они должны были играть важную роль в укреплении позиций монархии в Албании, а также служить составным звеном в будущем политическом и экономическом освоении Боснии и Герцеговины, конечная аннексия которых в ведущих европейских столицах уже ни для кого не была секретом. Вслед за этим австро-венгерское Министерство иностранных дел направило черногорскому правителю Николе памятную записку, в которой говорилось, что монархия Габсбургов имеет закрепленное в Берлинском трактате право соорудить и эксплуатировать за свой счет железнодорожную линию, которая связывала бы черногорское побережье через Бар и Улцинь со Шкодером или другим пунктом в Албании.

Князь Никола скептически отнесся к австро-венгерскому предложению, опасаясь, что его реализация приведет к тому, что Черногория в случае возможного в будущем вооруженного конфликта окажется взятой в клещи двумя проектируемыми австро-венгерскими железнодорожными линиями — от черногорского побережья до Шкодера и от Боснии через Новопазарский санджак в Косово и Македонию, и со своей стороны выдвинул проект постройки указанной линии самой Черногорией с использованием предоставляемой Австро-Венгрией на эти цели финансовой помощи. Однако Вена в свою очередь его отклонила, ссылаясь все на ту же статью XXIX Берлинс-

кого трактата, и предложила на рассмотрение черногорской стороны новые варианты, включавшие в себя проведение железнодорожной линии либо до Подгорицы, либо до Цетинье. Однако их основным условием оставались исключительные полномочия Австро-Венгрии на выбор территории, по которой будет проходить искомая линия, а также ее конечного пункта, который в перспективе мог находиться на австро-венгерской территории, в частности, в Которе, что также было неприемлемым для Николы.

В конце июня 1908 г. австро-венгерский военный агент передал черногорскому правительству два новых предложения Вены. Одно из них включало строительство железной дороги между городами Вир-Пазар и Никшич, которая бы позднее вышла на Плевле или была бы соединена с боснийской линией в районе Требинье, а второе — конструирование аналогичного транспортного пути Котор — Цетинье. Однако и они были отклонены Княжеством.

В Цетинье отдавали себе отчет в том, что реализация подобных планов — тем более за счет финансовых средств Австро-Венгрии — явится фактором значительного усиления зависимости Черногории от монархии Габсбургов. Кроме того, у черногорской стороны не могла не вызывать опасений и сама масштабность запланированных работ, что и сто лет назад, и сегодня остается ключевой особенностью любых значимых проектов в транспортной и горнодобывающей сферах. Как справедливо отмечает в этой связи азербайджанский исследователь А.Б. Алекперов, «для реализации таких важных мероприятий как проведение геологоразведочных работ, бурение и эксплуатация нефтяных скважин, строительство объектов культурно-бытового назначения, проведение автомобильных и железных дорог, транспортировка нефти и газа», традиционно требуется «большое количество квалифицированных рабочих и материально-техническое оснащение»¹⁵.

Еще одной проблемой, связанной с урегулированием ситуации в косовских землях, вошедших в состав Сербии по Лондонскому мирному договору, и осложнявшей взаимоотношения Белграда с западноевропейскими государствами, явились вопросы их хозяйственного освоения. «Горнорудный устав», регламентировавший порядок эксплуатации месторождений полезных ископаемых на территории новых сербских областей (именовавшихся в документе «освобожденными и присоединенными областями»), был обнародован 28 декабря 1913 года¹⁶. Он вводил в действие в присоединенных областях «Горнорудный законник Сербии», основные положения которого были разработаны еще в 1860-е гг., когда Сербия являлась автономным княжеством в составе Османской империи¹⁷.

По мнению сербского исследователя Милоша Ягодича, «подлинная причина принятия особого устава заключалась в необходимости регулирования существующих и полученных горнорудных прав в новых областях»¹⁸. Документ предписывал, чтобы все обладатели прав на геолого-разведывательные работы или льгот на проведение горнорудных работ, а также владельцы турецких государственных рудников в течение шести месяцев представили соответствующую документацию горнорудному отделению Министерства народного хозяйства Сербии в целях закрепления собственных прав. Задача проведения оценки достоверности и достаточности представленных документов возлага-

лась на специально создававшуюся комиссию, которая должна была закончить все необходимые процедуры в течение двух месяцев, руководствуясь при этом в том числе существовавшими на тот момент соответствующими законами Турции. Положительное решение данной комиссии подтверждало право собственника на проведение горно-рудных работ, и он мог продолжать свою деятельность до срока, установленного в прежних документах, заключенных от имени турецкого правительства, но с учетом требований (в том числе финансовых) сербского законодательства.

Одновременно правительство Сербии закрепило за собой право на проведение геолого-разведывательных работ по поиску месторождений каменного и бурого угля, поваренной соли и нефти на свободных участках сроком до 14 июля 1917 г., а также возможность проведения аналогичных работ в рамках «исключительного права» на других месторождениях, список которых должен был быть обнародован до 14 сентября 1914 года. Новые положения, регламентировавшие порядок эксплуатации месторождений полезных ископаемых на территории новых сербских областей, были опубликованы также в «Торговом вестнике» 4 февраля 1914 года ¹⁹.

Введенная правительством Сербии практика вызвала неоднозначную реакцию иностранных предпринимателей и официальных представителей великих держав, в первую очередь Франции, а за ней — Германии и Австро-Венгрии (хотя ни одно из австрийских предприятий не осуществляло какой-либо деятельности в сфере поиска и добычи полезных ископаемых в присоединенных к Сербии областях). Сербским властям ставились в вину нежелание уважать существующие имущественные и концессиональные права, необходимость верификации имеющихся документов, выплата дополнительных налоговых сумм, требование к собственникам соотносить свою деятельность с новым сербским законодательством. Уже 9 марта 1914 г. посольство Франции в Санкт-Петербурге передало российскому правительству официальное обращение парижского кабинета, в котором был подвергнут всестороннему анализу и критике целый ряд положений вышеуказанного устава ²⁰.

По мнению французского правительства, данный документ свидетельствовал о нежелании Сербии считаться с итогами предварительной работы Финансовой комиссии по балканским делам в Париже, специально изучавшей вопросы, связанные, в частности, с судьбой уже заключенных контрактов и концессий на разработку месторождений в бывших турецких областях Сербии, а целый ряд его положений идет вразрез с результатами работы Международного технического комитета ²¹. В частности, особое недовольство Парижа вызвала статья 10 вышеуказанного документа, предусматривавшая, как уже говорилось выше, что владельцы концессий, полученных еще от турецких властей, обязаны представить соответствующие документы на рассмотрение создаваемого Министерством сельского хозяйства и торговли Сербии специального комитета, который должен в двухмесячный срок с момента подачи документов вынести свое заключение об их законности ²².

Аналогичную негативную реакцию вызвали положения статьи 12 устава о том, что на прежних владельцев концессий должны быть наложены финансовые выплаты, предусмотренные сербским Горно-

промышленным уставом, а, согласно статье 14, в своей деятельности они обязаны руководствоваться исключительно установлениями сербских властей²³. Эти положения также входили в противоречие с мнением Международной финансовой комиссии, предусматривавшей, что в данных условиях «законодательные акты государства, осуществившего аннексию, будут применяться лишь в той мере, в какой они не входят в противоречие с ранее приобретенными правами»²⁴.

По мнению французского правительства, высказавшего свою глубокую озабоченность по данному вопросу сербскому кабинету, факт игнорирования мнения Комиссии вызывает тем большее недоумение, что в ее работе принимали участие сербские делегаты²⁵.

С аналогичным заявлением также выступило германское дипломатическое представительство в Белграде, указавшее, что «ряд положений этих инструкций противоречат принципам, которые должны быть положены в основу регламентации деятельности шахт, права на разработку и эксплуатацию которых были согласованы и предоставлены в период до аннексии»²⁶.

Вопрос о соответствии сербского устава относительно горных промыслов в новых областях Сербии точке зрения Международной финансовой комиссии был специально рассмотрен юридическим подразделением Министерства иностранных дел России. Его официальное заключение было направлено российскому посланнику в Белграде и во французское посольство в Санкт-Петербурге. В данном заключении, датированном 18 марта 1914 г., подчеркивалось, что Сербия, «участвовавшая в Парижской комиссии, не имела оснований самостоятельно решить вопрос, входящий в компетенцию Комиссии»²⁷. При этом ее образ действий является тем менее оправданным, что сам сербский акт «по своему содержанию не вполне отвечает намечавшимся в Парижской комиссии решениям»²⁸.

Однако сербское Министерство иностранных дел 23 марта 1914 г. распространило ответную ноту, в которой категорически отвергло высказанные в его адрес претензии относительно данного указа и подчеркнуло, что документ признает все права, предоставленные горнопромышленникам по турецкому законодательству, предусматривая, наряду с этим, необходимость исполнения ими законов, действующих на сербской территории²⁹. По мнению белградского кабинета, от Сербии «невозможно требовать пренебрегать собственным государственным правом и разрешать владельцам продолжать осуществлять свою деятельность на основании турецких, а не сербских, законов»³⁰.

В вопросах развития ситуации вокруг освоения полезных ископаемых и сооружения железных дорог в конце XIX — начале XX в. прослеживается много параллелей с сегодняшними тенденциями в данной сфере и в указанном регионе. Экономические проблемы остаются одним из ключевых факторов борьбы за геополитическое влияние, и одновременно политические договоренности выступают катализатором либо, наоборот, препятствием для хозяйственного развития стран и территорий. И сто лет назад, и сегодня, балканские государства вынуждены отстаивать собственные экономические и политические интересы в условиях жесткой конфронтации ведущих мировых игроков. И потому исторические уроки выступают не только показательными, но и крайне полезными в данном отношении.

Примечания

1. ПОПОВИЧ Н. Откровенно об экономике Косово и Метохии. М. 2009. с. 28.
2. Подробнее см.: МИХАЈЛОВИЋ К. Привредни развој Косова. В кн.: Зборник округлог стола о научном истраживању Косова одржан 26 и 27 фебруара 1985 године. Београд, 1988.
3. СВИЈЉ Ј. Balkansko poluostrvo i južnoslovenske zemlje. Београд. 2011, с. 551.
4. РОЗЕНАУ Дж. «Квантификация подразумевает прежде всего поиск закономерностей». — Международные процессы. 2008, № 3, с. 71.
5. ДЕГТЕРЁВ Д.А. Количественные методы в международных исследованиях. — Международные процессы. 2015, № 2, с. 48.
6. СУБАЕВ Р.Р. Османская империя в правление Абдул-Хамида II: Зулум, модернизация, революция. В кн.: История Балкан. На переломе эпох (1878—1914 гг.). М. 2017, с. 179—180.
7. ПИСАРЕВ Ю.А. Крестьянские отхожие промыслы в Сербии и южнославянских землях Австро-Венгрии в конце XIX — начале XX в. В кн.: Ученые записки Института славяноведения. Т. VI. М. 1952, с. 308.
8. Народна енциклопедија Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Т. II. Београд, с. 51.
9. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. Политархив, оп. 482, д. 2907, л. 2.
10. Там же.
11. Там же, д. 531, л. 423.
12. Там же, л. 441; д. 532, л. 59—60; д. 533. л. 21.
13. Там же, д. 532, л. 205—206, 249—251, 255—256, 263—264.
14. ПРЕШЛЕНОВА Р. Австро-Унгария и Балканите (1878—1912). София. 2017, с. 224.
15. АЛЕКПЕРОВ А.Б. Роль Азербайджана в становлении и развитии нефтяной промышленности Казахстана. — Вопросы истории. 2018, № 2, с. 141.
16. Српске новине. 31.12.1913.
17. Зборник закона и уредаба. Београд. 1867, № 19, с. 1—63.
18. ЈАГОДИЋ М. Уређење ослобођених области Србије 1912—1914: правни оквир. Београд. 2010, с. 81.
19. Тrgovinski Glasnik. 04.02.1914.
20. АВП РИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 2913, л. 1—2.
21. Там же.
22. Там же, л. 5.
23. Там же, л. 5—6.
24. Там же, л. 1.
25. Там же.
26. Там же, л. 8.
27. Там же, л. 9.
28. Там же.
29. Там же, л. 12.
30. ЈАГОДИЋ М. Op. cit., с. 82.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

ББК 63.3(2)614-210.6(2Рос-4Уль)/УДК 331.16

Морально-политический аспект коллективизации (вторая половина 1920-х — 1930 г.)

Л.Н. Лютов

Аннотация. Данная публикация представляет собой попытку изучения механизма морально-политической трансформации деревни периода подготовки и начала осуществления коллективизации на материалах Ульяновской губернии (округа).

Ключевые слова: билинейный подход к историческому процессу, группы бедноты, коллективизация, крестьянство, морально-политическая трансформация, ментальность, нравственность, раскрестьянивание, Ульяновская губерния (округ).

Abstract. This publication is an attempt to study the mechanism of moral-political transformation of village at the time of the preparation and the beginning of the collectivization on the materials of the Ulyanovsk province (district).

Key words: bilinear approach to the historical process, group of poor, collectivization, peasantry, moral-political transformation, mentality, morality, raskrestjanivanie, Ulyanovsk province (district).

Понимание событий 1917 г., разгона Учредительного собрания и начала гражданской войны, свертывания нэпа, начала «большого террора» и завершения коллективизации по-прежнему значимо для выбора вектора исторического движения России. Сделать этот выбор трудно не только из-за различий в понимании истории страны, но и в силу деформации нравственных основ российского общества в первые десятилетия становления и утверждения коммуно-советской тоталитарной системы¹, в том числе в ходе подготовки и начала осуществления коллективизации.

Проблема морально-политической трансформации взглядов крестьянства в связи с коллективизацией не получила должного освещения в исторической литературе², как, впрочем, и многие другие аспекты раскрестьянивания. Лишь недавно началось изучение, напри-

---

Лютов Лев Николаевич — доктор исторических наук, профессор Ульяновского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ. E-mail: lutov2001@mail.ru.

Lyutov Lev N. — doctor of historical sciences, professor at the Ulyanovsk branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). E-mail: lutov2001@mail.ru.

мер, истории взаимоотношений власти и крестьянства ³. Впрочем, современные исследователи приходят к пониманию значимости морального аспекта в историческом процессе. Так, В.В. Шелохаев считает особенно необходимой и в научных, и в воспитательных целях разработку проблемы морально-нравственной ответственности за выбор средств и форм борьбы за политическую власть в России в 1917 г. и в годы гражданской войны ⁴.

Между тем именно крестьянство — основа российского общества — подверглось наиболее глубоким социально-экономическим и культурным изменениям в постнэповский период. Оно исчезало как социальный слой, ликвидировались его обычаи и образ (строй) жизни, веками формировавшаяся традиционная общечеловеческая нравственность замещалась классовой (коммунистической) моралью. Данное исследование посвящено рассмотрению начала этого процесса в Ульяновской губернии.

В 1927 г. на XV съезде ВКП(б) подводилась черта под нэпом — периодом либерализации тоталитарной системы, позволившим преодолеть системный кризис, возникший в результате становления в годы «военного коммунизма» основ этой системы — централизованно-распределительной экономики и однопартийной диктатуры. Важнейшим направлением «наступления социализма по всему фронту» должна была стать коллективизация.

Задолго до провозглашения курса на «социалистическую реконструкцию» деревни власть начала консолидацию социальных слоев для его реализации. Среди них были «бедняки-иждивенцы» — маргинальный слой бедноты. В отличие от «бедняков-тружеников», они в морально-политическом отношении были более всего готовы к антинэпу, к его насильственному насаждению. Начало работы партаппарата по их сплочению относится к 1924 году ⁵. Однако лишь в октябре 1925 г. местным и центральным партийным руководством среди всех возможных («ячейки содействия», крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (ККОВ), «собрания бедноты») была определена форма политико-моральной консолидации бедноты — «группы бедноты» ⁶. Работу «по сплочению бедноты» под руководством губкома ВКП(б) должны были осуществлять не только партячейки, но и весь деревенский партаппарат (волкомы, укомы) ⁷.

Результаты организации «групп бедноты» были подведены в декабре 1925 года. Они оказались безрадостными: беднота не понимала необходимости создания «групп бедноты» ⁸. Поэтому насаждали их носители новой морали не только из партячеек, профорганизаций, но и демобилизованные красноармейцы, допризывники ⁹.

Нарабатывались методы организации и работы с «группами бедноты» — созыв собраний исключительно беднейших слоев, совместные собрания бедноты с активом середняков, терармейцев ¹⁰ и допризывников ¹¹. Повседневное руководство «группами» осуществлялось через специально выделенных членов партии ¹². В дальнейшем партийное влияние обеспечивалось с помощью существовавшей в них сравнительно большой партийной прослойки.

Со временем (после перевыборов советов в начале 1927 г.) ячейки и волостные комитеты ВКП(б) стали практиковать такие формы работы с беднотой, как различные обсуждения на совещаниях сек-

ретарей ячеек, на пленумах волкомов, на конференциях. Практиковались районные собрания бедноты, объединенные заседания «групп бедноты» нескольких выборных органов (совета, кооперации, ККОВ) ¹³. Это приводило к тому, что «группы бедноты» оказывались высшими органами власти на селе ¹⁴, то есть имели тенденцию превращаться в чрезвычайные (неконституционные) инструменты партии в деревне.

В 1928 г. под влиянием активизировавшихся партячек происходили качественные изменения в настроениях «групп бедноты», которые стали влиять не только на выборы, как это было год-полтора назад, но и внедряться в деятельность сельских советов, кооперации и других подобных институтов, ставя ее «на рельсы классовости». Искореняя в своей деятельности гуманистическую моральную составляющую, придавая ей классовость, «группы бедноты» усиливали контроль за жизнью зажиточных односельчан ¹⁵.

Однако в условиях возобновления, в соответствии с решениями XV съезда ВКП(б), скачка в социализм, власть стала предъявлять к «группам бедноты» более серьезные требования, что ускорило усвоение ими классовой морали. В конце 1927 — начале 1928 г. для работы с ними осуществлялась мобилизация низовых парторганизаций. Проводились волостные совещания партактива, пленумы укомов ВКП(б), а непосредственно с «группами бедноты» — волостные конференции (57 в январе-марте 1928 г.) ¹⁶.

Так шло формирование инструмента не только реализации курса XV партсъезда на «ликвидацию капиталистических элементов в народном хозяйстве», решительного наступления на кулачество, но и раскрестьянивания деревни, а значит разрушения ее культуры, традиционной морали и русской идентичности ¹⁷, которая замещалась общесоветской.

С началом 1930 г. «социалистическая реконструкция» деревни вступила в завершающую стадию — ликвидацию крестьянства как социального слоя. На местах работа по коллективизации осуществлялась по схеме: проведение собраний бедноты, женщин, пленумов сельсоветов с активом, а затем общих собраний граждан. Толчок процессу «соцреконструкции» давали местные партийные и комсомольские организации, действовавшие через «группы бедноты» (при сельсовете, кооперативе, ККОВ, мелком «старом» колхозе). В осуществлении же политики «ликвидации кулака как класса» приоритет был у органов ОГПУ, опиравшихся на бедноту.

«Соцреконструкция» деревни влияла на ее нравственную трансформацию. Общие собрания села (сходы) должны были придать проводимым преобразованиям видимость моральной и политической легитимности. Для оказания индивидуального давления при определении в колхоз формировались комиссии подворного обхода ¹⁸. Создание атмосферы страха и безысходности обеспечивало политическое, экономическое насилие — лишение избирательных прав (достаточно было сказать кому-либо, что такой-то идет против мероприятий советской власти или якобы применял наемный труд), раскулачивание и произвол местной власти (имущество брали без описи), сбор с крестьян семян в семенной фонд (с возможностью «единичных» голодных смертей весной) и задатков за трактора (за пользование МТС), штрафы по ст. 61 УК РСФСР 1926 г. ¹⁹, лишение права получать товар в кооперации... ²⁰

Нравственные «перегибы» во многом обуславливались правовыми и наоборот. В частности, можно было сначала отобрать все имущество, а потом лишить избирательных прав, или сначала лишить прав, а затем отобрать имущество. Но и в том, и в другом случаях делалось это под «настроение, без всяких оснований»²¹.

Коллективизаторы²² чувствовали себя увереннее, им было проще проводить «политику партии, когда имеешь на ремне “наган”». Поэтому даже в середине лета 1930 г., во время паузы в ходе насильственной коллективизации, члены партии и комсомольцы подавали заявления в партячейки с просьбой о выдаче разрешения «на право ношения оружия», так как «без оружия работать нельзя»²³.

Значительным был вклад в раскрестьянивание и расшатывание прежних нравственных устоев деревни рабочих бригад, 25-тысячников, присылаемых из отдаленных мест²⁴, чтобы их меньше связывали моральные ограничители, а также местных «рабочих бригад» и различных «уполномоченных по коллективизации». Пролетарии и аппаратчики не учитывали ни нравственные, ни религиозные, ни национальные, ни культурно-бытовые особенности деревни, а опора власти на чрезвычайный институт «уполномоченных» приводила к падению авторитета сельских советов. Это, в свою очередь, формировало такие нравственные качества, как равнодушие, безынициативность, иждивенчество²⁵.

Не только административно-экономический нажим и колхозная неразбериха восстанавливали крестьян против колхозов зимой 1930 г., но и аморальность актива коллективизаторов. Попрание нравственных традиций выражалось как в своеволии, формально-бюрократическом подходе и произволе, так и в бездушии, стремлении унижить, вымогательстве, хищениях и грабежах, закрытии храмов... Так, демонстративное появление на собрании в селе Аппаково (Мелекесский район) комсомольца с сестрой, одетой в конфискованное платье, «вызвало бурю негодования» односельчан²⁶.

Влияло на нравственное состояние деревни и раскулачивание. При отборе кандидатов на выселение сострадание, сочувствие отступали, поэтому среди них часто оказывались «бывшие красноармейцы или калеки-старики». Даже те участки земли, которые отводились кулакам третьей категории, им не отдавались²⁷. Получившие же землю и выселенные превращались для односельчан в изгоев со всеми нравственными издержками как с той, так и с другой стороны²⁸.

Нравственное «воспитание» на основе новой морали осуществлялось властью не только на примере крестьян-кулаков первой, второй и третьей категорий²⁹. В докладах уполномоченных по проведению коллективизации указывалось, что, например, операция по выселению крестьян, причисленных ко второй категории, «проводилась на местах при активном участии бедноты и колхозников» и без сопротивления середняков³⁰. Причина заключалась в страхе — «... только не задели бы тебя». Хотя проявления гуманного отношения иногда встречались — протест против выселения кулаков, проводы раскулаченных всем селом³¹.

Но противостоять давлению морали власти было сложно. Так, например, она поощряла доноительство. Права голоса лишались по анонимным запискам, например о том, что «человек имеет прилич-

ный домик, хорошую лошадку». Воровство не осуждалось: отбираемое у раскулаченных имущество «не всегда точно учитывалось» (кому было продано — неизвестно). Уже в самом начале коллективизация оказывала деформирующее воздействие на этику отношений самых близких людей. Так, например, когда жена оказалась в «лишенках», мужа не тронули, но предложили развестись, и он выполнил это условие ³².

Новая мораль не различала ни чужих, ни своих («классово близких»). Бедняки, которых насильно вселяли в дома раскулаченных, а их дома распродавали на дрова, могли оказаться без жилья, когда, в ходе кампании борьбы с «перегибами», раскулаченных приходилось восстанавливать в правах и возвращать им отнятые у них дома ³³.

На нравственную атмосферу деревни влияла местная партийная печать. Она стремилась вызвать моральную нетерпимость и к «бывшим», «затесавшимся» среди колхозников ³⁴, и к «кулаку», и к «сектанту», и к... «перегибщикам» линии партии ³⁵.

Массированное раскрестьянивание приводило к сопротивлению деревни, которое проявлялось в распространении слухов, в срывах собраний, в проведении подпольных «сходбищ», в отказе давать задатки на трактора, требованиях открытия церквей, освобождения священников, односельчан-кулаков, в подаче «лишенцами» заявлений о восстановлении их в избирательных правах, в отказе бедноты и колхозов от «кулацкого имущества», в крестьянских выступлениях и в тотальном выходе из колхозов во второй половине марта 1930 года.

Экстремальные условия коллективизации воздействовали на крестьянок. Когда рушились основы деревенского мира, с особой силой проявлялись их самоотверженность, стойкость, духовность. В деревне после статьи «Головокружение от успехов» «поднялось противоколхозное движение женщин (сарафанное восстание)» ³⁶. Женщины были особенно активны в следовании традиционным нравственным устоям. Они даже могли вступить за семью кулака, которую выселяли из собственного дома ³⁷, проявляли большую активность не только в массовой подаче заявлений о выходе из колхозов, но и в «событиях». Своей активностью женщины какое-то время спасали своих мужчин. Однако, завершая коллективизацию, власть осуществила «зачистку» деревни. В результате реализации оперативного приказа НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г. ³⁸ мужское население деревни сильно поредело ³⁹.

Нравственно-религиозные устои власть расшатывала различными способами. Плативших церковный налог, а это в большинстве случаев были середняки и бедняки, раскулачивали ⁴⁰. Во время посевной кампании колхозники, в отличие от единоличников, «организованно и дружно» выходили сеять в первый день Пасхи. Коллективизация подрывала традицию сельской взаимопомощи. Имели место отказы единоличников от заключения договоров на обработку земли с некоторыми бедняками ⁴¹.

Нравственно-религиозные конфликты второй половины марта 1930 г. часто выливались в массовые волнения. Более характерны они были для левобережной части округа с большей долей в составе населения национальных меньшинств (мордва, татары, чуваша), чем в правобережной, видимо, вследствие того, что в селах с мусульманс-

ким населением религиозно-нравственная сплоченность преобладала над социальной разобщенностью.

Нежелание крестьян вступать в колхоз обычно связывалось с противодействием кулаков и церкви. Нравственно-религиозные ценности, священники, церковные советы, сектантские общины безусловно, играли важную роль в крестьянском сопротивлении коллективизации. Церковь (без различия вероисповеданий) была и организующей силой (отдельного села, отдельного района) в противодействии коллективизации. Проявлялось это в распространении религиозных писем и слухов, мобилизации верующих прихода через их перерегистрацию. В отсутствие крестьянских политических образований церковь становилась нравственно-организационным стержнем протеста деревни.

Видя в храмах духовный оплот в неприятии коллективизации, власть стремилась к их закрытию и разрушению, а крестьяне — к сохранению. Так, движение за возрождение храмов (особенно среди женщин) поднялось в начале лета (июнь 1930 г.) в селах Тагаевского района⁴². Вместе с требованием открыть церковь появились лозунги — «вернуть раскулаченным дома», «не дать колхозу ломать кулацкие дворы», «не верно лишают избирательных прав — нужно всех восстановить» и другие⁴³.

При организации колхозной жизни вчерашние крестьяне стремились исходить не из классовых, а из морально-прагматических соображений: бригадирами нередко избирались середняки и зажиточные крестьяне, кандидатуры бедняков и батраков проваливались. С другой стороны, сохранение у крестьян основ традиционной нравственности препятствовало формированию колхозного актива — проводника новой морали. Однако власть, привлекая на свою сторону «охваченную уравнилельным пылом бедноту», «для которой все, кто лучше ее живет — буржуи»⁴⁴, а также партийно-комсомольских функционеров, рабочих 25-тысячников, формировала актив с новой — классовой, воинственно-коммунистической — моралью.

Нравственность деревни деформировалась не только насилием, но и особыми льготами для колхозников. Уже весной 1930 г. для самих активистов стало заметно, что колхозная система усиливала «собесовские» настроения у «бедноты». Продав свой хлеб на рынке, она «настойчиво требовала» его потом с государства. Представители окружкома ВКП(б) отмечали в своих отчетах, что у части бедноты «имеется настроение, граничащее с рвачеством», некоторые считают — «раз я колхозник, то мне колхоз должен дать все — вплоть до штанной пуговицы»⁴⁵. Беспokoило сторонников коллективизации и настроение части оставшихся в колхозе середняков («более крепких»): приходится «работать на бедноту», «бедноту посадили нам на шею»⁴⁶. В правлениях колхозов также были «заметны рваческие настроения» — работа, в первую очередь, о своей зарплате⁴⁷.

Иждивенчество (с его установками: «нам должны», «нам обязаны», «дайте») было характерно для нравственного облика большинства колхозников. «Хромала» и трудовая дисциплина⁴⁸. Не случайно крестьяне видели сходство результатов коллективизации и крепостного права, колхозников и крепостных⁴⁹. Становилась очевидной, даже для некоторых представителей власти, разница в нравственном состоянии крестьян в условиях начала коллективизации по сравне-

нию с годами нэпа: после 1921 г. «у крестьян был порыв к работе, с целью устроить личное благополучие, — теперь... убит стимул, имеваемый частной собственностью»⁵⁰. Многие из бедняков и середняков просили: «... сделайте вольную торговлю, дайте стимул развития индивидуального хозяйства»⁵¹.

Под воздействием советской действительности деформировалась традиционная нравственность у представителей зажиточного крестьянства. Противодействуя коллективизации, они усваивали большевистские нравственные качества, которые допускали не только угрозы: «будет война, все равно всех колхозников перережем» и т.п., а также слухи о том, что скоро советской власти не будет⁵², и насилие в отношении колхозников, активистов коллективизации (членов сельсоветов и проч.).

Постепенно нравственные качества жителей деревни деградировали. Усиливалось «злорадство единоличников при виде затруднений в колхозе и, наоборот, со стороны колхозников к единоличникам»⁵³. Однако даже в условиях разжигания классовой ненависти, повседневного воздействия новых нравственных начал между единоличной и колхозной частями деревни могли выстраиваться взаимоприемлемые отношения на основе традиционной морали. Многие предлагали все сделать «по-людски»: дать землю и тем, кого власти называют «кулаками», оставить их в селе, так как в деревне их не считали за таковых, и никого не лишать голоса⁵⁴.

Для новой власти сохранение традиционных нравственных качеств (человечность, доброта, сострадание, милосердие, поддержка) являлось свидетельством нелояльности, неблагонадежности. Подобным образом расценивались, например, отказ колхозов принимать конфискованный у кулаков скот, пахать и засеивать отобранную у них землю; раздача им же семян для посева; проводы односельчанами «лишенца», направляемого в ГПУ⁵⁵.

Иногда некоторые деревенские коммунисты выходили из колхозов, «поддаваясь» воздействию традиционной нравственности. Их исключали из партии или проводили с ними воспитательную работу, стремясь вернуть обратно. Более того, среди основных причин массового выхода из колхозов тогда называли (на уровне районного партруководства) не только недостатки в организационной и партийной работе, но и не преодоленную, даже у партийцев, старую, «мелкобуржуазную» мораль⁵⁶. В районных партийных и комсомольских организациях нравственный кризис проявлялся в усилении пьянства, «склочничества»⁵⁷ и т.п.⁵⁸ В низовых ячейках ВКП(б) возникавший моральный диссонанс между коммунистической и традиционной нравственностью также проявлялся в специфической «болезни» (пьянстве)⁵⁹, он же приводил к оттоку из партячек⁶⁰.

Нравственная трансформация захватывала отношения начальник — подчиненный. Вышестоящим лгали, а нижестоящих унижали. В райкоме ВКП(б) уполномоченному ОК ВКП(б) рапортовали об успешном выполнении мероприятий по коллективизации, но на деле оказывалось, что все не так. Личное достоинство подчиненных постоянно попиралось местными уполномоченными, председателями колхозов и сельсоветов. Членам правления колхоза или сельсовета из середняков могли крикнуть: «Не возражать, а то я тебе найду место»⁶¹.

Накопившееся во время «перегибов» моральное напряжение проявлялось в пьянстве не только у местных партийцев, активистов, приезжих 25-тысячников, но и у крестьян, особенно у бедноты⁶². Пьянству способствовало также новое отношение к труду, когда стимулом к нему становилась водка. Правление колхоза за выполнение авральных работ или перевыполнение плана организовывало коллективную выпивку «до потери сознания» и пропития колхозного имущества⁶³.

Ощущение несправедливости и безысходности усиливалось у крестьян в результате не только насилия, но и обмана, «невыполнения обещаний» властью, вызывало «неверие в справедливость этого руководства»⁶⁴. Недоверие ощущалось как к центральной власти (например, постановлению о льготах колхозникам, сталинскому «ответу колхозникам»⁶⁵), так и к местной. Основная масса крестьянства — середняки — не доверяла заявлениям власти о прекращении раскулачивания⁶⁶. Да и беднота часто заявляла, что «наши коммунисты только на словах хороши, а на деле пьют и стараются устроиться так, чтобы меньше работать»⁶⁷. Как следствие — обеспокоенность власти результатами выборов в некоторые сельсоветы: «население не приняло кандидатур», выдвинутых партячейками⁶⁸.

В начале лета 1930 г. от крестьян можно было услышать такие реплики: «Вы нас 13 лет обманываете, до того довели, что жрать нечего и без порток ходим»; «Мы тогда Вам нужны, когда хлеб Вам нужен, а как хлеб возьмете, так и деревня не нужна»⁶⁹.

Однако вскоре коллективизация возобновилась, утверждая тоталитаризм в российском социуме и продолжая вивисекцию народного духа, его нравственности.

Примечания

1. Среди двух типов социумов в государственный период истории человечества и России — либерального и этакратического — коммуно-советская система в рамках билинейного подхода к истории человечества является крайней формой этакратического типа.
2. КЕДРОВ Н.Г. Замкнутый круг российской историографии коллективизации крестьянства. — Вопросы истории. 2014, № 3, с. 154—171. Автор приходит к выводу, что в два последних десятилетия «... за кадром исторических исследований в абсолютном большинстве случаев оставались изучение внутренних процессов развития сельского социума, деревенской повседневности (за исключением протестных форм), духовного мира крестьянина» (с. 165).
3. Российская история. 2009, № 2, с. 206.
4. Там же. 2017, № 2, с. 41.
5. Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО), ф. 1, оп. 1, д. 704, л. 51. Цитаты из архивных источников приводятся с сохранением стилистики, орфографии и пунктуации документов.
6. Там же, д. 850, л. 140.
7. Там же, л. 143.
8. Там же, л. 257—258, 260.
9. Там же, л. 263, 264, 265—266.
10. Терармейцы — рядовой состав территориальных соединений, в соответствии с военной реформой 1924—1925 гг., призывались лишь на кратковременные учебные сборы от 1 до 3 месяцев в течение года. Территориальные части использовались для работы партии в деревне и укрепления в ней своего влияния.
11. ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 850, л. 268.

12. Там же, д. 1215, л. 92.
13. Там же, л. 94, 95.
14. Там же, л. 129.
15. Там же, д. 1401, л. 240об.
16. Там же, л. 243—243об., 245об.
17. «На чем вообще зиждется вся русская культура, которую знает мир? Все это стоит на крестьянской (читай — народной) основе. Вот ее-то, эту основу, фундамент русского образа жизни, и надломил (сломила. — Л.Л.) коллективизация». КУЗНЕЧЕВСКИЙ В. Сталинская коллективизация. Гл. 2. Горькие плоды. — Москва. 2015, № 2, с. 151.
18. ГАНИ УО, ф. 3, оп. 1, д. 784, л. 19—20об.
19. Отказ от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение.
20. ГАНИ УО, ф. 3, оп. 1, д. 777, л. 90, 91.
21. Там же, д. 778, л. 95.
22. Под «коллективизаторами» понимаются представители местной власти и ее актива, пролетарии из города — все кто принимал непосредственное участие в раскрестьянивании деревни.
23. ГАНИ УО, ф. 3, оп. 1, д. 779, л. 104об.
24. Над Ульяновским округом шефствовали московские предприятия, в частности, Московский электрозавод — над Тагайским районом (из выступления на XVI съезде ВКП(б) секретаря Ульяновского окружкома партии Л.Р. Милха). В кн.: Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Саратов. 1977, с. 263.
25. ГАНИ УО, ф. 3, оп. 1, д. 779, л. 58.
26. Там же, д. 778, л. 93.
27. Там же, д. 779, л. 57.
28. Там же, д. 778, л. 94.
29. «... а) первая категория — контрреволюционный кулацкий актив немедленно ликвидировать путем заключения в концлагеря, не останавливаясь в отношении организаторов террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций перед применением высшей меры репрессии; б) вторую категорию должны составить остальные элементы кулацкого актива, особенно из наиболее богатых кулаков и полу-помещиков, которые подлежат высылке в отдаленные местности Союза ССР и в пределах данного края в отдаленные районы края; в) в третью категорию входят оставляемые в пределах района кулаки, которые подлежат расселению на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках». Из постановления политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30.01.1930 года. В кн.: Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930—1940 гг. Кн. I. М. 2005, с. 70.
30. ГАНИ УО, ф. 3, оп. 1, д. 778, л. 93.
31. Там же, д. 779, л. 98; д. 781, л. 94.
32. Там же, д. 779, л. 56.
33. Там же, л. 55.
34. Пролетарский путь. Ульяновск. 1930, 7, 9 мая.
35. Там же, 22 мая.
36. ГАНИ УО, ф. 3, оп. 1, д. 779, л. 8.
37. Там же, л. 107об.
38. На основании этого совершенно секретного приказа НКВД с августа 1937 г. по ноябрь 1938 г. 390 тыс. человек были казнены, 380 тыс. отправлены в лагеря ГУЛАГа. Данная операция стала крупнейшей массовой операцией большого террора. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1605337>.
39. БАБИЙ А. Бузуновы из Бузунова. — Новая газета. 20.10.2017, № 117, с. 19.
40. ГАНИ УО, ф. 3, оп. 1, д. 779, л. 56.
41. Там же, л. 57.
42. Там же, л. 108—108об.
43. Там же, л. 107об.—108.
44. Там же, л. 56.

45. Там же, л. 106об.
46. Там же, л. 107.
47. Там же, л. 48.
48. Там же, л. 6об.
49. Там же, д. 780, л. 89, 133об.
50. Там же, д. 779, л. 97об.
51. Там же, л. 100.
52. Там же, д. 781, л. 15—15об., 39об.
53. Там же, д. 779, л. 97об.
54. Там же, д. 781, л. 98.
55. Там же, д. 777, л. 45; д. 781, л. 14об., 94.
56. Там же, д. 777, л. 32.
57. Так в партийных документах, в основном в 1920-е гг., называлось широко распространенное в партийно-государственном аппарате регионального уровня явление, связанное со стремлением занять более высокую должность, закрепиться на достигнутом уровне власти и достатка в личных и групповых корыстных интересах.
58. ГАНИ УО, ф. 3, оп. 1, д. 777, л. 35.
59. Там же, д. 779, л. 109об.—110.
60. Там же, л. 106.
61. Там же, л. 56.
62. Там же, д. 777, л. 61об.
63. Пролетарский путь. Ульяновск. 1930, 1 июля.
64. ГАНИ УО, ф. 3, оп. 1, д. 779, л. 97об.—98.
65. СТАЛИН И.В. Ответ товарищам колхозникам. — Правда. 1930, 8 апреля.
66. ГАНИ УО, ф. 3, оп. 1, д. 779, л. 99об.
67. Там же, л. 100.
68. Там же, д. 777, л. 62.
69. Там же, д. 779, л. 107об.

Изменение архитектурного облика военных госпиталей в России с 1707 г.

М.С. Фёдорова, Л.П. Холодова

Аннотация. В публикации рассматриваются вопросы, касающиеся тенденций в развитии и эволюции архитектуры военных госпиталей в России с момента их появления в 1707 г. и до настоящего времени. Авторы проследили траекторию изменения фасадных решений и проанализировали возможные причины, влияющие на этот процесс.

Ключевые слова: военные госпитали, архитектура, фасады, история.

Abstract. In publication are considered the questions concerning tendencies in development and evolution of architecture of the military hospitals in Russia from the moment of their emergence in 1707 and till nowadays. Authors have tracked a trajectory of change of front decisions and have analysed the possible reasons influencing on this process.

Key words: military hospital, architecture, facades, history.

Современный крупный город сложно представить без военного госпиталя. Этот тип зданий стал неотъемлемой частью застройки, вносящей свой вклад в формирование облика города.

История военных госпиталей насчитывает более трех веков, при этом ни в одном из опубликованных ранее исследований не показана эволюция развития их планировочных и фасадных решений. Актуальность данного вопроса не оставляет сомнений, поскольку организация новых и поддержка существующих военных госпиталей — это необходимый шаг для обеспечения нужд армии, а значит и стабильной обстановки на всей территории страны.

Доподлинно известно, что первый военный госпиталь в России появился в 1707 г. в Москве по указу Петра I¹. Это учреждение стало не просто военным госпиталем, но и первым государственным ме-

---

Фёдорова Мария Сергеевна — кандидат архитектуры, ассистент кафедры ФГАОУ ВО «УРФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина». Екатеринбург. E-mail: m.s.fedorova@yandex.ru; *Холодова Людмила Петровна* — доктор архитектуры, профессор, зав. кафедрой ФГБОУ ВПО «Уральская государственная архитектурно-художественная академия». Екатеринбург. E-mail: lph@usaaa.ru.

Fedorova Mariia S. — candidate of architecture, assistant of the chair at the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. Ekaterinburg. E-mail: m.s.fedorova@yandex.ru; *Holodova Ludmila P.* — doctor of architecture, professor, head of the chair at the Ural State University of Architecture and Arts. Ekaterinburg. E-mail: lph@usaaa.ru.

дицинским учреждением. Подобные сооружения, строительство которых началось в 1710—1725 гг., были выполнены из дерева, в виде небольших срубов, где размещались необходимые помещения: перевязочная, операционная, палаты. Дом для врача и обслуживающего персонала строился неподалеку ². Из-за частых пожаров, которые полностью уничтожали здания, было принято решение о строительстве госпиталей из камня. Их отличало богатое убранство, говорившее о значимости и важности этих строений. Они представляли собой двух- или трехэтажные здания с высокими потолками, вход обрамляли массивные колонны с капителями дорического или ионического ордера, поддерживающие треугольный портик. Главные лестницы украшали пышные балюстрады, большие и высокие окна пропускали много света.

Большинство госпиталей, построенных по указу Петра I, сохранились до сих пор, не изменив своего изначального предназначения. Так, Московский военный госпиталь в Лефортово, Санкт-Петербургский и Кронштадтский военные госпитали за годы своего существования претерпели множество изменений изначальных планировочных решений, были дополнены различными постройками и новыми корпусами и превратились в медицинские центры высокого уровня. Сегодня эти здания можно отнести к самым значимым достопримечательностям городов, в которых они расположены, и самым важным и крупным военным медицинским центрам в России ³.

Одним из звеньев в истории развития медицинских учреждений стало строительство заводских госпиталей, которые в отличие от военных, обслуживали рабочих и мастеров, также подверженных риску получения производственных травм. Требования к заводским госпиталям были теми же, что и к военным, и насчитывали чуть более десятка пунктов, оговаривавших, в частности, вопросы расположения, водоснабжения, естественной вентиляции, освещения, ориентации относительно сторон света и прочее. В силу изменения структуры заводов, передела частной и государственной собственности, политических изменений и переноса учреждений система заводских госпиталей сегодня полностью утрачена. Большая часть зданий разрушена и не эксплуатируется, либо передана на баланс крупных больниц ⁴. В отличие от военных госпиталей, этот класс учреждений не получил дальнейшего развития.

Рассматривая госпитали разных лет постройки (начиная от самого первого — в Лефортово — и до современных проектов), можно наглядно увидеть изменения, коснувшиеся их объемно-планировочных и архитектурных решений за прошедшие 300 лет ⁵. Упрощение фасадов видно невооруженным взглядом: из пышно украшенных и заметных они превращаются в серые и типовые строения, растворяющиеся в общей массе зданий.

Для определения направления проектирования военных госпиталей необходимо проанализировать изменение характерных для них параметров: площадь застройки корпуса; площадь палаты, приходящейся на одного больного; количество этажей и архитектурный облик.

Первые три параметра поддаются простому количественному измерению, последний параметр выявлен путем подсчета количества

декоративных нефункциональных элементов фасадов. Все это позволило определить следующие изменения по сравнению с первыми проектами:

- площадь застройки и этажность линейно увеличиваются, что связано как с ростом числа обслуживаемого населения, так и с возможностями строительной техники и новыми строительными материалами;

- увеличивается площадь на одного пациента в палате, что связано с изменением санитарных требований;

- современные здания лишены какой-либо архитектурной привлекательности.

Архитектурный облик советских и современных военных госпиталей имеет множество отличий от пышных и богато декорированных зданий XVIII—XIX веков. Типовые проекты, превращавшие здание в безликий объем, которые активно использовались в советское время, сегодня прочно укрепились в сознании и ассоциируются со зданием госпиталя.

Это изменение можно объяснить несколькими причинами, среди которых:

- бюджетное финансирование, ограничивающее нецелевые расходы средств;

- направленность учреждений, которая не требует богатого убранства;

- закрытость учреждений — зачастую здание госпиталя расположено на скрытой от посторонних глаз, огражденной забором территории.

В культурно-историческом контексте данные изменения свидетельствуют об общем упадке. С течением времени госпитали превратились из величественных зданий, которые с момента основания являются достопримечательностями городов, в безликие коробки.

Современные постройки сложно отнести к объектам культуры, в отличие от их предшественников. В каждом новом проекте отражены элементы эпохи, но в общей массе все эти здания имеют весьма лапидарные фасадные решения, которые быстро стираются из памяти случайных прохожих. Их вид скорее навеивает мысль о важности той работы, которая проходит за стенами этих зданий. Современные госпитали предоставляют возможности не только физической, но и психологической реабилитации военнослужащих, участников боевых действий.

Пройдя долгий путь развития, военные госпитали стали закрытыми и обособленными, их внешний вид значительно изменился. Современный военный госпиталь представляет собой скорее сложный механизм, направленный на скорейшее выздоровление пациента, чем архитектурно привлекательный объект.

Созданы предпосылки разработки мобильных госпиталей, где не только само оборудование, но и весь корпус превратился в технологическую структуру. Архитектура госпиталя теперь представляет собою «машину для лечения больных», точно так же, как и многоэтажное жилье превратилось в «машину для жилья», о чем писал Ле Корбюзье в начале XX века ⁶.

Примечания

1. АЛЕЛЕКОВ А.Н. История Московского Военного Госпиталя в связи с историею медицины в России к 200-летнему юбилею (1707—1907). М. 1907.
2. КАРПЕНКО И.В. Становление организации и тактики медицинской службы в России в 1620—1918 гг. Автореф. дисс. канд. мед. наук. М. 2008.
3. МИРСКИЙ М.Б. Российские больницы XVIII в. — Здравоохранение Российской Федерации. 2004, № 1.
4. Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Т. 2. М. 2008.
5. Государственный архив Свердловской области (ГА СО), ф. 24, оп. 14, ед. хр. 166 (планы и чертеж Златоустовского госпиталя), 167 (планы и чертеж Саткинского завода), 638 (план расположения построек госпиталя), 639 (схематический чертеж заразного отделения госпиталя); оп. 33, ед. хр. 608 (Положение о военных госпиталях).
6. ИКОННИКОВ А.В. Мастера архитектуры об архитектуре. М. 1972.

Развитие морской торговли на Каспийском море в XVII в.

Ш.А. Магарамов, Н.А. Магомедов

Аннотация. В публикации, с опорой на письменные источники, показаны исторические реалии развития торгового судоходства и морской торговли на Каспийском море в XVII веке. Представлены основные типы коммерческих морских судов, их конструкция и эволюция, выявлены причины, препятствовавшие успешному функционированию Волжско-Каспийского пути, попытки иностранных государств и деловых кругов установить монополию на транзит персидского шелка через Каспий. Значительное место в работе уделено характеристике торговых гаваней и портов на северо-западном берегу Каспийского моря, которые являлись центрами европейско-азиатской торговли. В исследовании показано, что в XVII в., несмотря на немалые усилия, каспийский транзит как одна из ветвей Великого шелкового пути, не сложился.

Ключевые слова: Каспийское море, Волжско-Каспийский путь, торговое судоходство, каспийский торговый флот, торговые порты.

Abstract. In this publication, leaning on written sources, historical realities of development of trade navigation and sea trade on the Caspian Sea in the 17th century are shown. The main types of commercial sea vessels, their design and evolution are shown, the reasons interfering successful functioning of the Volga and Caspian way, attempt of the foreign states and a business community to establish monopoly for transit Persian silks through the Caspian Sea are established. The important place in work is given to the characteristic of trade harbors and ports on the northwest coast of the Caspian Sea which were distribution points of goods of European-Asian trade. The research has shown that in the 17th century, despite considerable efforts, the Caspian transit hasn't developed as one of branches of the Great silk way.

Key words: Caspian Sea, Volga and Caspian way, trade navigation, Caspian merchant marine fleet, trade ports.

Магарамов Шарафетдин Арифович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала. E-mail: sharafutdin@list.ru; *Магомедов Назим Абдурахманович* — доктор исторических наук, заведующий отделом Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Махачкала. E-mail: magomedov43@bk.ru.

Magaramov Sharafetdin A. — candidate of historical sciences, senior research at the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of RAS. Makhachkala. E-mail: sharafutdin@list.ru; *Magomedov Nazim A.* — doctor of historical sciences, head of department at the Institute of History, Archeology and Ethnography of the DSC RAS. Makhachkala. E-mail: magomedov43@bk.ru.

Каспийское море издавна играло роль природной зоны контактов между Западом и Востоком. Волжско-Каспийский торговый путь сложился еще в период раннего средневековья, по нему активно шла торговля Руси, Волжской Булгарии и Хазарского каганата с Востоком. Сохранились сведения арабских авторов, где они описывают маршруты русских купцов, следовавших вниз по Волге в Каспийское море и далее по суше, на верблюдах в восточные страны ¹. В разные исторические периоды на Каспии морскую торговлю развивали русские торговцы, генуэзцы, английские купцы.

С выходом к северным берегам Каспийского моря и полным подчинением Волжско-Каспийского пути Московскому государству доминирующая роль в каспийской морской торговле вновь перешла к русским купцам. Ивану Грозному удалось наладить контакты с Персией, сделав Россию посредницей в торговле шелком с Европой. Европейские державы Англия и Голландия, вытесненные с южных морских путей в обход Африки на Восток, искали новые маршруты. Путь по Каспию, а затем по Волге оказался наиболее выгодным и удобным для доставки персидского шелка в Европу.

Ключевым пунктом Волжско-Каспийского пути, стоявшим на перекрестке важнейших трансконтинентальных магистралей, становилась Астрахань. Еще в 1588 г., когда крепость в устье Волги только строилась, астраханский воевода Иван Черемисинов принимал «гостей из Шемахи, Дербента, Шевкал (шамхальство в Дагестане. — *Ш.М., Н.М.*) и Тюмени», а царь Иван Грозный в Москве — послов из Хивы, Бухары, Самарканда, которые просили разрешение торговать в Астрахани ². Царское правительство, заинтересованное в пополнении казны за счет торговых пошлин, дало такое разрешение всем ³. В это же время на Каспии создавался и начинал функционировать русский торговый и военный флот. В Астрахани в ведении воеводы находилось специальное учреждение «Государев Деловой двор», которое непосредственно руководило строительством судов и обеспечивало их плавание по Каспию. В штате «Делового двора» находились корабельные мастера, шкиперы для мореходных бусов, а также «есаульные» струги для охраны речных и морских походов и стрельцы на «плавной» службе ⁴. По сути это была первая Волжско-Каспийская флотилия.

Однако астраханское судостроение, подорванное в Смутное время, не справлялось со спросом на мореходные суда. В интересах государства каспийское мореходство было объявлено «царским делом». В XVII в. на Каспийском море ходили преимущественно на бусах и стругах русской постройки, которые возводились в Астрахани. Строились бусы также в Шемахе и Гиляне. Но независимо от места изготовления, они отличались низкими мореходными качествами и быстро становились непригодными из-за частых штормов на Каспийском море. Невысокого мнения о каспийских бусах были английские купцы, пытавшиеся освоить Волжско-Каспийский путь для торговли персидским шелком с Западом. А. Эдуарс в письме от 15 мая 1565 г. отмечал: «Здесь суда очень опасны для плавания по Каспийскому морю». Однако тут же им была сделана оговорка о том, что «здесь имеются плотники, которые могут работать достаточно хорошо, если кто-нибудь будет руководить ими» ⁵.

Спустя более полувека картина мореходства на Каспии ничуть не изменилась к лучшему. Побывавший в прикаспийских областях в первой половине XVII в. немецкий путешественник А. Олеарий констатировал, что «по этому (Каспийскому. — Ш.М., Н.М.) морю ходят персы, татары и русские; так как у них плохие и скверно защищенные суда, которые могут ходить только перед ветром, то они никогда не отваживаются в середину моря, но всегда остаются вблизи суши, где они могут бросить якорь» ⁶.

Российский моряк, исследователь и составитель карты Каспийского моря, участник Каспийского похода императора Петра Великого капитан-лейтенант Ф.И. Соймонов также критически отзывался о каспийских бусах. Получив приказ императора следовать морем, он не взял ни одного «из прежде употребляемых в Астрахани бусов, потому что они неспособны и опасны». «Сложение их не позволяло на парусах ходить против ветру, ниже лавировать, ниже дрейфовать, ниже на якорь стоять. Когда они имели ветер с кормы, то большой парус нарочито им способствовал. Но если ветер переменялся и стал противен, то поднимали они другой маленький парус, Гуляй называемый, и возвращались назад» ⁷.

Тем не менее именно бусы отличались наибольшей грузоподъемностью, достигавшей 200 тонн. Исследователь каспийской флотилии XVII—XIX вв. М.А. Кирокасьян, анализируя сведения венецианского посла Амброджо Контарини, совершившего в 1476 г. морской переход из Дербента в Астрахань, пришел к выводу, что прообразом каспийских бус были венецианские нефы, которые генуэзцы перенесли на Каспий на рубеже XIII—XIV веков ⁸.

В конструктивном отношении бусы отличались округлым дном и высокими отвесными бортами. На носу и корме судна крупного тоннажа сооружались надстройки, в которых располагались купцы и члены экипажа. Корпус бусы делился перегородками на отсеки, которые арендовались купцами. На небольших судах, в которых надстройки отсутствовали, купцы устраивались поверх своих товаров под матерчатými навесами. Выпуклость средней части корпуса при небольшом соотношении длины и ширины — еще одна характерная конструктивная особенность бус. Выпуклость позволяла, во-первых, повысить остойчивость судна, во-вторых — разместить в трюме как можно больше бочек, ящиков, тюков и прочей тары, в которую упаковывался в те времена груз ⁹.

По словам купца Ф. Котова, по Каспийскому морю в XVII в. кроме русских бус товары перевозили также «на гилянских бусах и на больших и мелких стругах» ¹⁰. Струги представляли собой плоскодонные гребные суда, на которых при необходимости устанавливали одну мачту с прямым парусом. До середины XVI в. это были исключительно речные суда, а с выходом России к Каспию они появились и на море. Морские струги отличались от речных усиленной конструкцией и увеличенной высотой бортов. В XVII в. струги являлись уже вполне мореходными судами, на которых астраханские купцы переправляли товары в Дагестан и на восточные берега Каспия ¹¹.

Серьезным препятствием для развития торговли на Каспийском море в XVII в. было пиратство, возникшее здесь с появлением первых торговых судов. Для защиты от пиратов суда вооружали двумя-

тремя небольшими пушками. Для преследования пиратских лодок в основном использовались скоростные волжские струги небольших размеров, конструкция которых была усилена. Первоначально сторожевые суда могли взять на борт всего 13 чел., а с развитием каспийского мореплавания начали строить более крупные струги, в которых размещалось до 70 стрелцов¹². Содержались боевые струги кроме Астрахани и в Терках — русской административной крепости на Северном Кавказе, основанной в 1588 г. в устье Терека. По сообщению турецкого путешественника Э. Челеби, посетившего Кавказ дважды, в 1641—1642 и в 1666—1667 гг., в Терках «имеется сорок судов, похожих на галеры и на русские чайки, есть и крытые тростником фрегаты... Эти суда как следует защищены, снабжены оружием»¹³. Здесь Челеби зафиксировал то, что суда обвязывали по бортам тростником для лучшей остойчивости и защиты от стрел и пуль неприятеля. Несмотря на то, что русское правительство стремилось обезопасить транспортные магистрали на Каспийском море, особого успеха в противодействии пиратам не было, поскольку суда разбойников ничуть не уступали правительственным как по вооружению, так и техническим характеристикам.

Прибыв в 1668 г. в Терки на стругах и буквально парализовав торговое мореходство, около двух лет на Каспии хозяйничали разинцы. К ним примкнули и нижнетерские казаки — «искусные мореходы». Опорным пунктом на западном берегу Каспия разинцы выбрали остров Чечень, откуда они контролировали значительный участок торговой магистрали на море. Флотилия С. Разина в то время насчитывала 40 стругов с 2 тыс. казаков¹⁴.

Кроме того, на Каспии, как и на других морях, широкое распространение получило средневековое «береговое право», когда все, вынесенное штормом, считалось собственностью местного населения. Владетели и жители прибрежных земель, к чьим берегам выбрасывало потерпевшие крушение суда, стремились непременно воспользоваться этим правом. Очень часто торговые суда, вынужденные приставать к берегу из-за шторма на Каспийском море, подвергались нападениям дагестанских владетелей.

О таком довольно часто встречавшемся явлении, как «береговое право» у дагестанских владетелей, писал Ф. Котов, который предупреждал в своих записках об опасности передвижения «на малых судах тем, что если струг прибьет непогодю к берегу в Дербенте и в Тарках, то с находящихся на нем купцов взимают большие пошлины, а если струг прибьет к пустому месту, то люди уцмийского и кайтагского князей нападают на купцов, убивают их и товары отнимают. На берегу постоянно идут грабежи»¹⁵. К сожалению, часто в руки бандитов попадали не только товары, но и все, кому удавалось благополучно выбраться на берег. Не возымели действие требования астраханских и терских воевод, а позже кизлярских комендантов, не занимаясь грабежом потерпевших крушение морских судов. Подобная практика продолжалась на протяжении всего XVIII века¹⁶.

Тем не менее доставка товаров по морю была более выгодным делом, чем следование сухопутным караванным путем. Торговое судно могло перевозить столько товара, сколько тысяча верблюдов. К тому же караванные пути довольно часто подвергались нападениям и

грабежам. Говоря о маршрутах на Каспии, следует отметить, что от правым пунктом служила Астрахань. Подчеркивая ее важность в каспийской торговле, один из корреспондентов главы нидерландской Ост-Индской компании Витсена писал: «Астрахань — широко известный торговый город на Востоке или в Азии, куда многие торговые люди привозят бесчисленные товары водным путем и по суше, которые рассылаются в различные края мира, ибо широкая возможность, которую дают река Волга и другие, и судоходство Каспийского моря, открывает всем торговым людям удобный и короткий путь от севера к востоку, не только в Персию, Бухару и Черкассию, но и в Китай и даже в Ост-Индию, так же как и в Турцию и в другие области»¹⁷. Выйдя из Астрахани, торговые суда шли вдоль северного и западного побережья Каспийского моря — от острова Четырех бугров — к Терскому городку, далее — Тарки — Дербент — пристань Низовая — Баку¹⁸. При благоприятной погоде такой путь составлял 6—7 дней. Далее шел сухопутный маршрут — в Шабран, Шемаху, Гилян, Ардебиль, Казвин и другие торговые центры. Город Шемаха играл роль главного места складирования товаров европейско-азиатской торговли и был центром колонии русских купцов в Персии. Здесь находилось более семи крупных караван-сараев, в которых торговали русские, армянские, дагестанские, гилянские, бухарские и др. купцы.

Важную роль в развитии каспийской морской торговли играли расположенные на западном берегу Каспия гавани. Говоря о роли Терской крепости Челеби писал: «Это — крупный и притом отдаленный порт на границе Дагестана и королевства Москвы. Все московские купцы сходят здесь с кораблей и направляются в Дагестан, Грузию и Иран»¹⁹. Из Терки пролегал сухопутный путь в горные районы Дагестана, через Дагестан в — Грузию, а также вдоль западного берега Каспия — в Азербайджан и Иран.

Более значимой была роль Дербента в развитии каспийской морской торговли, поскольку его торговые контакты на западе распространялись до Англии, а на востоке — до Китая. Дербент в это время являлся важной перевалочной базой на трассе Волжско-Каспийского торгового пути, по которому из Персии и прикаспийских областей Кавказа в Восточную Европу поступало большое количество шелка-сырца и шелковых изделий, пользовавшихся повышенным спросом. О торговых оборотах дербентского морского порта можно судить по сведениям Челеби: «И поскольку в этот порт Демиркапу из стран Чин, Мачин, Хатай, Хотан, Фагфур и Москвы приезжают по торговым делам сотни тысяч людей, таможня его дает большой доход. Когда Демиркапу (Дербент. — *Ш.М., Н.М.*) был в руках османов, то от его порта и эйялета Ширван ежегодно поступало двести сорок семь юков акче дохода и хакиму Дагестана для его нукеров, для султанов семи его санджаков ради сохранения мира и спокойствия давались кассы и денежное жалованье»²⁰. Чтобы понять значение дохода от дербентского торгового порта, отметим, что в Османской империи расходы государства учитывались в мешках (юкках). Так, например, на гардероб султана и на содержание султанской конюшни ежегодно тратилось 264 мешка денег, на артиллерию — 47,5 мешков и т.д.²¹

Непосредственно к югу от Дербента располагалась пристань Низовая, откуда шел путь на Шемаху. Характеризуя данную пристань,

Котов отмечал: «Берег мягкий, камня нет, пристань хорошая»²². К пристани Низовой прибывали российские суда из Астрахани для торговли с Персией. Торговля здесь была достаточно оживленной. Голландский путешественник К. Брейн, побывавший в Низовой в 1703 г., застал на пристани «6 русских стругов, а на берегу множество палаток, в которых сложены были товары». Кроме того, ему удалось увидеть, как «нагружали на суда товары, состоявшие из шелка и рису»²³. Однако после известных шемахинских событий 1721 г., когда пострадало немало иноземных торговцев, в том числе и несколько сот русских купцов, в торговле наступил спад²⁴.

Одной из лучших гаваней, где «суда от всех ветров стоять могут безопасно», обладал Баку. Роль города как транзитного пункта в каспийской торговле была велика. Об этом писал Челеби: «Баку является портом Шемахи. Из Чина, Хатая и Хотана, из городов Фагфура и Зенана, из страны Калмыкии и Московии непрерывно приезжают сюда послы и прибывают караваны с товарами. Московиты постоянно приезжают в Баку, покупают и везут из Баку на Москву соль, нефть, шафран и шелк. Собольи и беличьи меха, рыбий зуб, болгарская юфть большей частью перевозятся из Московии в Персию через Баку, а частично через Гилян»²⁵. По наблюдениям Соймонова, в Баку бывало много торговых судов, которые развозили нефть по другим персидским гаваням²⁶. Торговля нефтью являлась одной из доходных статей.

Права на транзитную торговлю через Каспийское море с Востоком от Российского государства в XVII в. добивались Голландия, Франция. Однако царское правительство трудно шло на эти международные соглашения. Опасения были вполне обоснованными, поскольку иностранные торговые агенты неоднократно пытались монополизировать торговлю шелком через Россию. Так в 1649 г. царь Алексей Михайлович издал указ «О высылке английских купцов из России, и о приезде их токмо к Архангельску, за многие несправедливые и вредные их для городов русских поступки...»²⁷

С конца 1660-х гг. посредниками в торговле персидским шелком через Каспий и Москву стали купцы армянской Джульфинской компании, получившие от царя жалованную грамоту по инициативе персидского шаха Аббаса II. Голландия, в отличие от Англии и Франции, сумела выстроить с армянской компанией взаимовыгодные отношения и добилась во второй половине XVII в. увеличения провоза с ее помощью товаров через Каспий и Россию²⁸. Все это также привело к росту «... российских торгов за Каспийское море с Персией, и наипаче с Ширваном, [которые] ежегодно умножались»²⁹.

Однако разбой казаков Степана Разина, несовершенное судоходство на Каспийском море, злоупотребления начальников на местах и в центре расстроили каспийскую морскую торговлю шелком и не дали возможности «московскому шелковому транзиту» стать одним из ответвлений Великого шелкового пути. Позже попытки возродить каспийскую морскую торговлю предпринимались петровским правительством, но они также не привели к ожидаемым результатам.

Примечания

Публикация подготовлена в рамках поддержанного ОГН РФФИ научного проекта № 16-31-01034.

1. ИБН-ХОРДАДБЕХ. Книга путей и стран (перев. с арабского). Баку. 1986, с. 41.
2. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 29. М. 1965, с. 257, 353.
3. ГУСАРОВА Е.В. Астраханские находки. История, архитектура, градостроительство Астрахани XVI—XVIII вв. по документам из собраний Петербурга. СПб. 2009, с. 173.
4. ТУШИН Ю.П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Чёрном морях (XVII век). М. 1978, с. 40.
5. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Л. 1938, с. 220.
6. ОЛЕАРИЙ А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб. 1906, с. 446.
7. СОЙМОНОВ Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории императора Петра Великого. СПб. 1763, с. 64—65.
8. КИРОКОСЬЯН М.А. Русский флаг на Каспии: Два столетия Каспийской флотилии (середина XVII — середина XIX века). Пираты Каспийского моря. М. 2013, с. 16.
9. Там же, с. 14.
10. Хожание купца Федота Котова в Персию. М. 1958, с. 68—69, 71.
11. КИРОКОСЬЯН М.А. Ук. соч., с. 17.
12. КУЧИРЬ А.Г. «Каспийское мореходство — дело государево». История борьбы за Каспий. СПб. 2015, с. 45.
13. ЧЕЛЕБИ Э. Книга путешествия. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М. 1979, с. 128.
14. ИНОЗЕМЦЕВА Е.И. Из истории морехозяйственной деятельности народов Дагестана. — Вестник Института ИАЭ. 2005, № 4, с. 15.
15. Хожание купца Федота Котова в Персию, с. 71—72.
16. АБДУСАЛАМОВ М.-П.Б., МАГАРАМОВ Ш.А. Институт «берегового права» в отношениях российских властей и правителей Северного Дагестана в XVIII в. (по материалам Кизлярского комендантского архива). — Современная научная мысль. 2016, № 4, с. 72—79.
17. ГУСАРОВА Е.В. Ук. соч., с. 132.
18. Хожание купца Федота Котова в Персию, с. 69, 71.
19. ЧЕЛЕБИ Э. Ук. соч., с. 217.
20. ЕГО ЖЕ. Книга путешествий. Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М. 1983, с. 123.
21. История Турецкого государства от самого основания онаго до новейших времен. Ч. I. М. 1828, с. 85.
22. Там же, с. 68.
23. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII—XVIII вв. Махачкала. 1992, с. 155.
24. СОЙМОНОВ Ф.И. Ук. соч., с. 38.
25. ЧЕЛЕБИ Э. Книга путешествия, вып. 3, с. 118.
26. СОЙМОНОВ Ф.И. Ук. соч., с. 43.
27. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Т. 1. 1830, с. 167.
28. ГУСАРОВА Е.В. Ук. соч., с. 174.
29. БРОНЕВСКИЙ С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. I. М. 1823, с. 193.

Православное духовенство и русский национализм в начале XX в.

А.А. Иванов, А.А. Чемакин

Аннотация. В публикации рассматривается и анализируется отношение видных представителей российского православного духовенства к идеологии и практике русского национализма в годы царствования императора Николая II и в период гражданской войны. На разностороннем источниковом материале (стенографические отчеты Государственной думы, публикации периодической печати, источники личного происхождения, документы Государственного архива Российской Федерации) в публикации впервые предпринимается попытка дать ответы на вопросы об отношении Российской православной церкви в указанный период к национализму, о причинах сотрудничества ряда видных церковных деятелей с политическими структурами русских националистов, а также о критике данной политической идеологии со стороны православного духовенства.

Ключевые слова: Русская православная церковь, православное духовенство, русский национализм, Евлогий (Георгиевский), Антоний (Храповицкий), Всероссийский национальный союз, царствование императора Николая II, гражданская война.

Abstract. This publication reviews and analyses the attitude of prominent spiritual leaders of Russian Orthodox Church toward the ideology and practice of Russian nationalism in the reign of the Emperor Nicholas II and in the period of the Civil war. On basis of different sources (verbatim records of the National Duma, periodical press publications, private sources, documents of the State Archive of the Russian Federation), this publication for the first time has a shot at giving an answer to the questions about the attitude of the Russian Orthodox Church in that period toward nationalism, at the reasons of cooperation of some prominent church leaders with political structures of Russian nationalists, as well as criticism of this political ideology on behalf of Orthodox clergy.

Key words: Russian Orthodox Church, Orthodox clergy, Russian nationalism, Eulogius (Georgievsky), Antonius (Khrapovitsky), All-Russian national union, reign of the Emperor Nicholas II, The Civil War in Russia.

Национализм, превратившийся за XIX в. в заметное и влиятельное явление русской жизни, в начале века XX не только продолжал развиваться как политическая теория, но и благодаря Манифесту 17 ок-

---

Иванов Андрей Александрович — доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru; *Чемакин Антон Александрович* — кандидат исторических наук, ст. преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: chemakinanton@rambler.ru.

Ivanov Andrey A. — doctor of historical sciences, associate professor at the St. Petersburg State University. E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru; *Chemakin Anton A.* — candidate of historical sciences, senior lecturer at the St. Petersburg State University. E-mail: chemakinanton@rambler.ru.

тября 1905 г. получил возможность выйти на новый, практический уровень — партийного строительства. В той или иной степени сторонниками русского национализма (впрочем, подчас достаточно порозному понимаемого) провозглашали себя и члены крайне правых партий и союзов, и представители умеренного крыла либерального лагеря, и даже отдельные социалисты. Таким образом, мобилизовать националистические идеи пытались и национал-консерваторы, и национал-либералы, и национал-демократы. Появился Всероссийский национальный союз — первая в истории России политическая партия, члены которой безоговорочно провозгласили себя русскими националистами, а русский национализм — центральным пунктом своей программы. Не удивительно, что в этих условиях в обществе развернулась широкая дискуссия о русском национализме, причем как среди защитников, так и в числе критиков данной политической идеологии было немало именитых публицистов, философов и политиков¹. Не остались в стороне от этой полемики и представители православного духовенства. Однако если отношение русских националистов начала XX в. к православию, церкви и духовенству достаточно хорошо изучено², да и участие священнослужителей в дореволюционных политических структурах, исповедовавших идеологию русского национализма, затрагивалось историками³, то отношение пастырей Русской церкви к проблеме русского национализма и их деятельность в политических организациях периода гражданской войны в России до настоящего времени не становились предметом самостоятельного исследования. Между тем, тема эта, на наш взгляд, имеет не только научную актуальность, но и общественно-политическую, а потому требует самого пристального исследовательского внимания.

Российское православное духовенство, как известно, в политических вопросах не было едино. Политически активная его часть в большинстве своем поддерживала правые, монархические организации, однако встречались среди священнослужителей и сторонники «прогрессивных» взглядов, включая сочувствующих революционным идеям. Не было единства среди духовенства и в отношении русского национализма, ставшего еще одним фактором разделения и поводом для полемики. Стартом для последней послужило возникновение ряда политических структур русских националистов — Всероссийского национального союза (ВНС), Всероссийского национального клуба (ВНК), Киевского клуба русских националистов (ККРН), фракции националистов и умеренно правых (ФНУП) в Государственной думе и других, родственных им по духу организаций. В деятельности этих политических структур принимали участие и представители православного духовенства.

Среди членов ФНУП было немало священников (А.И. Будрин, Н.Е. Гепецкий, М.В. Митроцкий, П.Т. Населенко, К.Н. Рудич, А.Л. Трегубов и др.), составлявших 14% членов фракции в III Думе и 20% в IV (второе место после фракции правых)⁴. Среди депутатов-националистов числился и В.Н. Шеин — будущий архимандрит Сергей, канонизированный РПЦ в 1992 году. Членом Главного совета ВНС и бюро ФНУП был депутат Государственной думы епископ (с 1922 г. — митрополит) Евлогий (Георгиевский), указывавший «на тесную связь между православием и русским национализмом»⁵, за что был

позже прозван советским историком А.Я. Аврехом «одной из самых зловещих фигур воинствующего национализма»⁶. Однако на деле владыка был чужд воинственной риторики и на роль идеолога русского национализма никогда не претендовал. Называя себя «патриотом и националистом»⁷, с думской кафедры он осуждал «денационализацию» общества; призывал сделать школу в России «национальной», воспитывающей «достойных русских граждан, крепких верой в Господа Бога и своим патриотизмом, горячею любовью к своему Царю и к своей родине»⁸; отстаивал тезис, что белорусы и малороссы являются такими же русскими людьми как и великороссы⁹; ратовал за «охранение русской национальности в тех наших русских окраинах, где она подвергается явной опасности»¹⁰; требовал приобщения инородцев, населяющих империю, к русскому государственному языку и русской культуре, что, по его мнению, должно было объединить «их в один цельный, единый и нераздельный и живой государственный организм»¹¹; отстаивал русский характер Западного края и боролся за «русскую Холмщину»; выказывал себя убежденным сторонником «векового священного союза между церковью и государством»¹². Выступая в защиту лозунга «Россия для русских», епископ Евлогий вместе с тем заявлял, что Россия не делит своих подданных «на разряды», смотрит «на всех своих граждан, как на своих родных детей», а потому «много языков и народностей живет на необъятном пространстве Российской империи и все они... объединяются в один цельный нераздельный государственный организм»¹³. Подчеркивая наличие у него крепкого национального чувства, епископ Евлогий вместе с тем признавал, что иногда «здоровая национальная идея извращается в идею шовинистическую и... патриотическое, национальное чувство переходит как бы в некоторый психоз» (такое перерождение он отмечал у поляков)¹⁴. Выступая на съездах ВНС с речами, епископ Евлогий либо говорил исключительно по «холмскому вопросу», призывая снять с Холмщины «польскую печать» и законодательно признать ее русской землей (1912), либо произносил общие слова о том, что «высшим счастьем для России» станет тот день, когда «стремлением к осуществлению национальных задач [будут] охвачены не только отдельные группы русского общества, но весь многомиллионный русский народ»¹⁵.

Как видим, многие из отстаиваемых епископом Евлогием тезисов были вполне в русле консервативной риторики того времени и не отличались чем-то специфически националистическим. Теоретических вопросов национализма владыка в своих речах не касался, термин «нация» не употреблял вовсе и национализм понимал с консервативно-монархических позиций, всегда тесно связывая между собой такие понятия как «церковность», «самодержавие» и «национальный идеал», подчиняя последний двум первым. Да и переход епископа из фракции правых, в которой он состоял в бытность депутатом II Думы, во ФНУП был связан не с превращением владыки в убежденного националиста, а с тем, что он стал тяготиться обществом черносотенцев и предпочел переселиться на скамьи более умеренных и «культурных» сторонников столыпинской политики, активно поддерживавших его идею о выделении из состава Царства Польского Холмской Руси¹⁶. Как позже указывал архиерей, он считал важным, чтобы пра-

вославленное духовенство «было вкраплено во все политические партии и в них защищало церковные взгляды»¹⁷. Представляется, что схожими были мотивы большинства представителей православного духовенства, влившихся в ряды ФНУП и ВНС. Как отмечает Д.А. Коцюбинский, «явно политизированный и прагматизированный подход к разрешению вопроса о преимуществах РПЦ заметно отличал церковно-религиозную риторику ВНС от черносотенной (традиционалистской)», но, несмотря на это, русских националистов поддерживали священники западной и юго-западной окраин империи, где было сильное влияние поляков и католицизма, а также те носители духовного сана, для «которых оставались неприемлемыми ни черносотенство, ни “излишне конституционный” октябризм»¹⁸. Об этом же пишет и С.М. Санькова, по оценке которой, думские священники-националисты особой политической активности не проявляли, больше заботясь о вопросах церковных и местных нуждах. Далеко не всегда одобряли они и взгляды лидеров ФНУП, но «открыто этого не выражали, так как нуждались в их поддержке для проведения необходимых им церковных законопроектов»¹⁹.

Защита церковных взглядов, о которой говорил епископ Евлогий, была для духовенства задачей немаловажной, поскольку нарушив по факту иерархическую последовательность членов триады «православие, самодержавие, народность», многие видные идеологи русского национализма (М.О. Меньшиков, П.И. Ковалевский, Н.О. Куплеваский и др.) поставили русский народ (нацию) на первое место, отведя православию и самодержавию «вспомогательные» функции²⁰. О богоустановленности царской власти речи у большинства националистов не шло. Самодержавие было для них лучшей формой правления для русского народа, причем зачастую с принципиально важной оговоркой — «на данный момент», то есть пока оно, по их мнению, защищало интересы русского народа. Отношение к Православной церкви у многих националистов также было «утилитарным». Если для правых традиционалистов православие стояло на первом месте уваровской триады, определяя отношение к остальным сочленам формулы (исходя из православного вероучения, правые отстаивали самодержавие и боролись за первенство русского народа как главного носителя церковных и монархических начал), то националисты подходили к этому вопросу несколько иначе, понимая православие и самодержавие не как самоценные величины, а как формы веры и власти, наиболее «подходящие» русскому народу. Эти обстоятельства и стали одной из причин критики националистов правыми традиционалистами, увидевшими в их идеологии «национализм без веры и царя», имевший тенденции «сползания» в сторону секулярных и либеральных западноевропейских ценностей²¹.

Приведем лишь некоторые примеры. Один из идеологов русского национализма М.О. Меньшиков заявлял, что «навязать вере народной вечные установления», по его мнению, «кошунство»; что как «потомок православных предков» он не может иметь иных «более привычных и приятных форм веры», кроме тех, которые вошли в его сознание «с родным языком и родною мыслью», но ему «режет ухо», когда митинги монархистов «начинаются с “Царю Небесный” и оканчиваются “Спаси Господи”»²². В молодые годы Меньшиков выска-

звался о религии пренебрежительно, считая христианство «сводом первобытных суеверий космологического характера», набором «нелепых, противообщественных, вредных здоровой жизни мнений» и «нелепых надежд», возникших «единственно из воспаленной фантазии полудикого Востока». И выносил следующий вердикт: «Ничего разумного, ничего нравственного, с моей точки зрения, не заключается в христианстве...»²³ Чужд был Меньшиков и религиозного мессианства: «Меня смущает, — писал он, — голословное и бездоказательное решение мирового вопроса: Русь православная обновит мир (а главное дело — духовно обновит), Русь православная скажет свое слово гнилому Западу... Сомневаюсь, несмотря на великий авторитет Достоевского и Самарина»²⁴. Однако это не мешало публицисту на страницах «Нового времени» выступать в защиту православия и церкви. Как справедливо отмечают исследователи взглядов Меньшикова, отношение идеолога русского национализма к христианству «было чисто утилитарным»²⁵, причем в глубине души он склонялся к тому, что православие и самодержавие, «все более превращаются в отжившие национальные традиции, сохранение которых в качестве внешних форм существования нации, безусловно, желательно, но практически неосуществимо»²⁶.

Другой теоретик русского национализма — профессор Ковалевский — едва не попал под суд за свои рассуждения о Ветхом Завете, в которых цензурный комитет усмотрел «богохуление и оскорбление святыни»²⁷. «... Я всегда думал, — признавался Ковалевский, — что в ней (Священной истории Ветхого Завета. — *А.И., А.Ч.*) нет ничего священного — ее примеры не достойны подражания, — ее читать можно только для того, чтобы так не делать, как там пишется, — а чтение Библии является безнравственным и развращающим»²⁸. Подобные рассуждения, вкупе с антисемитскими выпадами по адресу ветхозаветных пророков, заставили одного из известных русских архиереев — епископа Никона (Рождественского) выступить в печати с обличительной статьей против такого «национализма»: «Давно совесть требовала сказать слово правды по адресу наших почтенных патриотов в защиту святой Библии... Да, приходится не просто сказать, а крикнуть некоторым из них: “Не касайтесь Библии, не трогайте нашего Священного Писания, в котором мы, верующие, видим и знаем только слово Божие!”... Не щадят наши патриоты ни Авраама, которого Апостол называет “другом Божиим”, ни Давида, которого Церковь называет “Богоотцем”, то есть праотцем Самого Господа Иисуса Христа, ни других великих патриархов и святых мужей Ветхого Завета, которых наши ревностные антисемиты не стесняются ставить в один ряд с современными “жидами”...»²⁹

На тревожные для церкви и правых традиционалистов тенденции, проявлявшиеся у стоявшего на стыке консервативной и либеральной идеологии ВНС, неоднократно обращал внимание видный православный архиерей, активный участник монархического движения архиепископ (с 1917 г. — митрополит) Антоний (Храповицкий). Проблеме русского национализма владыка Антоний посвятил несколько статей, в которых указывал на его опасности и старался направить это идейно-политическое течение в конструктивное, с его точки зрения, русло. Выступая в 1909 г. на торжественном собрании Русского

народного союза им. Михаила Архангела, архиепископ обращал внимание правых на то, что набравший силу национализм, ставший уже преобладающим началом общественной и государственной жизни у «современных племен Европы», появился в России «в подражание народностям западным»³⁰. По мнению архиерея, покровительствовавшего черносотенным организациям, «союзы консервативные, патриотические» были проникнуты «совсем иным духом», так как в отличие от политических структур русских националистов, копировавших аналогичные западные партии, «возникли на подлинных исторических основах жизни народной». Принципиальное отличие русского патриотизма от западноевропейского национализма владыка видел в том, что первый опирался на духовный опыт православной традиции, а второй вырос «на началах римского язычества», в результате чего вождельной целью европейских националистов стало лишь «внешнее усиление государства или племени», то есть «расширенное себялюбие» и «стадный эгоизм». «Что за смысл бороться за силу и преобладание чехов среди немцев или испанцев над португальцами, когда и та и другая народность имеет и ту же религию, и ту же культуру? Работать и бороться за одну из них против другой только потому, что то мое, а то не мое, — это иногда, пожалуй, и естественно, но здесь нет ничего высокого, вдохновляющего, святого», — полагал архиепископ Антоний. Соглашаясь с тем, что у исповедующих одну религию народов могут быть разные прагматические интересы, архиерей заключал: «... но в таком случае и не старайтесь придавать вашему западническому патриотизму характера нравственного, этического, а поставьте его на один уровень с любой акционерной компанией или торговым союзом»³¹. Патриотизм же русского народа, считал владыка Антоний, целью своей ставит не самовозвеличивание, а служение «для иной высшей цели, цели святой, божественной и всемирной». Подчеркивая, что «самосознание русское, народное — есть самосознание не расовое, не племенное, а вероисповедное, религиозное», архиепископ видел суть русского патриотизма в мессианстве: «Нося в себе непоколебимую уверенность в неповрежденном сохранении учения Христова, народ русский защищал и отстаивал с таким самоотвержением свою страну именно как хранилище божественной истины, как служительницу евангельского благочестия: не себя самого, не свое благополучие, а это духовное сокровище, ему вверенное, его охранение и расширение почитают русские люди высшим направителем своей и личной, и общественной, и государственной жизни»³².

В национализме западного образца, который брали на вооружение идеологи русского национализма начала XX в., архиепископ Антоний видел прежде всего материалистическое стремление служить «утилитарным интересам населения». Критикуя национализм, который «проповедуется у нас в больших и модных газетах», священнослужитель называл его «совершенно отрешенным от религиозных и иных высших целей жизни», направленным лишь на «зоологическое самосохранения нации»³³. «Защищать свой угол, свою берлогу свойственно всякому живому существу, — писал Антоний (Храповицкий) в 1914 г., — но ведь иное дело животное самосохранение, а иное — святое самопожертвование, служение родине как святыне, а не только как коллективному эгоизму: последнее может быть очень энер-

гичным, как служба своему трактиру, своему коммерческому банку, но считать его возвышенным, одушевляющим, требовать на таком служении жертв возможно ли по какой логике?»³⁴ Формировать нацию вне «ее исторических задач и заветов, вне ее веры, вне всего святого и возвышенного» архиерей считал «сумасшествием»: «Одно из двух: или признайте самую нацию носительницей высшей идеи, которую она призвана осуществить в истории, — или освободите патриотизм от всякой нравственной обязательности и признайте его простой защитой своей шкуры, своей берлоги, своей мелочной лавочки»³⁵.

Критику современного ему русского национализма архиепископ Антоний продолжил и в годы первой мировой войны, отмечая, что тот мало соответствует церковному настроению и мировоззрению русского народа. «Не будем уже распространяться о том, что современный “национализм” в русском обществе, в политической партии такого наименования и в литературе всячески старается совершенно отрешить себя от вероисповедного начала, от Православия, от философского учения, с ним связанного, т. е. славянофильства, и открыто провозглашает себя “зоологическим”, т. е. беспринципным национализмом, союзом государственной и племенной самозащиты — и только, — писал он в 1916 г. — Заметим, впрочем, что, перенося свой патриотизм на почву такого безрелигиозного, а только юридического и экономического жизнепонимания, наши писатели, ораторы и деятели должны бы именоваться не националистами, но антинационалистами, строителями не исторической России, а петербургской, не Святой Руси, а русской Англии или Германии, русского языческого Рима...»³⁶

При этом архиепископ Антоний не был противником русского национализма как такового, сотрудничал в различных политических и общественных организациях не только с черносотенцами, но и с членами ВНС, со многими из которых поддерживал добрые отношения. Его критика в адрес русских националистов представляла собой не партийное обличение политических оппонентов, а пастырское наставление, имевшее целью убедить представителей ВНС и родственных ему организаций отказаться от копирования идеологии и практики западноевропейских националистов. «Иное дело быть националистом по настроению, по симпатиям, по убеждениям национальным и нравственным; иное дело примыкать к политической программе национальной партии», — отмечал он в одной из своих статей³⁷. Обращаясь к читателям рупора русского национализма — газеты «Голос Руси» — Антоний (Храповицкий) писал: «...Националистов принципиальных меньше, чем националистов партийных или политических. Почему? Да потому, что для национализма первого типа нужен нравственный подъем, а для второго — только здравый смысл. При императоре Николае I почти все члены русского общества были политическими националистами по своим государственным убеждениям, но по симпатиям, по государственному настроению духа, по обычаям своей жизни, большинство были западниками, скучали в России и в русской деревне, а утешались в Петербурге и в Париже; они молились (изредка, конечно) преподобному Сергию, но восхищались Байроном, слушали в церкви покаянные мефимоны, но наслаждались Поль де Коком»³⁸.

Критикуя западнические и секулярные тенденции в русском национализме, архиепископ Антоний не отрицал его как такового, а лишь призывал следовать «истинному национализму» — подчиненному религиозному идеалу и отстаивающему самобытность русской жизни. Называя в одной из статей этот «истинный русский национализм» «церковно-вероисповедным патриотизмом», Антоний (Храповицкий) предлагал принять следующий «догмат»: подлинным русским националистом может считать себя лишь тот, «кто старается о таком направлении жизни народной, которое соответствовало бы нравственному сознанию или нравственному идеалу русского народа». При таком подходе, полагал он, окрепли бы и государство и русское общество, «но цель жизни народной была бы не в самом этом благополучии, а в достижении высших нравственных целей, благополучие же явилось бы, как следствие»³⁹. Не подражать национализму европейскому, а охранять самобытную жизнь русского народа «от поглощения безнравственной культурой Запада, — вот в чем заключается главнейшая задача русского национализма», — резюмировал владыка⁴⁰.

Примерно с тех же позиций, что и архиепископ Антоний, рассматривал русский национализм и другой видный участник монархического движения протоиерей Иоанн Восторгов, ныне канонизированный РПЦ. Отмечая, что народ русский — «есть народ православно-христианский, составляющий царство христианское, имеющее мировое признание», заключающееся в сохранении и распространении православия, священник, не отрицая патриотизма и национализма, подчеркивал, что они не цель, а лишь «средство для высшей цели, для служения вечной истине...»⁴¹

Но были в среде русского духовенства и непримиримые противники национализма в любых его проявлениях. Среди таких критиков был яркий представитель демократического крыла русского духовенства, один из учредителей Петербургского религиозно-философского общества, профессор богословия протоиерей К.М. Аггеев. По мнению петербургского протоиерея, обстоятельно изложенному в 1914 г. в либеральной газете «Биржевые ведомости», христианство и национализм являлись понятиями несовместимыми. Трактую национализм исключительно как «извращенное национальное начало, — национальное начало, выродившееся в исключительный национальный эгоизм», священник вслед за Е.Н. Трубецким и Д.С. Мережковским призывал на борьбу с этой идеологией «во имя высших религиозных ценностей»⁴². Не без оснований замечая, что у некоторых идеологов национализма присутствует «явный налет цинизма в отношении религии», либо же «убожество религиозной мысли», Аггеев противопоставлял «национальное самоутверждение» и «национализм». «Национальное самоутверждение, — писал он, — как религиозная добродетель, включает в себе переживание нацией своей миссии как религиозного долга, и именно в силу этого переживание своей общности со всеми, со всем человечеством, в общей прогресс которого оно несет и свою лепту. Национализм как грех есть утверждение нацией себя как самоцели: в благе ее, и только в этом — начало и конец всех стремлений». А если нация становится самоцелью, делал вывод священник, то «национальное начало превращается в простой национальный эго-

изм», и «все другие нации не соразработники для нее на общей ниве Божией, а лишь средство для ее благополучия»⁴³. Более того, Аггеев полагал, что национализм был осужден уже в Евангелии. В трактовке петербургского протоиерея Голгофская трагедия «совершилась больше всего на почве национализма», поскольку главным «преступлением» Христа в глазах осудивших его еврейских первосвященников было то, что «Он не только не разделял их национализма, но боролся с ним на протяжении всей Своей жизни». Называя разбойника Варавву «национальным героем» и «бунтовщиком против римлян», Аггеев приходил к выводу, что ветхозаветные евреи, отпустив его, а не Христа, сделали выбор в пользу национализма, а не истины. В связи с этим священник безапелляционно заключал: «... национализм осужден Голгофским Крестом, и тот народ гибнет, который забывает этот запечатленный Божественной Кровию завет»⁴⁴.

Серьезным испытанием как для православного духовенства, так и для русских националистов стала гражданская война. Большая часть представителей духовенства осталась в это «смутное время» в «русском» лагере, но были и исключения. Так, видный член ККРН, ранее публиковавшийся на страницах рупора русских националистов газеты «Киевлянин» священник Нестор Шараевский перебежал в украинский лагерь, причем, судя по всему, из карьерных соображений⁴⁵.

Из-за краха, постигшего дореволюционные русские национальные организации, церковные структуры и близкие к ним приходские объединения на какое-то время стали прибежищем для русских националистов. Так, например, на Волыни на выборах во Всероссийское Учредительное собрание был выставлен список Комитета православных и единоверческих приходов Волынской епархии, первым номером в котором шел архиепископ Евлогий (Георгиевский), а вторым — лидер прогрессивных русских националистов В.В. Шульгин⁴⁶. На выборах в Учредительное собрание Украинской народной республики в январе 1918 г. Шульгин уже возглавил волынский список «От православных приходов и хлеборобов»⁴⁷. В Черниговской губернии во главе списка «Объединенных советов православных приходов Украины», включавшего множество священников, шел русский националист П.М. Виридарский, в будущем сотрудник подпольной белогвардейской организации «Азбука» и приятель Шульгина⁴⁸. В Харькове русские националисты и бывшие черносотенцы не стали создавать новую организацию, а предпочли действовать через церковно-приходские структуры, причем их лидеры, священник Пётр Скубачевский, А.Л. Погодин и И.М. Бич-Лубенский, были избраны в Харьковский епархиальный совет (консисторию)⁴⁹.

Правда, в отношениях русских националистов и духовенства были и определенные разочарования. Е.А. Ефимовский, лидер киевского Национального культурно-политического общества «Русь», вспоминал: «Одной из опор “русскости” Малороссии должна была бы быть православная церковь в лице ее клира... Национально-российская точка зрения епископа Евлогия и ожидавшийся приезд на вакантную Киевскую митрополию митрополита Антония укрепляли эту надежду. Увы! Она оказалась тщетной: митрополит Антоний, встреченный на вокзале хлебом-солью, поднесенным от киевлян Е.Г. Шульгиной, и моей речью... — прослезился и сказал: “Будьте спокойны! Я ваш и

всегда им буду”. Увы! Через несколько дней митрополичьим служением в сослужении с епископом Евлогием было провозглашено “многoletие” гетману Павло Скоропадскому с “покорением под ноzi его всякого врага и супостата”»⁵⁰. В данном случае, очевидно, интересы церкви как института оказались для видных иерархов намного важнее, чем русская национальная идея. Впрочем, такое поведение было исключительно ситуативным — в 1919 г., при изменившейся обстановке, и Антоний, и Евлогий вошли в киевскую инициативную группу по организации Всероссийского союза православных приходов. Группа эта была создана преимущественно русскими националистами, среди которых были П.М. Виридарский, Шульгин, А.В. Стороженко, а также «профессора академии и университета, выдающиеся священники, члены собора и церковно-общественные деятели». Среди задач этого союза были «национально-государственное воспитание народа на религиозной основе» и «укрепление православного мирозерцания в коренном русском народе»⁵¹.

Приходское духовенство приняло активное участие в работе Союза русских национальных общин (СРНО), появившегося в Новороссии в 1918 г., а затем, после падения гетманской власти, перенесшего свою деятельность в казачьи регионы и на Северный Кавказ. В уставе СРНО говорилось, что «Церковь Христова (православная и старообрядческая), соборно-канонически управляемая, должна духовно и морально объединять русский народ, нравственно влияя на все стороны государственной жизни». Союз выступал за всеобщее начальное обучение на русских национальных началах и «развитие христианского религиозного чувства и морали в школах», способствование «возрождению и обновлению церковной жизни и живой деятельности прихода»⁵². В докладе начальника Информационной части Отдела пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России о съезде СРНО в Ессентуках в июле 1919 г. сообщалось, что данное мероприятие имело «духовный оттенок»: «В речах представителей как православного, так и старообрядческого духовенства сквозила основная мысль, что разруха в России явилась следствием падения веры, а потому и возрождение нашего государства возможно только лишь при деятельном содействии православия и старообрядчества. Ввиду того, что представители духовенства на съезде были самыми энергичными работниками, а также в силу согласия большинства членов съезда с защищаемыми духовенством положениями, постановления съезда носили некоторый клерикальный отпечаток»⁵³.

Глава Ростовской русской национальной общины священник Андрей Сокальский отмечал, что «все мы, русские люди, станем русскими националистами», причем «должны носить это звание не из тщеславия, не ради красивого слова, а исключительно для труда во благо своей Родины и русскому народу, и еще для того, чтобы не только самому быть сознательным националистом, но чтобы быть способным и неграмотного научить основам русского национализма»⁵⁴. Собранием Ростовской общины были приняты десять тезисов (по-видимому, написанные тем же о. Сокальским), которыми обязан в своей жизни руководствоваться русский националист⁵⁵. Первые два тезиса непосредственно относились к религиозным вопросам:

«1) Святая православная Вера и Христово учение — это фундамент Единой, Великой России. На этом фундаменте я обязан строить личную, общественную и государственную жизнь.

2) Я обязан постоянно укреплять и искренно исповедовать свою веру в Бога, святую православную веру, — и хранить ее, как мою святыню. Моя вера в Бога должна быть сознательной, твердой и не-сокрушимой, как скала».

Десятый же тезис звучал так: «Я обязан принять и планомерно проводить в жизнь девиз: “Россия для русских”»⁵⁶.

В руководство ростовской национальной общины вошли три священника: Андрей Сокальский, Иоанн Рожанский и Иоанн Жежеленко⁵⁷. Общиной планировалось издание еженедельника религиозно-нравственного и общественно-политического содержания «Святая Русь»⁵⁸.

Однако высшее церковное руководство относилось к подобной деятельности отдельных православных пастырей с крайней осторожностью. Когда представители СРНО на Юго-Восточном русском церковном соборе обратились в предсоборную комиссию с просьбой благословить устав и всю «культурно-просветительную, прогрессивно-национальную деятельность» СРНО, а также включить в состав собора представителей организации, протопресвитер Георгий Шавельский отказал им⁵⁹.

На территориях, занятых белыми, русские националисты зачастую участвовали в выборах под религиозными и церковно-приходскими «вывесками». Так, например, в Одессе группой прогрессивных русских националистов во главе с Ф.А. Могилевским был создан «Христианский трудовой блок», в который также вошли черносотенцы и представители церковно-приходских структур. Собрание настоятелей и священнослужителей одесских церквей и представителей братств и сестричеств, «признавая значение выборов в городскую думу, как важного фактора оздоровления тыла и восстановления разрушенного городского хозяйства», постановило, «что долг христианского населения г. Одессы принять самое живое участие в этих выборах под знаменем “христианского трудового блока”»⁶⁰. Предвыборные собрания блока проводились в одесских церквях и епархиальном доме, а священнослужители агитировали за организованный русскими националистами список (кстати говоря, победивший на выборах и получивший абсолютное большинство мест в Одесской городской думе).

Один из видных представителей духовенства, член Временного высшего церковного управления Юго-Востока России архиепископ Таврический Димитрий (Абашидзе) — в будущем один из лидеров киевской группы Катакомбной церкви, канонизированный в 2011 г. как местночтимый святой Киевской епархии УПЦ МП — принял участие в попытке воссоздания ВНС. Первоначально владыка Димитрий отрицал свое участие в политической жизни, однако не было секретом, что он сотрудничал с правыми монархическими организациями⁶¹. 11 ноября 1919 г. в ростовском «Вечернем времени» появилось воззвание «К русским людям» от имени архиепископа Димитрия и по уполномочию группы лиц, среди которых были экс-депутаты Думы националисты П.Н. Балашов, Н.Н. Можайский и князь К.М. Шаховской. В начале воззвания описывались обрушившиеся на Россию бедствия, а затем отмечалось, что хотя «вдали видны уже злато-

верхие купола Москвы, но не испита еще чаша страдания нашего», и поэтому надо укреплять тыл и стеной встать «вслед за своими героями, когда они борются на фронте». По мнению авторов воззвания, необходимо было иметь мужество сознаться, как на исповеди, что слабость русского народа была в недостаточности национального чувства. Лишь осознав это, можно понять, «кто виновник неслыханного позора и разорения трудящегося русского народа». Если же русские люди не окажут дружной поддержки фронту, не дадут отпора врагам, копошащимся в тылу и ведущим «разрушительную самостийную и большевицкую работу», то подвиги добровольцев и казаков будут напрасны. «Веря, что доблестью и кровью лучших сынов воскреснет наша Великая Мать, что в бездну отчаяния ввергнут он был неведующими отечества проходимцами, зовем всех русских людей объединиться в дружную братскую семью для защиты державных прав русского народа и самобытных прав казачества в его историческом укладе — во имя восстановления Церкви Христовой в нетленной чистоте Ее и государства нашего в прежнем его могуществе и единстве. Так мыслим, так веруем, так исповедуем мы, русские националисты». Всех разделяющих эту мысль просили образовывать повсюду местные национальные группы, а также записываться и сообщать свои адреса в бюро инициативной группы, расположившееся в конторе «Вечернего времени»⁶².

Конечно, приведенные примеры далеко не исчерпывают темы, затронутой в данной публикации, однако и они, как нам представляется, позволяют сделать ряд важных наблюдений и выводов. К появлению в начале XX в. политических организаций русских националистов консервативной направленности (открыто не порывавших с церковной традицией и самодержавием) представители православного духовенства, за отдельными исключениями, отнеслись лояльно. Более того, определенная часть русского духовенства приняла весьма активное участие в работе ВНС, ВНК, ККРН, ФНУП и др. политических организациях, члены которых провозглашали себя русскими националистами. Однако в большинстве случаев тесное сотрудничество церковных деятелей с данными организациями объяснялось не тем, что представители православного духовенства являлись убежденными приверженцами идеологии русского национализма, а иными причинами: желанием отмежеваться от радикализма крайне правых монархистов (черносотенцев); перспективностью сотрудничества с политическими структурами, пользующимися покровительством власти; готовностью русских националистов лоббировать интересы Православной церкви и духовенства; национально-патриотической направленностью их деятельности и контрреволюционностью.

Вместе с тем, даже наиболее активные в политическом плане представители духовенства, являвшиеся сторонниками русских националистов, как правило, не уделяли специального внимания теоретическим вопросам национализма, делая акцент на важности сохранения духовной культуры, религиозности, национального начала, верности монархическим принципам, то есть не выходили за рамки традиционной консервативно-монархической риторики. И последнее вполне объяснимо. Являясь религией наднациональной, вселенской, православие не может замыкаться исключительно на национальном, что прекрасно понимали представители духовенства, сотрудничавшие

с политическими организациями русских националистов. Поэтому одной из целей такого сотрудничества ими нередко провозглашалось пастырское окормление русских националистов, удерживание их от сползания в секулярный национализм западного образца и от соблазна поставить нацию выше православия и самодержавия.

Гораздо больше внимания национализму как политической идеологии уделяли его критики из рядов православного духовенства, как справа, так и слева. Причем если деятели церкви из черносотенного лагеря критиковали русский национализм за наличие в нем западнических и секулярных тенденций (но при этом не отрицали «истинного национализма», подчиненного религиозному идеалу), то представители либерально-демократического крыла русской церкви порой отказывали русскому национализму в праве на существование, как явлению, «осужденному Голгофским Крестом». В годы гражданской войны отчетливо проявилась тенденция к созданию национальных и церковно-приходских общин, в рамках которых должно было развиваться сотрудничество представителей церкви и русских националистов. Но высшее церковное руководство относилось к подобной деятельности крайне осторожно, а деятельность отдельных иерархов носила в значительной мере конъюнктурный характер, проявившийся в наибольшей мере в «украинском» вопросе. Таким образом, Православная российская церковь не имела консолидированной позиции в отношении русского национализма, предоставляя своим членам самостоятельно определяться в отношении этого относительно нового для российской жизни политического течения.

Примечания

1. Нация и империя в русской мысли начала XX века. М. 2003; Национализм: полемика 1909—1917. М. 2015;
2. КОЦЮБИНСКИЙ Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М. 2001, с. 398—426.
3. См., напр.: КАЛЬЧЕНКО Т.В. Киевский клуб русских националистов. Историческая энциклопедия. Киев. 2008.
4. САНЬКОВА С.М. Русская партия в России: образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908—1917). Орёл. 2006, с. 81.
5. КОЦЮБИНСКИЙ Д.А. Ук. соч., с. 400.
6. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 6. М. 1968, с. 365.
7. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. СПб. 1908, стб. 2712.
8. Там же, стб. 536.
9. Там же, стб. 899.
10. Там же. Сессия IV. СПб. 1911, стб. 1176.
11. Там же. Сессия IV. СПб. 1910, стб. 1025.
12. Там же. Сессия III. СПб. 1910, стб. 1723.
13. Там же, стб. 2996—2998.
14. Там же, сессия I, стб. 2712.
15. Всероссийский национальный съезд. — Новое время. 20.II.1912; Съезд националистов. — Там же. 21.II.1912, 3.II.1914.
16. САНЬКОВА С.М. Ук. соч., с. 137—141.
17. Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М. 1994, с. 231—232.
18. КОЦЮБИНСКИЙ Д.А. Ук. соч., с. 36, 401—402, 404.
19. САНЬКОВА С.М. Ук. соч., с. 81—82.

20. См.: ИВАНОВ А.А. Были ли русские националисты черносотенцами? (О статье И.В. Омелянчука). — Вопросы истории. 2008, № 11, с. 171—175.
21. МАРКОВ Н.Е. Национализм без веры и царя. — Свет. 26.II.1908.
22. МЕНЬШИКОВ М.О. Третья культура. В кн.: Нация и империя в русской мысли начала XX века. М. 2003, с. 40.
23. Цит. по: ОРЛОВ А.С. Интеллектуальная биография, социально-философские взгляды и публицистическая деятельность М.О. Меньшикова до начала работы в «Новом времени». Дисс. канд. ист. наук. Орёл. 2015, с. 137—138.
24. Там же, с. 122.
25. Там же, с. 142.
26. СТУКАЛОВ П.Б. Политические и правовые учения в России во второй половине XIX — начале XX века: Всероссийский национальный союз и его идеологи. Воронеж. 2011, с. 73—74.
27. ГЕПТНЕР Е. Библия и нравственность. В защиту Слова Божия (Ответ проф. П.И. Ковалевскому по поводу его брошюры «Библия и нравственность»). СПб. 1913, с. 6.
28. КОВАЛЕВСКИЙ П.И. Библия и нравственность. Пг. 1916, с. 9.
29. НИКОН (РОЖДЕСТВЕНСКИЙ). Православие и грядущие судьбы России. М. 1994, с. 397.
30. АНТОНИЙ (ХРАПОВИЦКИЙ). О национализме и патриотизме. В кн.: Митрополит Антоний (Храповицкий). Сила Православия. М. 2012, с. 322—323.
31. Там же, с. 323.
32. Там же, с. 324.
33. АНТОНИЙ (ХРАПОВИЦКИЙ). Что значит быть русским националистом. — Колокол. 14.I.1914.
34. Там же.
35. Там же.
36. ЕГО ЖЕ. Чей должен быть Константинополь? Ростов-на-Дону. 1916, с. 6.
37. ЕГО ЖЕ. Наш национализм и задача Пушкина. — Голос Руси. 3.I.1914.
38. Там же.
39. ЕГО ЖЕ. Что значит быть русским националистом.
40. Там же.
41. ВОСТОРГОВ И.И. Патриотическое начинание. По поводу издания газеты «Патриот». В кн.: ВОСТОРГОВ И.И. Полное собр. соч. Т. 4. СПб. 1995, с. 506.
42. АГГЕЕВ К.М. Национализм и религия. — Биржевые ведомости. 9—10.XII.1914.
43. Там же.
44. Там же.
45. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-5974, оп. 2, д. 69, л. 47.
46. Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия. М. 2014, с. 188.
47. Киевлянин. 22.XII.1917.
48. Черниговский вестник. 20.XII.1917.
49. Возрождение. 21.V.1918.
50. ЕФИМОВСКИЙ Е.А. В русском Киеве в 1918 году. Политические силуэты (Отрезок времени). В кн.: ЕФИМОВСКИЙ Е.А. Статьи. Париж. 1994, с. 135—136.
51. КАНДИДОВ Б. Церковь и Гражданская война на Юге (Материалы к истории религиозной контрреволюции в годы Гражданской войны). М. 1931, с. 69.
52. Устав Всероссийского Союза Русских Национальных Общин. Ростов-на-Дону. 1919, с. 2, 18.
53. ГА РФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 69, л. 85—85об.
54. СОКАЛЬСКИЙ А. К русским людям (Письмо третье). — Свет Христов. 15.VIII.1919.
55. Жизнь. 31.VII.1919.
56. Там же.
57. Там же. 4(17).VIII.1919.
58. Там же. 3(16).X.1919.
59. БИРЮКОВА Ю.А. Позиция Юго-Восточного русского церковного собора 1919 г. о политическом противостоянии периода Гражданской войны. — Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2014, вып. 5 (60), с. 13.
60. Единая Русь. 2(15).XI.1919.
61. ГА РФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 69, л. 16.
62. Вечернее время. 11.XI.1919.

Первая публикация об Ижевско-Воткинском восстании 1918 г.

С.Л. Бехтерев, Л.Н. Бехтерева

Аннотация. В работе рассматривается содержание первой публикации, посвященной Ижевско-Воткинскому восстанию августа-ноября 1918 г. в центре сосредоточения стратегически важных для противоборствующих правительств оборонных заводов, учет итогов и уроков которого имел исключительную значимость для военно-политического руководства не только советского Восточного фронта, но и РСФСР в целом. Несмотря на недостаток информативных источников и их вполне очевидную политическую ориентированность, в анализируемой статье предложены ответы на многие вопросы, определившие содержание историографии учредительского движения в Прикамье. Ее использование в современных исследованиях позволяет преодолеть краеведческо-очерковое и субъективно-идеологическое восприятие и стимулировать научное понимание этого феномена гражданской войны в России.

Ключевые слова: гражданская война, исторические альтернативы, Ижевско-Воткинское восстание, раннесоветская историография.

Abstract. The work considers contents of the first publication, dedicated to the Izhevsk-Votkinsk uprising of August-November 1918 in the center of the concentration of strategically important for opposing governments defense factories, accounting of the results and lessons of which was of exceptional importance for the military and political leadership of not only the Soviet Eastern Front, but also the RSFSR as a whole. Despite the lack of informative sources and quite obvious political orientation, in the analyzed article answers to many questions are offered, that determined the content of the historiography of the Constituent Assembly in the Kama region. Its use in modern studies can overcome local history-sketch and subjective-ideological perception and stimulate scientific understanding of this phenomenon of the Civil War in Russia.

Key words: Civil War, historical alternatives, Izhevsk-Votkinsk uprising, early Soviet historiography.

В ряду событий гражданской войны в России выделяется феномен Ижевско-Воткинского восстания августа-ноября 1918 года. Это было вооруженное выступление жителей Прикамья, направленное на восстановление в правах распущенного в январе 1918 г. Учредительного

Бехтерев Сергей Львович — доктор исторических наук, профессор Удмуртского государственного университета. Ижевск. E-mail: sergbehterev@yandex.ru; *Бехтерева Людмила Николаевна* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН. Ижевск. E-mail: behterevaLN@yandex.ru.

Bekherev Sergey L. — doctor of historical sciences, professor at the Udmurt State University. Izhevsk. E-mail: sergbehterev@yandex.ru; *Bekhereva Lyudmila N.* — doctor of historical sciences, chief researcher, deputy director at the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the RAS. Izhevsk. E-mail: behterevaLN@yandex.ru.

собрания как высшего легального и легитимного общенационального органа государственной власти. В то же время оно считается самым крупным восстанием в России с участием рабочих против режима «диктатуры пролетариата» и стоит в одном ряду с крестьянскими выступлениями 1918—1922 гг., Западно-Сибирским, Кронштадтским и Тамбовским мятежами.

За почти 100-летний период своей истории Ижевско-Воткинское восстание обросло массой мифов, легенд, вымыслов из-за недостатка достоверных источников или их тенденциозной интерпретации представителями отечественной и зарубежной историографии в угоду политической конъюнктуры. Так, в эпоху господства марксистско-ленинской методологии, выраженной в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938 г.), восстание стало однозначно квалифицироваться как мятеж эсеровски настроенных рабочих на Воткинском и Ижевском заводах¹. В позднесоветский период в одной из статей энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (1983 г.) «мятеж» определялся как антисоветское выступление в августе-ноябре 1918 г. в Ижевске и Воткинске бывших офицеров, гимназистов, учащихся училища оружейных техников и части подпавших под влияние эсеров рабочих, подготовленное белогвардейско-эсеровской организацией «Союз фронтовиков»². Такая же трактовка событий представлена в одном из центральных обобщающих трудов по восстанию — монографии П.Н. Дмитриева и К.И. Куликова «Мятеж в Ижевско-Воткинском районе» (1992 г.)³.

Не менее мифологизированным сюжетом является военная история учредилковского движения в Прикамье. Яркий ее эпизод — беспатронная «психическая» атака, предпринятая народоармейцами в решающих боях за овладение Ижевским заводом Красной армией 6—7 ноября 1918 года. Под влиянием воспоминаний участников гражданской войны в одной из статей «Советской исторической энциклопедии» (1964 г.) отмечалось, что «ударная группа под командованием В.М. Азина прорвала оборону противника и 7 ноября, отбив впервые предпринятую “психическую” атаку белых, опрокинула их и ворвалась в Ижевск»⁴. До сих пор ходят легенды о якобы многокилометровых фортификационных сооружениях повстанцев. Например, в двухтомной книге «Гражданская война в СССР» (1980 г.) всерьез утверждается, что «белогвардейцы упорно обороняли ижевское направление, создав на нем заранее подготовленную в инженерном отношении оборону, флангами примыкавшую к Волге (удаленность Ижевска от р. Волги составляет несколько сот километров. — С.Б., Л.Б.) и труднопроходимым болотистым местам р. Нылга»⁵.

Со второй половины 1990-х гг. происходит пересмотр многих оценочных суждений относительно Ижевско-Воткинського восстания⁶. Для современного периода историографии также характерен отход от некоторых неправдоподобных сюжетов его военной составляющей⁷. Однако, несмотря на относительную изученность темы, наиболее дискуссионными и слабо разработанными проблемами учредилковского движения в Прикамье являются его причины, характер, направленность, содержание, территориальные и хронологические рамки, состав и судьбы участников, соотношение протестного и позитивного аспектов программы, место и роль партийных организаций различной ориентации в эволюции восстания, военно-исторические сюжеты и символика.

В связи с вышеизложенным целью настоящей публикации является критический анализ первой в советской историографии публикации, посвященной военно-политическому аспекту Ижевско-Воткинського восстания, позволяющей получить достоверные знания о данном феномене гражданской войны в России. При этом авторы не ставят своей задачей подробное освещение степени изученности повстанческого движения в Прикамье.

Статья «Бой под Ижевском 6—7 ноября 1918 года» была опубликована в первом номере журнала «Военная мысль» в январе 1919 года⁸. Нельзя сказать, что она не была известна в академических и военных кругах в первые постреволюционные годы. Парадокс заключается в том, что публикация по ряду объективных и субъективных причин оказалась невостребованной исследователями в позднесоветский период.

Журнал «Военная мысль» являлся органом Революционного Военного Совета (РВС) Восточного фронта Красной армии. Его первый номер вышел в январе 1919 года. По замыслам

редакции и издателя, функции которых выполнял сам РВС, планировалось выпускать два номера журнала в месяц, чтобы «возможно шире, охватить все вопросы, как военные, так и политические, встающие перед нами (Восточным фронтом Красной армии. — С.Б., Л.Б.) в настоящий период Гражданской борьбы». Издание имело девять отделов: военно-научный, политический, снабжения армий, санитарный, военного быта, военного обзора, библиографии и обзора военной литературы, официальный, ответы на запросы читателей. Редакция приглашала работников Красной армии «принять участие в журнале, присылать статьи, как оригинальные, так и материалы, могущие послужить для статей, а также фотографические снимки и зарисовки из жизни фронта, портреты выдающихся политических и военных деятелей и т.п.»⁹. Предполагалась и оплата материалов. Так, оригинальные статьи оценивались в 60 коп. за строку, компиляции — 40 коп., фотографии и рисунки по занимаемому месту из расчета 1 руб. за строку.

В передовой статье «К читателям» редакция журнала изложила свою довольно оригинальную издательскую политику. В частности, отмечалось, что «... журнал будет резко отличаться от всех периодических изданий, выходящих на многочисленных фронтах нашей Республики.

Задачей нашего журнала является учет опыта гражданской войны с точки зрения военного искусства, разработка и освещение проблем военной политики Советского правительства и обсуждение вопросов внутренней организации и быта Красной Армии. Исходя из этого, редакцией журнала приглашены сотрудниками как политические деятели нашей Армии, так и ее командный состав».

Далее редакция обращала внимание читателей на следующее: «мы совершенно отказываемся от статей агитационного содержания. Признавая целиком необходимость коммунистической агитации в войсках, мы тем не менее, полагаем, что эта работа вполне удовлетворительно выполняется газетами армий и дивизий. Смещение же двух типов статей в журнале не привело бы к положительным результатам».

Вместе с тем, редакция журнала особо подчеркивала необходимость взвешенного подхода к материалам статей. «Зато страницы “ВОЕННОЙ МЫСЛИ”, отмечалось в передовице, — широко открыты для статей по всем вопросам, касающимся самых различных сторон жизни армий, если их авторы возьмут на себя труд серьезно продумать интересующие их темы.

Программа журнала — создание мощной армии по последнему слову военной науки, способной победоносно бороться с многочисленными врагами нашей Республики.

Точка зрения редакции не будет давить самостоятельную мысль авторов. Серьезная деловая дискуссия всегда способствовала правильному решению вопроса».

В заключительной части передовицы редакция обращалась «к Штабам армий, дивизий, бригад, ко всем Политотделам, ко всем товарищам солдатам и командирам Красной Армии с просьбой о сотрудничестве. Пусть опыт каждого бойца поскорее станет общим достоянием. Со своей стороны, мы будем стараться снабжать читателя доброкачественным материалом военно-политического характера.

Мы хотели бы, чтобы “ВОЕННАЯ МЫСЛЬ” стала другом и товарищем наших работников. Только при этом условии она сможет выполнить громадную и ответственную работу по воспитанию и сплочению нашей возрождающейся военной мощи»¹⁰.

Сам факт того, что первая статья была посвящена анализу боевых действий по захвату мятежного Ижевска, может свидетельствовать об исключительной важности учета итогов и уроков Ижевско-Воткинского восстания для военно-политического руководства не только советского Восточного фронта, но и РСФСР в целом.

Статья действительно претендует на некоторую академичность, выгодно отличаясь от оперативных сводок и агитационных материалов того времени. Ее автор, Г. Щур, (очевидно, псевдоним) был хорошо осведомлен не только о военных деталях, но и о политическом фоне Ижевско-Воткинского восстания. Предположительно, им мог быть один из представителей командного состава 2-й Красной армии Восточного фронта, командарм-2 В.И. Шорин, либо член Революционного военного совета армии С.И. Гусев. Такое мнение основывается на

полном совпадении некоторых фрагментов текстов анализируемой статьи (опубликована, как уже отмечалось, в январе 1919 г.), описания штурма Ижевска за подписью Шорина и Гусева (датируется позднее 7 ноября 1918 г.) и доклада последнего Революционному Военному Совету Восточного фронта (датируется 12—13 ноября 1918 г.). В пользу их авторства говорит и своеобразный квалификационный критерий, установленный редакцией «Военной мысли» для своих потенциальных сотрудников. Нельзя не отметить и специфические моменты, характеризующие статью. Написанная, что называется, «по горячим следам», она лишь условно называла воинские соединения Красной армии, участвовавшие во взятии Ижевска, скрывая их под №-скими литерами. Это вполне объяснимо, так как в январе 1919 г. 2-я Красная армия Восточного фронта вела ожесточенные бои с отступавшими учредилловцами, а также войсками адмирала А.В. Колчака. Статья иллюстрирована картой расположения «советских» и «белогвардейских» частей накануне штурма Ижевска.

Структурно текст статьи можно разделить на две части, гармонично связанные друг с другом. В первой из них называются причины и дается оценка характеру восстания. В публикации отмечается, что «еще в сентябре месяце на заводах Ижевском и Воткинском и в прилегающем к ним районе вспыхнуло восстание рабочих и окружного кулачества на почве нежелания подчиниться приказу о мобилизации и стать в ряды защитников Советской власти.

Такое шкурническое настроение повело к тому, что против неповинующихся были приняты соответствующие меры воздействия и для ликвидации восстания были выдвинуты необходимые воинские части. Тогда все эти нежелающие воевать в рядах советской армии начали войну против нее и, имея значительное количество оружия, вошли в связь с чехо-белогвардейцами, создав нашей армии новый фронт и оттянув значительные наши силы с важнейших для нас направлений на Урал»¹¹.

Вторая, большая по объему часть статьи, посвящена военному аспекту повстанческого движения в Прикамье. Основываясь на ней, можно выделить два периода в развитии Ижевско-Воткинской операции, явившейся «первой в истории Красной Армии операцией на окружение»¹². Начальный, «экспедиционный», — с момента восстания до 20 октября 1918 г. (директивы Председателя ВЦИК Я.М. Свердлова и Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР В.И. Ульянова (Ленина) Главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики И.И. Вацетису о принятии «самых энергичных мер» к ускорению взятия Ижевского и Воткинского заводов)¹³. Вот как он описан во фрагменте статьи: «Восставшие проявили много упорства и энергии, более двух месяцев беспокоя нас и удачно отбиваясь от нападающих со всех сторон красноармейцев.

Первое время казалось, что подавление восстания не представит для нас больших затруднений и против мятежников были приняты меры экспедиционного характера. Посылались отдельные отряды, получившие задание ликвидировать этот вопрос и навести порядок в захваченном восставшими районе. Но такие экспедиции, каждый раз, оканчивались неудачно, и наши отряды были рассеиваемы противником. Успех окрылял его, восстание охватывало все больший и больший район. Вскоре стало совершенно ясно, что отдельными отрядами подавить восстание невозможно и были приняты меры к окружению противника со всех сторон, локализации охваченного восстанием района и постепенному зажиманию мятежников в суживающееся кольцо. Однако, имевшихся в этом районе наших частей оказалось недостаточно для выполнения такой задачи и явилась необходимость направить сюда несколько новых полков, дабы сразу покончить с Ижевском и тем освободить занятые здесь войска и обеспечить от неприятностей наш тыл»¹⁴.

Второй этап Ижевско-Воткинской операции, «наступательный», характеризуется активизацией и планомерностью действий 2-й и отчасти 3-й Красной армии, Волжской военной флотилии против повстанцев: «В конце октября были двинуты подкрепления и к началу ноября, сконцентрировав достаточные силы в этом районе, войска № армии начали занимать Ижевск. На 7-е ноября — годовщину октябрьской революции — был назначен штурм города и вынесенных впереди него позиций.

Целым рядом коротких ударов с севера и северо-востока нам удалось обмануть расчеты и ожидания противника, заставить его обратить свое внимание на север и создать элемент той неожиданности, при которой наш главный удар с юга прошел особенно удачно и явился для восставших неприятным сюрпризом.

С конца октября наши части начали усиленно наседавать в районе рек Сива и Шаркунь, что к северу от Воткинска, и заняли ряд деревень, приблизившись к Воткинску на 10—12 верст (дер. Мишино, Лиственка, Кленовка и др.) и создав впечатление наших серьезных намерений именно в этом направлении. Противник не учел простой демонстративности наших действий в этом районе и оттянул с юга от Ижевска свои главные силы. Между тем, с первого по пятое ноября скрытно и спешно от Агрыза и Сарапула по железной дороге и водою производилась переброска наших частей и концентрация их под Ижевском.

К 6-му ноября переброска была закончена и части заняли исходное положение, охватывая противника дугой с юга для нанесения главного удара, приблизительно по линии дд. Гальяны — Чепаниха — Девятово — Старый Бор — Лудзи Норья — Верхний Постол и получили приказ начать атаку и ознаменовать праздник 7-го ноября взятием Ижевска — гнезда и оплота бело-гвардейщины.

За два месяца восстания противник не терял времени даром и принял серьезные меры к укреплению захваченного района и приведению его в возможно более недоступный вид. С этой целью были подготовлены позиции для обеспечения обороны Ижевска с востока, юга и запада. Основная позиция противника представляла из себя довольно солидное сооружение, имевшее местами до 3 линий окопов, обнесенных 2—3 рядами проволоки, хорошо оборудованных и снабженных тяжелыми и легкими блиндажами и землянками для жилья. Расположена она была по линии деревень Ашкур-Чудзя — Завьялово — Гондарево — Пирогово — Сепыч — Выко-Чудзя»¹⁵.

Кульминационным событием наступательного этапа операции стал штурм Ижевска 6—7 ноября 1918 года. Именно этот факт в дальнейшем получил массу искажений, дополнений и был даже назван «психической атакой» повстанцев, якобы первой в истории гражданской войны в России. Однако изначально описание боя выглядело менее красочно: «6 ноября в 6 часов утра из 4-х легких батарей началась артиллерийская подготовка по Завьялову, Пирогову, Кирхнерову. После артиллерийской подготовки части боевой линии, волна за волной, были двинуты в атаку на указанные пункты. Стремительным ударом, несмотря на упорное сопротивление, противник был сбит одновременно со всех этих пунктов и медленно отошел на вторую линию своих окопов. Ввиду наступления темноты атака замерла.

С утра 7 ноября производилась разведка с целью выяснить новую группировку противника, что заняло времени до 12 часов дня. В 12 час. началась артиллерийская подготовка, но противник, предупредив нашу атаку, сам перешел в наступление своими ударными ротами, поддержанными ротами учредилковцев, с подбадривающими криками и музыкальными инструментами. Противнику удалось, несмотря на губительный огонь с нашей стороны, подойти к нашей линии в некоторых пунктах шагов на 50—100. К этому времени наши резервы были подтянуты и части перешли сами в атаку. Завязался рукопашный бой, противник был опрокинут, а остатки его начали отходить в город. В это время броневой наш поезд «Свободная Россия», имея у себя роту железнодорожного батальона, восстановив сожженные мосты, врезался на станцию Ижевск, заставив отступить броневой поезд противника, и открыл огонь по тылу. Остатки противника, уже на самой окраине, оказывали слабое сопротивление. На правом фланге один из наших полков к 2-м часам сбил противника у Завьялова и обратил его в бегство.

На левом фланге другой полк, наступая с боями, выбил противника из ряда деревень, причем у д. Большой Норья имел серьезный бой.

7 ноября в 17 час. 40 мин. бой затих и в город въехала, не встречая сопротивления, конница, на завод был введен один наш полк, а остальные части заняли места, указанные приказом.

Нами захвачены трофеи: 6 орудий, 60 бомбометов, 23 пулемета, несколько тысяч винтовок, броневой поезд, 30 исправных локомотивов для узкоколейки, подвижной состав к ним, много прочего войскового имущества и 5 000 000 руб. денег.

Неудача контратаки противника 7 ноября объясняется тем, что его резервы, направленные из Воткинска, были остановлены нашим полком, который в ночь на 6-е высадился с пароходов у Гольян и в течение ночи форсированным маршем достиг дер. Динтем-Чабья и привлек эти резервы на себя.

Помимо доблести и умения, проявленной в этом бою нашими частями, значительную роль сыграл, как я уже сказал, тот элемент неожиданности, который создавался, благодаря введению в заблуждение противника действиями наших частей, к северу от Воткинска. Переброска наших войск от Агрыза и Сарапула прошла совершенно незаметно для противника, быстрое же сосредоточение их дало возможность внести в исполнение плана операции быстроту и решительность, создать солидный армейский резерв и придать, таким образом, прочность боевой линии и, наконец, перейти без остановки от Ижевской операции к Воткинской. Целый ряд фактов подтверждает, что противник никак не ожидал решительного удара с юга. Противник не успел эвакуировать Ижевска, не успел своевременно подтянуть к Ижевску резервы, не успел взорвать знаменитую Ижевскую плотину (что было, как это видно из документов, им задумано и что приостановило бы наше наступление вследствие широкого затопления долины р. Ижа), не успел оттянуть свой правый фланг ближе к Ижевску для лучшего сосредоточения сил, которые оказались оторванными в районе деревень Кырынбай, Нылга-Житья и Каменный Ключ и добровольно сдались в плен целыми партиями нашим частям»¹⁶.

Заключительный абзац статьи посвящен анализу обстоятельств взятия Воткинского завода, завершившего всю операцию: «Сосредоточение сил с юга от Ижевска противник проглядел настолько, что вплоть до 12-го ноября наши части, взявши Ижевск и наступая на Воткинский, встречали лишь слабое сопротивление и только 12-го противник у Воткинска, повидимому, сообразил, откуда ему надо ждать решительного удара. Но было уже поздно. Воткинский под ударами наших советских войск пал еще скорее, чем Ижевск и от противника мало по малу очищается весь правый берег Камы. Так закончилась более чем двухмесячная авантюристическая эпопея кулацко-белогвардейского Ижевско-Воткинского восстания»¹⁷.

Анализируемый очерк в целом характеризуется значительной степенью достоверности изложенных фактов, хотя и страдает некоторыми неточностями. Их можно объяснить тем, что автор, вероятнее всего, не являлся уроженцем мятежного района и включился в описанные события на позднем этапе развития повстанческого движения. Так, в очерке отмечено, что восстание началось в сентябре 1918 года. Сами учредилловцы считали датой его начала 7 августа, разместив ее на Боевом знамени Ижевской дивизии¹⁸. Имеется искажение названий отдельных населенных пунктов Прикамья: дер. Мишино (правильно — Мишкино); Гальяны (правильно — Гольяны); Старый Бор (правильно — Старков Бор); Ашкур-Чудзя (правильно — Якшур-Шудзя); Гондарево (правильно — Гондырево); Выко-Чудзя (правильно — Вуко-Шудзя); Карын-Бай (правильно — Карынбай); Нылга-Житья (правильно — Нылга-Жикья).

Весьма важен впервые подмеченный состав участников Ижевско-Воткинского восстания. В очерке он определяется как «рабочие и окружное кулачество». И, что характерно, никаких намеков на «эсеровски настроенных рабочих» нет. В то же время данное положение требует обоснования с помощью принципиально новых документов, еще не введенных в научный оборот.

Достаточно доказательным видится и авторский взгляд на повод для восстания — «нежелание подчиниться приказу о мобилизации и стать в ряды защитников Советской власти». Этот тезис находит подтверждение в ряде источников. Так, А.П. Кучкин, заведующий политотделом 2-й Красной армии, вспоминал: «За два часа до окончания работ (иначе ни одного не соберешь) был дан гудок: знак собираться на митинг. У всех ворот были расставлены часовые, не пропускавшие рабочих по домам. Когда ораторы, надрываясь, заканчивали лозунгами свою

речь, в ответ было молчание... Немногие выкрикивали: «Не надо было задерживать чехов! Пусть бы ехали на Дальний Восток — тогда бы не было войны! Сами коммунисты виноваты! Идти брат на брата — не дело это!»... Наши призывы повисли в воздухе... Кажется, только на одном митинге прошла незначительным большинством резолюция о поддержке Советской власти вообще... На других митингах провалилась и эта резолюция... Побитыми собаками оставляли мы Ижевск»¹⁹.

Для автора публикации очевидны «кулацко-белогвардейский» характер и антисоветская направленность Ижевско-Воткинского восстания, вмененные в вину ижевским и воткинским рабочим. Эти определения впоследствии лягут в основу отечественной историографии гражданской войны в России.

Между тем выяснение социологии учредилковского движения не являлось основной целью анализируемого очерка. В центре внимания — военная сторона, показ боевых успехов молодой Красной армии в Урало-Поволжье, формировавшейся в борьбе с многочисленными противниками: чехословаками, «белогвардейцами», рабочими заводов и «кулачеством». Информационную основу этой части статьи, как отмечалось ранее, составили описание штурма Ижевска за подписью Шорина, Гусева и доклад последнего РВС Восточного фронта.

В силу солидной документальной базы очерк достаточно объективно воспроизводит главные боевые события в истории Ижевско-Воткинского восстания. Не вдаваясь в подробности анализа этого аспекта, отметим некоторые актуальные сюжеты. Во-первых, ни в публикации, ни в источниках ни слова не сказано о военно-технических преимуществах Народной армии перед Красной армией. Более того, автор в некоторых случаях даже неявно симпатизирует повстанцам, говоря об их военной доблести: «Восставшие проявили много упорства и энергии, более двух месяцев беспокоя нас и удачно отбиваясь от нападающих со всех сторон красноармейцев»²⁰. Поэтому утверждение современного историка Е.Г. Ренёва о том, что «в советской историографии изначально была принята точка зрения о победе Красной армии над превосходящими силами противника»²¹, выглядит не вполне обоснованным. Главными причинами успеха штурма мятежного Ижевска автором очерка называются: «окружение противника со всех сторон», «локализация охваченного восстанием района», «постепенное зажимание мятежников в суживающееся кольцо», «концентрация достаточных сил» Красной армии «в этом районе», «скрытная и спешная переброска наших частей и концентрация их под Ижевском», «доблесть и умение наших частей», «внесение быстроты и решительности в исполнение плана операции», «создание солидного армейского резерва», обеспечившего «прочность боевой линии» и переход «без остановки от Ижевской операции к Воткинской». Особое значение придавалось введению в заблуждение противника путем демонстрации наступления против повстанцев с севера и северо-востока (со стороны Воткинского завода) и нанесение главного удара с юга, который «явился для восставших неприятным сюрпризом». Как видим, перечислены почти все классические составляющие военного искусства, которым предстояло овладеть Красной армии в условиях наступления войск адмирала Колчака.

Спорным является вопрос о трофеях, оставшихся от ижевских повстанцев. Так, в «Описании штурма г. Ижевска войсками 2 армии 6—7 ноября 1918 г.» почти слово в слово с очерком отмечается: «Нами захвачены трофеи: 6 орудий, 60 бомбометов, 23 пулемета, несколько тысяч винтовок [еще не приведено в известность] (в очерке фраза опущена. — С.Б., Л.Б.), броневой поезд, 30 исправных локомотивов для узкоколейки, подвижной состав к ним [для широкой колеи подвижного состава мало] (в очерке фраза опущена. — С.Б., Л.Б.), много прочего войскового хозяйства (в очерке вместо «хозяйства» — «имущества». — С.Б., Л.Б.), которое еще не приведено в известность (в очерке фраза после запятой опущена. — С.Б., Л.Б.) и 5 000 000 руб. денег»²². В дальнейшем, по мере развития советской историографии, трофеи стали выглядеть более значительными. Так, в книге «Владимир Азин» (1958 г.) коллектива авторов под редакцией сотрудника Удмуртского научно-исследовательского института М.А. Садакова без ссылки на источник утверждалось, что «в освобожденном Ижевске белогвардейцы» помимо всего прочего «оставили 6 самолетов,... 43 пулемета (почти в два раза больше изначального. — С.Б., Л.Б.)»²³.

Весьма примечательно, что Дмитриев и Куликов в своей монографии, ссылаясь на книгу «Владимир Азин», фактически привели данные по трофеям, содержащиеся в цитируемых источниках, то есть без самолетов и увеличенного числа пулеметов²⁴.

И все же наиболее яркой, красочной страницей военной истории учредилковского движения в Прикамье до сих пор остается штурм Ижевска Красной армией 6—7 ноября 1918 года. Нельзя сказать, что мятежники ничего не предприняли для восстановления положения. Была как минимум контратака «ударных рот противника», поддержанных «ротами учредилковцев» «с подбадривающими криками и музыкальными инструментами»²⁵. Но можно ли считать ее беспатронной, первой в истории гражданской войны «психической атакой» «отчаявшихся рабочих-белогвардейцев» — на этот счет ни источники, ни раннесоветский очерк, посвященный восстанию, ничего не сообщают. Мифологизация этого сюжета произошла спустя 40 лет со дня подавления повстанческого движения. В книге «Владимир Азин» даны следующие подробности боя: «Чтобы сорвать атаку красных, роты офицерских батальонов поднялись из-за своих укрытий. Над ними взвились знамена. Грянули трубы духовых оркестров. Стройными рядами, печатая шаг, выставив вперед острые жала штыков, шагали навстречу азинцам (бойцам 2-й сводной дивизии начдива В.М. Азина 2-й Красной армии. — С.Б., Л.Б.) офицерские колонны... Белые все ближе и ближе. Слышны их пьяные крики, матерщина. Вот уже видны лица: выкатившиеся от ненависти и страха глаза, черные провалы ртов... Сшиблись... Но дрогнули офицерские батальоны, не выдержали мужицкой всесокрушающей силы...»²⁶ Следует заметить, что информационной основой для данного эпизода стали субъективные воспоминания красноармейцев азинской дивизии, существенно дополненные редакционной правкой журналистов и историков.

Факт «психической атаки» под Ижевском признают Дмитриев и Куликов. Однако в определении ее участников авторы проявляют непоследовательность. Если первоисточники и анализируемый очерк оперируют понятиями «противник», «учредилковцы», то последующие издания — «враг», «белогвардейцы», «белые», «офицеры». Сложнее определиться в данном вопросе было Дмитриеву и Куликову. Здесь употребляются такие слова, как «противник», «враг», «белогвардейцы», «ижевские белогвардейцы», «штурмовики», «офицеры», «белоучредилковские мятежники»²⁷.

Более красочно в монографии «Мятеж в Ижевско-Воткинском районе» описаны детали «психической атаки»: «противник, предупредив атаку красных, сам перешел в наступление. Вдруг тревожно завывла заводская сирена, потом забили колокола Михайловского собора (самого крупного храма в Ижевске. — С.Б., Л.Б.), а затем со стороны противника появились цепи и колонны наступающих. Шли они ровными рядами под бой барабанов и ритмы духовых инструментов, неся впереди красно-зеленые знамена и хоругви. Шеренга за шеренгой ровно и четко, чеканя шаг, приближались батальоны к цепи красных, которые на первых порах смотрели на это красивое, одновременно жуткое зрелище с недоумением и нарастающим страхом. Это было как раз то, к чему давно и упорно готовились ижевские белогвардейцы... Да, это была первая психическая атака белых в гражданскую войну»²⁸.

Разнятся в историографии и прочие детали боя под Ижевском. Выполняя в начале 1919 г. определенный идеологический заказ, автор первого очерка опустил некоторые «неудобные» для военно-политического руководства РСФСР факты взятия Ижевска, в частности — полнейший разгром 2-го Мусульманского полка, вместе с другими частями штурмовавшего мятежный город 6—7 ноября 1918 года. Однако данный эпизод хорошо освещен в «Описании штурма г. Ижевска...»: «На правом фланге Смоленский полк (в очерке — «один из наших полков». — С.Б., Л.Б.) к 2-м часам сбил противника у Завьялово и обратил его в бегство. Мусульманский полк задачи не выполнил, а покинув 2 гаубицы, 4 легких орудия, все пулеметы и винтовки, в панике бежал от первых выстрелов противника и докатился до Кичева. Противнику удалось вывезти орудия, а пулеметы направить против наших частей, действующих в районе Пирогова» (данный фрагмент в очерке отсутствует. — С.Б., Л.Б.)»²⁹.

Достоверная картина боя под Ижевском еще не создана. Наиболее близко к объективному изложению военной истории Ижевско-Воткинского восстания подошел Ренёв, хотя

его отдельные суждения либо слишком категоричны, либо не верифицируются иными источниками.

Таким образом, очерк «Бой под Ижевском 6—7 ноября 1918 года», несмотря на недостаток информативных источников и вполне очевидную политическую ориентированность, является первой раннесоветской публикацией, в которой предложены ответы на многие вопросы, определившие содержание историографии Ижевско-Воткинского восстания 1918 года. Его использование в современных исследованиях позволяет преодолеть краеведческо-очерковое и субъективно-идеологическое восприятие и стимулировать научное понимание данного феномена гражданской войны в России.

Примечания

1. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1938, с. 217.
2. Ижевско-Воткинский мятеж. В кн.: Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М. 1983, с. 224.
3. ДМИТРИЕВ П.Н., КУЛИКОВ К.И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск. 1992, с. 384.
4. ЛАДУХИН В.Н. Ижевско-Воткинская операция 1918. В кн.: Советская историческая энциклопедия. Т. 5. М. 1964, с. 759—760.
5. Гражданская война в СССР. Т. 1. М. 1980, с. 194.
6. ИВАНОВ А.В. Социально-политические аспекты Ижевско-Воткинского восстания в трудах советских историков 1920—30-х годов. — Вестник Удмуртского университета. 2012, вып. 3, с. 47—54; ФЕЛЬДМАН М.А. Ижевско-Воткинское рабочее восстание сквозь призму социальной истории России. — Российская история. 2012, № 3, с. 12—20; ЧУРАКОВ Д.О. Бунтующие пролетарии: Рабочий протест в Советской России (1917—1930-е гг.). М. 2012; ВЕРЕЩАГИН А.С. Ижевско-Воткинское восстание 1918 года: старые проблемы и новые интерпретации. — Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. 2015, № 2, с. 110—117.
7. РЕНЁВ Е.Г. Красная армия против Ижевского восстания: Осень 1918 года. Ижевск. 2013.
8. ЩУР Г. Бой под Ижевском 6—7 ноября 1918 года. — Военная мысль. 1919, № 1, с. 6—8.
9. Там же, с. 1.
10. К читателям. — Там же. 1919, № 1, с. 2.
11. ЩУР Г. Ук. соч., с. 6.
12. Гражданская война в СССР, т. 1, с. 194.
13. Телеграмма В.И. Ленина И.И. Вацетису о необходимости скорейшего взятия Ижевска и Воткинска от 20 октября 1918 г. — 2 армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья. 1918—1919. Документы. Устинов. 1987, с. 85.
14. ЩУР Г. Ук. соч., с. 6.
15. Там же, с. 6—7.
16. Там же, с. 7—8.
17. Там же.
18. ЕФИМОВ А.Г. Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918—1920. М. 2008, с. 374.
19. Цит. по: Урал и Прикамье, ноябрь 1917 — январь 1919. Документы и материалы. В кн.: Исследования Новейшей Русской Истории. Париж. 1982, с. 321, 325.
20. ЩУР Г. Ук. соч., с. 6.
21. РЕНЁВ Е.Г. Ук. соч., с. 5.
22. Описание штурма г. Ижевска войсками 2 армии 6—7 ноября 1918 г. В кн.: 2 армия в боях за освобождение Прикамья и Приуралья..., с. 100.
23. Владимир Азин. Ижевск. 1958, с. 48.
24. ДМИТРИЕВ П.Н., КУЛИКОВ К.И. Ук. соч., с. 271, 280.
25. ЩУР Г. Ук. соч., с. 7.
26. Владимир Азин, с. 47.
27. ДМИТРИЕВ П.Н., КУЛИКОВ К.И. Ук. соч., с. 260—270.
28. Там же, с. 267.
29. Описание штурма г. Ижевска..., с. 100.

Contents

The political archives of the Twentieth century: **P.A. Iskenderov**. Chronicle of the Great Victory (1941—1945). Articles: **V.V. Fomin**. «Fryagi» of the Russian monuments. Historical profiles: **P.A. Iskenderov**. Nikolai Genrikhovich Gartvig. Historical publicistics: **A.I. Tetuyev**. Russian federalism: problems and evolution. Publications: **S.A. Khbulova**. Statements of the former red partisans of the South of Russia in the 1920s — 1930s. Contributions: **A.V. Mankov**, **E.K. Mineeva**. Essers of the Middle Volga region at the beginning of the XX century; **K.N. Ismayilov**. Agrarian relations and land issue in the Azerbaijan Democratic Republic (1918—1920). Debatable issues: **B.D. Tsybenov**. About the time of settlement of the Amur region with daurites: a new interpretation of the data. History and fates: **E.V. Katyshevtseva**, **K.-H. Min**. Party political studies in the 88th Rifle Brigade (OSBR) and Kim Il Sung (1942—1945). For teacher of history: **P.A. Iskenderov**. Economic roots of geopolitics (on the example of the Balkans). People. Events. Facts: **L.N. Lyutov**. Moral and political aspect of collectivization (the second half of 1920—1930); **M.S. Fedorova**, **L.P. Holodova**. Changing the architectural appearance of military hospitals in Russia since 1707; **Sh.A. Magaramov**, **N.A. Magomedov**. Development of sea trade on the Caspian Sea in the 17th century. From history of religions: **A.A. Ivanov**, **A.A. Chemakin**. Orthodox clergy and Russian nationalism in the early 20th century. Historiography: **S.L. Bekherev**, **L.N. Bekhereva**. First publication on the Izhevsk-Votkinsk uprising of 1918.

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор П.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе,
М.А. Лагода, Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова,
В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Присланные материалы после рецензирования не возвращаются
Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 9, 2018

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Долгоруковская улица, дом 23А, строение 1, офис 211. Москва, 127006.

Телефоны: (499) 978-20-82, (499) 978-61-03. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции. Компьютерное сопровождение: *С.А. Терентьев*

Подписано в печать 25.08.2018. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 2464-2018. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие 2019 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**